M69

M69

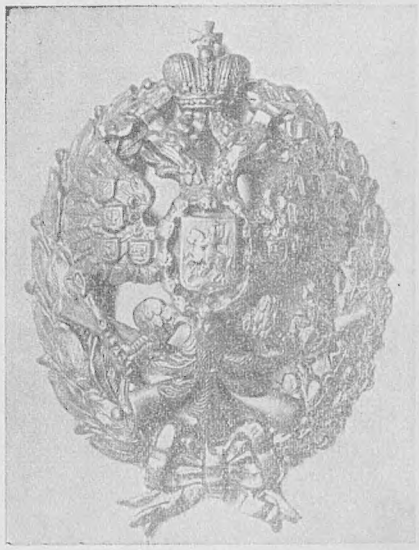
09319

Центральный Государственный
архив Октябрьской Революции
и соц. строительства СССР
Ф. № 7030 оп. № 3 Ед. хр. № 1208

№1701.

СБОРНИКЪ
ВОСПОМИНАНІЙ

Пѣхотинцы



ВЫПУСКЪ 2-й.

Бѣлградъ
1937.

К
№ 1701.
М69

СБОРНИКЪ ВОСПОМИНАНІИ

Михайловцы

О МИХАЙЛОВСКИХЪ АРТИЛЛЕРІЙСКИХЪ
УЧИЛИЩѢ И АКАДЕМІИ
И ИХЪ ПИТОМЦАХЪ.

ДОНСКОЙ АРХИВЪ

ВЫПУСКЪ 2-й.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГА СССР Инв. № 09319

Изданіе
Правленія Общества Михайловцевъ,
подъ редакціей полковника С. И. Лашкова.

Хранилище печатных изданий ЦГАОР СССР
ВХ. № Зр-1981

БѢЛГРАДЪ—ЮГОСЛАВІЯ.
1937.

К

Tous droits réservés
Всѣ права сохранены за издательствомъ.

Типографія „МЕРКУРЪ“. Бѣлградъ, Топличинъ венацъ, 10.

Е. И. В. Великій Князь

Михаилъ Александровичъ

въ чинѣ подпор. Гвард. Конн. Артил. — 1899 г.

Августѣйшій Михайловецъ, выпуска 1898 г.

(Убитъ 18 Іюля 1918 г.).

Е. И. В. Великій Князь **Михаилъ Александровичъ**.

Е. И. В. Великій Князь **Андрей Владиміровичъ** (п-ю. М. А. У.), полк. Епанчинъ, кадетъ Т. Т. Бѣляевъ, ген. Т. М. Бѣляевъ (к-ръ Л.-Гв. 1 арт. бр). Сидитъ ген. Васмундъ.

(Снято на Финляндскихъ маневрахъ 1898 г.)

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ.

Пользуясь нашимъ Сборникомъ, какъ средствомъ связи, сообщаемъ однокашникамъ, что:

Его Императорское Высочество Великій Князь Андрей Владиміровичъ соизволилъ принять на себя званіе Почетнаго Предсѣдателя **Общества Михайловцевъ.**

Задержка въ печати 2-го выпуска произошла изъ-за неаккуратной присылки денегъ, которыхъ было недостаточно для начала печатанія и только благодаря помощи одного изъ Михайловцевъ, давшаго дополнительную сумму, можно было приступить къ изданію 2-ой книжки.

Матеріала для Сборника прислано такъ много, что пришлось длинныя статьи подѣлить, оставивши вторую часть для 3-го выпуска.

Разсылая книжки 2-го выпуска Сборника, мы объявляемъ подписку на 3-й выпускъ и просимъ присылать матеріалы для текста а также свои фотографіи и необходимыя о себѣ свѣдѣнія (имя, отчество, фамилія, чинъ, годъ выпуска, для ускоренныхъ и мѣсяцъ, наименованіе части, въ которой началъ и закончилъ службу — въ Императорской Арміи и во время Гражданской войны, и теперешній адресъ). Это просится потому, что выражено желаніе, чтобы былъ приложенъ списокъ членовъ Общества Михайловцевъ. Кто не хочетъ, чтобы его адресъ помѣщался въ печати, пусть объ этомъ извѣститъ.

Если не будетъ задержки въ присылкѣ денегъ, то 3-й выпускъ будетъ печататься отъ 1-го мая 1938 г.

Подписная цѣна для 3-го выпуска назначается: для Югославіи — 36 динаръ (съ доставкой), для остальныхъ странъ — 1 долларъ. При присылкѣ личныхъ фотографій для клише, просимъ, кромѣ стоимости клише (считая по $^1/_2$ динара за квадратный сантиметръ, но не меньше 20 дин.), прилагать еще 10—40 динаръ для оплаты печатанія, такъ какъ тогда можно будетъ, не уменьшая числа страницъ текста, сдѣлать сборникъ болѣе объемистымъ, въ зависимости отъ количества присланныхъ фотографій.

Для оплаты отвѣтовъ просимъ присылать почтовые купоны или марки.

Ген.-лейт. Мих. Ник. *Промтовъ.*
Ген.-маіоръ Ник. Степ. *Батюшинъ.*
Полковникъ Серг. Иван. *Лашковъ.*
Полковникъ Іоак. Іоаким. *Сахновскій.*
Капитанъ Евг. Петров. *Яковлевъ.*
Рез. капитанъ Конст. Воиславов. *Саватіевичъ.*
Сотникъ Алекс. Иванов. *Крыловъ.*

Конст. Вас. Снигиревскій
Ген.-м., вып. 1873 г.

„ВОСПОМИНАНІЯ СТАРѢЙШАГО“
(1870—1873 г. г.).

„Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!“
Пушкинъ.

Чтеніе воспоминаній, помѣщенныхъ въ I выпускѣ „Михайловцы“, доставило мнѣ истинное и давно непереживаемое удовольствіе, всколыхнуло мою душу и сердце и потому вызвало глубокую благодарность и признательность иниціаторамъ, редактору и первымъ сотрудникамъ, такъ красочно, подробно и совершенно исчерпывающе, описавшимъ жизнь Михайловскихъ Академіи и Училища за время обученія въ этихъ учрежденіяхъ,а равно также мѣтко, правдиво, съ величайшей любовью и уваженіемъ изобразившихъ нравы, привычки и цѣнность умственнаго багажа бывшихъ при нихъ профессоровъ и штатныхъ преподавателей, какъ и лицъ строевого состава Училища.

Ген.-м. К. В. Снигиревскій — 1937 г. (вып. Уч. 1873 г.).

Ген.-лейт. **М. Н. Промтовъ** поступилъ въ Михайловское Училище въ сент. 1874 г., а я окончилъ Училище въ августѣ 1873 года, такъ что только одинъ годъ былъ проме-

жуткомъ между нашимъ пребываніемъ въ этомъ Училищѣ, а потому жизнь его не могла сколько-нибудь замѣтно измѣниться за такой короткій срокъ и на мою долю остается только немного дополнить ее несущественными мелочами и разсказать кое-что о своихъ товарищахъ по выпуску и ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Разскажу подробно о томъ, что въ въ мое время у Михайловцевъ въ шутку называлось *„праздникомъ св. мостовъ“*. До постройки въ 1875 и послѣдующихъ годахъ постояннаго Литейнаго моста черезъ Неву, только Николаевскій на гранитныхъ устояхъ, Тучковъ и Сампсоніевскій на деревянныхъ сваяхъ были постоянными мостами, а Литейный, Троицкій и Дворцовый — были пловучими, на плашкоутахъ; Биржевого же и Охтенскаго совсѣмъ не существовало. При осеннихъ и весеннихъ ледоходахъ всѣ пловучіе мосты снимались съ якорей и буксирными катерами цѣликомъ отводились къ правому берегу рѣки и тамъ закрѣплялись.

Въ это время, чтобы изъ артиллерійскаго гнѣзда, т. е. Литейной части города, попасть въ учебныя артиллерійскія учрежденія, какъ-то Академію, Училище, Пиротехническую школу и Школу Донскихъ казачьихъ урядниковъ, необходимо было проѣхать черезъ Николаевскій, Тучковъ и Сампсоніевскій мосты. Разстояніе это, громадное само по себѣ, увеличивалось еще тѣмъ, что проѣзда по набережной мимо зданій Адмиралтейства не существовало и эти зданія приходилось объѣзжать, да и на Петербургской сторонѣ приходилось объѣзжать территорію Петропавловской крѣпости и Зоологическаго сада. Въ городѣ во время ледоходовъ всегда бывала распутица и одинаково трудно было ѣздить и на саняхъ и на колесахъ. Для ускоренія на Васильевскомъ приходилось перемѣнять извощиковъ.

На этотъ путь въ оба конца требовалась не менѣе 5 слишкомъ часовъ и не дешево стоило, а потому дней на 10—15 совершенно прекращались лекціи во всѣхъ поименованныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это у насъ и называлось „праздникомъ св. мостовъ“, хотя репетиціи и производились.

Весной этого праздника не существовало, какъ не было и праздника Св. Пасхи. Обыкновенно въ концѣ 3-ей недѣли Великаго Поста заканчивались всѣ лекціи въ Училищѣ и Академіи до будущаго учебнаго года. На 4-ой недѣлѣ всѣ говѣли, а съ 5-ой начинались экзамены и потому на Пасхѣ шелъ усиленный зубрежъ. Только самые экзамены не назначались съ четверга Страстной до Среды Пасхальной недѣль. Такіе ранніе экзамены вызывались тѣмъ, что они должны были заканчиваться не позже 2—3-го мая, дабы 4—5-го числа Училище могло выступить въ лагерь въ Красное Село, для практической стрѣльбы, пока всѣ поля въ окрестностяхъ Краснаго Села свободны до 1 іюня, когда выступали въ лагерь пѣхотныя и кавалерійскія части.

Проѣзда по набережной Невы вдоль фасада зданія Училища не было и потому здѣсь былъ широкій плацъ, доходившій до самой рѣки, ограниченной невысокой гранитной набережной. На этомъ плацу производились конныя ученія съ орудіями, а по субботамъ — церемоніальные марши подъ звуки духоваго оркестра Л. Гв. 1-ой арт. бригады, приглашавшагося за установленную плату.

Въ зданіи Училища была настоящая русская баня съ „*полкомъ*“ для парящихся. Топилась она каждую среду въ послѣобѣденное время. — Въ эти дни тамъ мылись и парились всѣ, кто хотѣлъ. Въ проходномъ дворѣ между зданіями собственно Училища и химической лабораторіи существовалъ небольшой газовый заводъ, обслуживавшій Училище, кромѣ жилыхъ помѣщеній, лабораторію со множествомъ калильныхъ лампочекъ для анализовъ и аудиторію, а кромѣ того и Медицинскую Академію, находящуюся черезъ дорогу отъ Училища.

Теперь коснусь лицъ преподавательскаго персонала.

При мнѣ въ среднемъ классѣ Дифференціальное исчисленіе читалъ извѣстный математикъ **Рощинъ**, который тогда еще не былъ профессоромъ, а лишь штатнымъ преподавателемъ. — Скромный, въ высшей степени вѣжливый, въ щегольской черной сюрьтучной парѣ, четко и красиво писалъ на доскѣ свои выкладки. Въ его формулахъ царила такая логика, что не понять ихъ было невозможно. Впослѣдствіи, когда онъ вышелъ въ отставку, то проживалъ въ Кіевѣ и прекрасно писалъ масляными красками пейзажи и этюды съ натуры.

Вотъ что мнѣ было извѣстно о профессорахъ Академіи генералъ-лейтенантахъ **Гадолинѣ** и **Маевскомъ.** Оба они были Георгіевскими кавалерами со времени Севастопольской кампаніи. Въ ихъ присутствіи на фронтѣ одна изъ непріятельскихъ бомбъ упала на земляную крышу пороховаго погреба и продолжала крутиться, а деревянная трубка въ очкѣ бомбы — дымилась. Оба они разомъ взобрались на крышу погреба и вдвоемъ сбросили бомбу на землю. Къ счастью, трубка заглохла и бомба не разорвалась, но, несомнѣнно, оба рисковали и жертвовали своей жизнью, за что и были награждены орденомъ св. Георгія. Оба они ежедневно проходили по нашему классному корридору, направляясь изъ классовъ Академіи въ инспекторскую и обратно. Относительно Гадолина не помню, а генерала Маевскаго какъ сейчасъ вижу съ золотымъ аксельбантомъ.

Генералъ Маевскій читалъ въ Академіи курсъ Баллистики и написалъ по этому предмету цѣлое сочиненіе, т. е. книгу. По какому-то поводу произошло затрудненіе съ изданіемъ этой книги въ Россіи и, конечно, на русскомъ языкѣ, и потому ген. Маевскій немедленно рѣшилъ перевести сочиненіе на французскій языкъ и издать книгу въ Парижѣ. Все это дѣло быстро наладилось, и парижскій издатель корректурные листы для первой провѣрки присылалъ въ Петербургъ, а дальнѣйшая корректура совершалась въ Парижѣ.

Въ Академіи же Баллистика читалась по черновикамъ будущей книги. Слушатели Академіи какъ разъ тогда готовились къ экзамену по Баллистикѣ, на что было дано нѣсколько дней. Поручикъ Стессель, готовясь по этимъ запискамъ, нашелъ одинъ математическій выводъ неправильнымъ. Долго, долго надъ нимъ бился, но окончательный выводъ у него, все-таки, выходилъ не тотъ, что значился въ запискахъ. Для провѣрки себя онъ обращался къ товарищамъ, но тѣ гнали его прочь, такъ какъ у вся-

каго время было дорого и никто не соглашался его выслушать. Наконецъ Стессель рѣшился обратиться къ самому профессору. Тотъ коротко сказалъ: „изложите все письменно и передайте для просмотра шт.-капитану Забудскому“ (его секретарь-академикъ). Стессель такъ и сдѣлалъ, но все это произошло въ послѣдній день, данный на подготовку. Весь остальной курсъ Стессель не успѣлъ даже и просмотрѣть. Штабсъ-капитанъ Забудскій призналъ выводы Стесселя безусловно правильными и сообщилъ объ этомъ и генералу Маевскому и Стесселю. Тѣмъ не менѣе, послѣдній былъ въ отчаяніи, т. к. ему грозилъ провалъ на экзаменѣ по одному изъ главныхъ предметовъ. Товарищи доложили объ этомъ ген. Маевскому, тотъ односложно отвѣтилъ: „*Хорошо*“.

Наступилъ день экзамена. А надо сказать, что ни въ Академіи, ни въ Училищѣ на экзаменахъ и репетиціяхъ насъ не вызывали, а выходили мы сами, когда кто хотѣлъ, и говорили: „*Г-нъ профессоръ, разрѣшите взять билетъ*“ (на экзаменѣ) или же „*г. профессоръ, не откажите прорепетировать меня*“. „*Пожалуйста*“, былъ отвѣтъ.

Стессель не выходилъ до самаго конца экзамена и когда онъ остался однимъ неспрошеннымъ, то ген. Маевскій, какъ предсѣдатель комиссіи, заявилъ, что поручику Стесселю онъ ставитъ 12 балловъ безъ всякаго экзамена. Одинъ изъ членовъ комиссіи возразилъ, что этимъ нарушаются традиціи Академіи. — Маевскому это не понравилось, но онъ, не возражая, сказалъ Стесселю: „*возьмите билетъ*“. Тотъ взялъ, показалъ № билета и прочиталъ въ программѣ тѣ вопросы, на которые долженъ былъ отвѣчать. Маевскій говоритъ: „*Ну, для Васъ это пустяковые вопросы, а Вы лучше разскажите намъ*“ — о томъ-то, т. е. какъ разъ о томъ вопросѣ, надъ которымъ Стессель работалъ въ дни подготовки, и когда онъ отвѣтилъ, то Маевскій сказалъ: „*Ну вотъ, и форма соблюдена и Вы получаете 12 балловъ за отвѣтъ*“. — Въ Парижъ была послана телеграмма о возвращеніи корректуры.

Исторію артиллеріи читалъ намъ полк. **Эгерштромъ**. Человѣкъ высокаго роста, хорошаго сложенія, прямо красавецъ брюнетъ. Обычно, разсказывая о какомъ-нибудь оружіи, на доскѣ писалъ его названіе, напр. „праща“ или „аркебузъ“, „лукъ“, „стрѣла“ и при этомъ въ доску „бумъ“ — это ставилъ такъ точку, а мѣлъ разбивался вдребезги. Полк. Эгерштромъ обучалъ насъ и артил. черченію. По характеру это былъ джентльменъ высокой марки.

Инспекторомъ классовъ Академіи и Училища былъ въ мое время полк. **Демяненковъ**; онъ же въ младшемъ классѣ читалъ Военную администрацію. Обыкновенно, приходя въ классъ, онъ садился не совсѣмъ спиной къ юнкерамъ, а такъ, что называется, въ $^3/_4$, т. е. лицомъ къ углу между стѣной, при которой на мальбертахъ стояли доски, и боковой. Цѣлый часъ, не оборачиваясь, просиживалъ въ такой позѣ и затѣмъ, при концѣ лекціи, вставалъ и уходилъ. Говорилъ прекрасно, отчетливо и даже литературно, несмотря на сухость предмета. За три года полк. Демяненковъ ни разу ни съ однимъ изъ юнкеровъ ни о чемъ не говорилъ.

Всѣ распоряженія по инспекторской части намъ сообщались для исполненія черезъ помощника инспектора полк. **Кирпичева**.

Это былъ общій любимецъ, чудная личность, хотя и большой оригиналъ. Носилъ всегда сюртукъ изъ толстѣйшаго драпа, съ пришитыми наглухо погонами. Если приходилось надѣвать сюртукъ съ эполетами, то они пристегивались поверхъ погонъ. Это особенно казалось страннымъ тогда, когда, до производства въ полковники, онъ носилъ капитанскіе эполеты. Въ то время всѣ говорили, что будто бы Левъ Львовичъ Кирпичевъ, провалившись на экзаменѣ изъ Механики, не то въ Училищѣ, не то въ Академіи, далъ себѣ слово быть профессоромъ Механики. Если это правда, то слово свое сдержалъ, такъ какъ при мнѣ онъ и читалъ Механику въ Училищѣ, а въ Академіи — профессоръ Вышнеградскій. Въ дальнѣйшемъ я еще вернусь къ личности Л. Л. Кирпичева.

Учебный залъ (Клиновыя пушки обр. 1877 г. и горная пушка обр. 1882). Изъ альбома 1895 г.

Въ младшемъ классѣ полк. **Усовъ** читалъ намъ изъ Физики только одинъ отдѣлъ, именно о „Свѣтѣ“. Въ теченіе всего года онъ знакомилъ насъ съ тѣмъ методомъ, которымъ необходимо обрабатывать отдѣлы по физикѣ въ математическомъ отношеніи. Не помню были ли у насъ репетиціи, но экзамены по этому отдѣлу физики мы держали. Полк. Усовъ часто встрѣчающійся коэффиціентъ обозначалъ греческою буквою μ, выговаривающейся какъ **„мю“**. На лекціяхъ полк. Усова только и слышалось „мой мю“, „мой мю“, такъ что мы и его самаго прозвали *„мой мю“*.

Законовѣдѣніе читалъ адъюнктъ Петербургскаго Университета **Чиколини**. Его лекціи были чрезвычайно интересны, ибо Судебные Уставы Императора Александра II только что введены были въ жизнь. Знакомство не только съ новымъ судоустройствомъ и

судопроизводствомъ, но и съ сутью самихъ законовъ было чрезвычайно полезно. Очень долго прослужилъ я въ Окружномъ Арт. Управленіи Одесскаго Военнаго Округа, занимая послѣдніе 10 лѣтъ должность правителя дѣлъ этого Управленія. За это время мнѣ не разъ приходилось выступать и въ Окружномъ Судѣ и въ Судебной палатѣ по защитѣ казенныхъ интересовъ въ процессахъ на десятки тысячь рублей. Въ результатѣ казна ни копѣйки не заплатила по этимъ процессамъ.

Одно время, когда мы были въ младшемъ классѣ, насъ замучили частыми репетиціями. Предстояли репетиціи по Механикѣ, на подготовку къ которымъ дали очень мало времени. Мы черезъ ходоковъ отъ всего класса обратились къ Льву Львовичу Кирпичеву съ просьбою — отсрочить репетиціи дня на два. Онъ отказалъ въ этомъ наотрѣзъ. Почему-то эти репетиціи были назначены на одинъ день и не вечеромъ, а взамѣнъ его лекціи по Механикѣ. Онъ вызывалъ насъ по одному и каждый изъ насъ отвѣчалъ, что не готовъ еще репетироваться, по недостатку времени на подготовку. Тогда онъ предложилъ рѣшить одну общую для всѣхъ задачу по Механикѣ. Стали спрашивать, — какъ ее рѣшить? Л. Л. К. терпѣливо объяснилъ. Въ концѣ концовъ эту задачу рѣшилъ онъ самъ; намъ оставалось только подставить надлежащія цифры и произвести ариѳметическія дѣйствія, что нами и было выполнено. Одинъ изъ юнкеровъ — **Краевскій**, блистательно окончившій и Училище и Академію и бывшій впослѣдствіи Начальникомъ Артиллеріи Петербургскаго военнаго Округа, спросилъ даже: *„А сколько будетъ семью-девять?* Л. Л. отвѣтилъ. Конечно, все это было мальчишество, но вѣдь мы тогда и были 17-лѣтними мальчишками. Всѣмъ намъ было поставлено по нолю, а эта отмѣтка всякаго лишала права на отпускъ, впредь до исправленія балла. Это насъ мало огорчало, такъ какъ деревянные мосты были разведены, а 25 ноября того же 1870 года предстояло празднованіе 50-лѣтняго юбилея Училища и Академіи. У Л. Л. Кирпичева была большая и очень цѣнная научная библіотека съ рѣдкостными униками, содержавшаяся въ идеальномъ порядкѣ и потому онъ не любилъ давать своихъ книгъ кому бы то ни было, такъ какъ зналъ, что люди, за рѣдкими исключеніями, варварски обращаются съ книгами, да и зачитать книгу не считается большимъ грѣхомъ, даже, вѣрнѣе, простой кражей. Однажды, Кирпичевъ, все-таки, далъ одну изъ своихъ книгъ слушателю Академіи на опредѣленный срокъ. Срокъ истекъ, а книга возвращена не была; а когда, мѣсяца черезъ полтора послѣ срока, офицеръ принесъ книгу, то Кирпичевъ поблагодарилъ его, но книги не принялъ, такъ какъ успѣлъ пріобрѣсти другой экземпляръ, переплести его и водворить на мѣсто. Съ тѣхъ поръ никто не рѣшался просить книгъ у Л. Л. Кирпичева.

Полк. **Федоровъ** пользовался репутаціей такого выдающагося профессора Химіи, что, не смотря на знаменитыхъ химиковъ, находящихся въ Университетѣ, Медицинской Академіи и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, все же обратились за содѣйствіемъ къ полк. Федорову, чтобы разрядить бомбу, заложен-

ную въ подкопѣ на Садовой улицѣ изъ подвальной лавки нѣкоего Кобозева и обнаруженную послѣ цареубійства **Императора Александра II**. Полк. Федоровъ предугадалъ, что бомба заряжена гремучей ртутью, взрывающейся при малѣйшемъ сотрясеніи, и все-же, рискуя жизнью, съумѣлъ разрядить бомбу безъ вреда для себя и безъ ущерба для другихъ.

Наконецъ настало 25 ноября 1870 года, день 50-лѣтія съ основанія въ 1820 году Михайловскихъ Артиллерійскихъ Училища и Академіи. Празднованіе этого юбилея началось служеніемъ торжественной литургіи и молебна. Служилъ архимандритъ Александро-Невской Лавры Ювеналій, бывшій нѣкогда фельдфебелемъ нашего Училища (Иванъ Половцевъ), въ сослуженіи съ настоятелемъ церкви и другими священниками и діаконами. На обоихъ клиросахъ размѣстились два хора юнкеровъ, пѣвшихъ подъ общимъ управленіемъ учителя пѣнія, состоявшаго въ придворной капеллѣ.

Въ конференцъ-залѣ, во всю ея длину и ширину, покоемъ размѣщены были столы и накрыты для параднаго завтрака. Въ верхнемъ рядѣ оконъ конференцъ-зала, на внутренней стѣнѣ, три окна выходятъ въ большую комнату внѣ зала, замѣняющую хоры этого зала. Въ этой комнатѣ помѣстился оркестръ, игравшій во время завтрака.

Къ 1 часу дня прибылъ **Государь Императоръ Александръ II**, съ громадной и блестящей свитой, въ которой находились почти всѣ Великіе Князья того времени, Генералъ-Адъютанты, Военный Министръ Милютинъ, Нач. Гл. Штаба Непокойчицкій, Свитскіе генералы, Флигель-адъютанты и цѣлое море артиллеристовъ и офицеровъ другихъ родовъ оружія.

У всѣхъ дверей, начиная съ главнаго подъѣзда, черезъ которыя проходилъ Государь, стояли парные часовые, конечно юнкера, въ различныхъ формахъ, существовавшихъ за эти 50 лѣтъ. Освѣщеніе зала, сервировка, украшеніе стола и самое „меню„ были неподражаемо превосходны.

Когда разлито было шампанское, то начались тосты. Первый, конечно, за Государя Императора. Всѣ встали, какъ одинъ человѣкъ и, конечно, не чокаясь, высоко подняли бокалы и прокричали „Ура!“ подъ звуки народнаго гимна „*Боже Царя храни*!“. Въ такомъ же порядкѣ слѣдовали и другіе тосты, ихъ было не такъ много и всѣ они были короткими. Около $2^1/_2$ часовъ всѣ разъѣхались.

Въ обычное время, въ 4 часа, мы, т. е. юнкера, отправились въ свою столовую — обѣдать. За этотъ день было пережито столько впечатлѣній, что подробно всего „меню“ обѣда не помню, почему-то сохранилось лишь въ памяти, что на жаркое намъ подали жареныхъ гусей. Въ общемъ, обѣдъ былъ превосходный и довольно щедро угостили насъ шампанскимъ.

Къ 8 часамъ вечера Училище въ полномъ составѣ, со своими офицерами, отправилось въ Маріинскій театръ, гдѣ мы заняли ложи всего 1-го яруса. Шла опера Глинки „*Жизнь за Царя*“. Передъ началомъ оркестръ трижды исполнилъ гимнъ „*Боже Царя храни*“.

На слѣдующій день, въ 1 часъ по полудни назначенъ былъ торжественный актъ и пріемъ делегатовъ, поздравительныхъ адресовъ, телеграммъ и писемъ отъ всероссійскихъ и заграничныхъ военныхъ и гражданскихъ учрежденій и высшихъ учебныхъ заведній, какъ то: академій, университетовъ, институтовъ — Горнаго, Путейскаго, Технологическаго и т. д. Перечислить ихъ черезъ 66 лѣтъ прямо немыслимо. Одно могу сказать, что прочтены были только особенно выдающіяся поздравленія. О большинствѣ адресовъ было лишь сказано — отъ кого именно они получены, а телеграммы сосчитаны и было сообщено объ ихъ числѣ: насчитывались онѣ сотнями. И несмотря на это все же актъ затянулся до $3^1/_2$ часовъ. Затѣмъ праздничный обѣдъ съ бѣлымъ виномъ, а

Императорскій или Конференцъ-залъ. Альбомъ 1895 г.

вечеромъ уже въ Большомъ театрѣ (впослѣдствіи Консерваторія) на балетѣ. Празднество продолжалось 4 или 5 дней и каждый вечеръ бывали на представленіи въ одномъ изъ Императорскихъ театровъ. Если ничего не предстояло интереснаго, то широко пользовались отпусками.

Въ одинъ изъ такихъ дней было объявлено всему Училищу, что по случаю Юбилея прощаются всѣ полученные юнкерами ноли. При этомъ надо замѣтить, что послѣ этого и репетиціи назначались не чаще, какъ черезъ 4—5 дней. Мы были всецѣло удовлетворены— Юбилей былъ отпразднованъ на широкую ногу: Правительство отпустило на это достаточныя средства, да и Училище тряхнуло своими экономическими средствами. Мы страшно гордились всеобщимъ вниманіемъ, такъ сердечно и ярко проявленнымъ 50-лѣтнимъ Академіи и Училищу.

(Продолженіе въ 3-мъ выпускѣ).

Андрей Алекс. Нилусъ
Проф., ген.-лейт.

УЧИЛИЩЕ и АКАДЕМІЯ

по воспоминаніямъ Михайловца выпуска
$18\frac{8}{8}81$.

Предисловіе. — Прошло 56 лѣтъ! Какъ многое забыто, какъ многое незабвенно и какъ все покрыто поэтической дымкой юношества и счастья, въ лучшую пору жизни стараго человѣка!

Я окончилъ классическую гимназію въ городѣ Симферополѣ, получилъ „аттестатъ зрѣлости“, передо мною были открыты всѣ дороги, но по финансовымъ обстоятельствамъ я вынужденъ былъ избрать военную карьеру, къ которой не лежало мое сердце. На семейномъ совѣтѣ очень скоро былъ найденъ наилучшій выходъ изъ положенія — поступленіе въ *Михайловское Артиллерійское Училище и Академію*. Почему наилучшій? Главнымъ образомъ, если не исключительно, потому, что *эти военно-учебныя заведенія пользовались высокимъ престижемъ и прочной репутаціею* во всемъ обществѣ даже такого захолустнаго городка, какъ Симферополь!

Вскорѣ послѣ состоявшагося рѣшенія къ намъ пріѣхалъ только что окончившій Мих. Академію штабсъ-кап. Туркулъ. За все время моего пребыванія въ Симферополѣ, это былъ первый случай появленія офицера съ золотымъ орломъ на груди! Благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на все общество, широко раскрывшее передъ нимъ двери и принимавшее его съ распростертыми объятіями, его живые разсказы о жизни и работѣ Михайловцевъ, его непритворная, искренняя любовь, уваженіе и благодарность — и Училищу и Академіи, полученное уже имъ техническое мѣсто и обезпеченное существованіе — все это произвело на меня такое глубокое впечатлѣніе, что я уже ни о чемъ другомъ и слушать не хотѣлъ; получить всѣ эти блага даромъ, безвозмездно, въ обмѣнъ лишь на добросовѣстность и стараніе, какъ это можно было сравнить съ положеніемъ „нищаго студента“ въ Университетѣ, бѣгающаго по урокамъ, всѣми способами зарабатывающаго себѣ на хлѣбъ и непремѣнно „селедку“, и занимающагося, чѣмъ угодно, но меньше всего дѣломъ по прямому назначенію!..

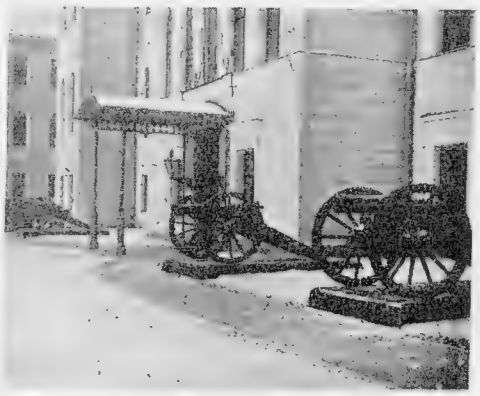
Рѣшено: поступаю въ Мих. Арт. Училище; это стало моею „idée fixe“! Досталъ гдѣ-то правила поступленія; собралъ всѣ необходимые документы и ѣду!

Ѣду съ такимъ расчетомъ, чтобы какъ можно меньше валандаться и тратиться въ Петербургѣ и поспѣть прямо къ пріему. А жутковато было вылетать изъ гнѣзда одному, за 2.000 верстъ!

Билетъ III класса, 20 рублей въ карманѣ, а ѣхать тогда надо было цѣлыхъ 5 сутокъ!

Пріѣхалъ совершенно разбитый; остановился въ гостиницѣ Москва; проспалъ, какъ убитый и на другое утро пошелъ „поступать“!

Красавица Нева; чѣмъ ближе къ мѣсту, тѣмъ больше „артилерійскаго“. Новенькія блестящія мѣдныя маленькія пушки стоятъ у подъѣзда; чистый дворикъ; садикъ. Услужливые швейцары; хоромы зданія. Самое радушное, привѣтливое и любезное отношеніе къ прибывшему питомцу: попалъ какъ будто бы не въ казенное учрежденіе, а въ близкую, чуть не родную семью. Чарующее впечатлѣніе глубокаго провинціала и до сихъ поръ хорошо памятно!



„Историческія пушки“ у входа въ Училище.

1. **Удары судьбы.** — Когда чего-нибудь сильно желаешь, судьба всегда ставитъ на пути самыя неожиданныя препятствія! Представляюсь, представляю документы. „Ну хорошо, молодой человѣкъ; всѣ бумаги у васъ въ порядкѣ; можете поступить въ наше Училище; милости просимъ! *Приходите послѣ завтра на экзаменъ“!*.. „На какой экзаменъ?!“ „А по двумъ предметамъ: Приложеніе алгебры къ геометріи и введеніе въ анализъ“. Жупелы! Не имѣю представленія, въ гимназіи не проходилъ. „Позвольте, вѣдь по правиламъ поступленія этого не требуется!“ „Да раньше не требовалось, а теперь нужно, и неизбѣжно послѣ завтра, такъ какъ уже назначена экзаменаціонная комиссія!“... Всѣ мечты пропали, даже въ головѣ закружилось!

Впечатлѣніе было замѣчено: „подождите, мы наведемъ еще справки, можетъ быть еще что-нибудь можно будетъ сдѣлать.“ Справились... „Ничего сдѣлать нельзя; исключенія недопустимы.“ Какъ же мнѣ теперь быть? Вѣдь положеніе мое таково... и т. д.. „Вотъ что, молодой человѣкъ, разъ вы такъ хотите поступить непремѣнно къ намъ, то сдѣлайте это обходнымъ путемъ: поступите въ какое-нибудь Военное Училище, хотя бы, напр., въ Павловское; туда васъ примутъ безъ экзамена; а по окончаніи его, имѣйте характеръ, не выходите въ офицеры, а оставайтесь юнкеромъ и переходите къ намъ на строевое отдѣленіе старшаго класса. Если вы пройдете въ немъ особый, необязательный, дополнительный курсъ по математикѣ, то станете въ общій списокъ по выпуску, получите всѣ права основныхъ классовъ, не исключая и правъ на премію, и черезъ два года поступите въ Академію, какъ и всѣ“, только... „не забудьте (шутятъ), какъ теперь — непремѣнно по выдержаніи предварительнаго конкурснаго экзамена“!

Хватаюсь за соломинку. „Благодарю васъ, до свиданія... черезъ два года!“ Лечу на Васильевскій островъ. Первое Военное

Павловское училище. Тоже не дурно: хорошій садикъ передъ большимъ зданіемъ, но внутри... какъ-то не такъ уютно, слишкомъ просто, уныло, пахнетъ немножко казармой... И пріемъ далеко не такой ласковый, — холодный, характера вовсе не семейнаго! Представляюсь: „Хорошо, бумаги въ порядкѣ; можете поступить; ступайте сейчасъ же на медицинскій осмотръ; тамъ вамъ покажутъ, гдѣ!..“ Раздѣли, осмотрѣли внимательно. Резолюція: „здоровъ, но *поступить не можете, по близорукости*!“

Что за напастье! Что дѣлать! Не откладывать же еще на годъ поступленіе въ Мих. Арт. Училище, да и домой возвращаться нельзя! Вспоминаю: предусмотрительностью матушки я былъ снабженъ рекомендательнымъ письмомъ къ нашему общему знакомому, видному генералу, **Г. Д. Саханскому**, бывшему тогда, какъ я узналъ потомъ, грозою и начальникомъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія. „Если что съ тобою случится, обратись къ нему“... Лечу, являюсь, застаю цѣлыхъ трехъ генераловъ, между ними генерала **Крыжановскаго**, извѣстнаго (не мнѣ тогда, конечно,) составителя справочной Артилл. Книжки „Шварца и Крыжановскаго“. Никогда не видѣлъ вблизи артил. генераловъ, не знаю, какъ быть; расшаркиваюсь и милостиво протягиваю руку, — „штафирка“! Пожимаютъ плечами, переглядываются, улыбаются!.. „Что вамъ угодно?“ Представляю письмо. „Что же случилось“? Объясняю. Совѣщаются...

„Вотъ что, юноша, съ Мих. Арт. Учил. ничего подѣлать невозможно, законъ обходить нельзя, а вотъ близорукость — это дѣло условное; я переговорю съ Нач. Павл. Воен. Учил., генераломъ Пригоровскимъ, и, думаю, это дѣло уладимъ. Не волнуйтесь. Отправляйтесь къ себѣ, осмотрите Петербургъ, побывайте вечеромъ въ Зоологическомъ саду, а завтра утромъ я Васъ увѣдомлю о рѣшеніи.“

Въ меня вселилась увѣренность, что Мих. Арт. Уч. отъ меня не уйдетъ! Я въ точности выполнилъ прописанный мнѣ рецептъ, а по возвращеніи поздно вечеромъ изъ Зоологическаго сада, засталъ у себя на столѣ записку на клочкѣ бумажки красными чернилами: „Зайдите завтра утромъ къ генералу Пригоровскому и будете приняты“. Генералъ Крыжановскій. Свершилось.

2. **1-е Воен. Павловское Училище.** — Не буду останавливаться подробно на этомъ двухлѣтнемъ періодѣ моей юнкерской жизни, но кратко все-же упомяну, какъ о связи съ будущимъ и ради выясненія контраста съ Мих. Арт. Училищемъ. Въ общемъ, скажу, что это вышло не такъ дурно, какъ я ожидалъ и какъ казалось многимъ; надо было только вникнуть въ дѣло, понять преслѣдуемую Воен. Училищемъ цѣль, а „tout comprendre — c'est tout pardonner“! Основная цѣль — выработать хорошаго солдата, который былъ бы въ состояніи потомъ стать и хорошимъ пѣхотнымъ офицеромъ, понимающимъ и знающимъ нужды солдата, не бѣлоручкой, не размазней. Задача была поставлена правильно, но выполненіе — немножко переборщенное, съ излишнимъ увлеченіемъ и крайностями, которыхъ можно было бы и избѣжать. Въ моей 2-й ротѣ оказалось еще три такихъ же какъ я, поступив-

шихъ со стороны; вынужденъ съ ними ознакомить читателей. Два изъ нихъ, Павлуша Малаховъ и г-нъ Семенчукъ, такъ же какъ и я, промахнулись по Мих. Артил. Уч. и избрали мой путь. Малаховъ былъ даже такъ же и близорукъ, какъ я; не знаю, почему его не забраковали! Третій былъ, въ сущности, чистокровнымъ нѣмцемъ, по фамиліи „Holzhauer“, которую произносили по-русски „Гольцгауеръ“, что его очень коробило! Худой, маленькій, крючковатый, карикатурный, но задавшійся цѣлью непремѣнно и по возможности скорѣе стать гвардейскимъ офицеромъ! Очень милый, воспитанный, умный, образованный, порядочный, но по наружности крайне комичный и ровно ничего гвардейскаго въ себѣ не имѣющій, да еще къ тому же обладавшій привычкой въ разговорѣ нервно свертывать въ трубочку нижній конецъ фалды своего мундира и высовывать при этомъ такой же трубочкой свой языкъ!

Полк. **Всеволодъ Васил. Корженевскій** (1914 г. въ чинѣ шт.-кап. 3-го тяж. арт. див.), выпуска 1901 г.

Вообще, наша сбившаяся въ кучу четверка, сразу же очутилась подъ подозрѣніемъ правовѣрныхъ кадетъ, а отчасти и нашего ближайшаго начальства — отдѣленнаго офицера, шт.-кап. О., немножко грубоватаго и тонкимъ воспитаніемъ не блиставшаго Да и не мудрено: я носилъ очки, что военному не подобаетъ. Гольцгауэра я уже описалъ. Малаховъ привыкъ носить „pince-nez“, это запрещалось; очковъ не носилъ, поэтому плохо видѣлъ, и къ тому же ходилъ довольно большимъ „животикомъ впередъ“, мѣшалъ равненію. Но ужаснѣе всѣхъ былъ Семенчукъ! Это былъ человѣкъ безнадежно штатскій и совершенно развинченный; онъ переваливался на ходу съ такою амплитудою и силою и такъ толкалъ при этомъ то праваго, то лѣваго своего сосѣда по шеренгѣ, что держать съ нимъ равненіе не было никакой возможности (а вѣдь надо было — „чувствовать локоть“!).

Кончилось тѣмъ, что на домашнихъ ученіяхъ ставили неисправимыхъ во вторую шеренгу, а на баталіонныхъ — и смотрахъ — назначали дежурными по камокухнѣ и конюшнѣ! рамъ, Къ великому моему счастью, я увлекался въ гимназіи гимнастикою (вплоть до сальто-мортале и „полетовъ мотора“ включительно) и танцами, такъ что мнѣ строй давался легко и я былъ избавленъ отъ вышеупомянутыхъ физическихъ и моральныхъ страданій, хотя все же

не совсѣмъ. Такъ какъ съ равненіемъ я справился, а по ученію шелъ хорошо, какъ и всѣ мои штатскіе коллеги (насъ этимъ не особенно утруждали: въ первомъ спискѣ я, помню, достигъ апогея, сталъ 4-мъ по батальону, хотя не имѣлъ и полныхъ 11 въ среднемъ!), то меня даже включили въ списокъ кандидатовъ на первое же производство въ портупей-юнкера — великое отличіе, но кончилось оно скандаломъ: съ непривычки къ командованію, а можетъ быть и по неспособности къ оному, я на экзаменѣ никакъ не могъ успѣшно справляться со своею шеренгою, то поворачивалъ ее не туда, куда слѣдовало, то командовалъ не подъ ту ногу,... а кончилъ тѣмъ, что направилъ ее въ „полъ-оборота на лѣво“, а самъ пошелъ въ „полъ-оборота на право“ — разошлись. Экзамена не выдержалъ и сталъ „портупеемъ“ лишь спустя $1^1/_2$ года, когда всѣхъ представленныхъ производили безъ экзамена. Все остальное пропускаю, какъ маловажное и нехарактерное: учиться было легко, хотя готовиться къ репетиціямъ приходилось обязательно въ общей „зубрилкѣ“, къ чему надо было привыкнуть; заниматься, сидя на кровати, — и запрещено, и плохо видно, — *свѣчей не давали*.! Нѣжности!

Кормили недурно; провизія была всегда свѣжая, за этимъ слѣдили; не такъ, чтобы очень вкусно, но это ужъ мелочь; для меня количество ѣды было достаточно, но для Малахова мало, и онъ все наровилъ, какъ бы ухватить лишнюю порцію кого-нибудь отсутствовавшаго. Одѣвали чисто, хотя и не такъ ужъ франтовато; своего носить не позволяли и пожалуй хорошо дѣлали, хотя смазными сапогами въ гостинныхъ отъ насъ, вѣроятно, немножко слишкомъ сильно пахло! Чистили мы ихъ и все платье, и особенно пуговицы, особой линейкой и щеткой, — сами. Стригъ насъ старый шустрый брадобрей, который называлъ насъ „мушками“. Отпусками не стѣсняли, а въ общемъ — „ни одинъ поступокъ юнкера не долженъ остаться безъ наказанія“!... Особенно преслѣдовались отступленія отъ строгой дисциплины и формы: незастегнутый крючекъ на шинели — подъ арестъ и т. д...

Артиллерію читалъ намъ курсовой офицеръ М. А. Уч., капитанъ К. К. Кондрацкій и читалъ хорошо, но порядочно манкировалъ, опаздывалъ и пропускалъ лекціи. Зато практическія занятія велъ другой артиллеристъ, академистъ, капит. Колѣнкинъ, очень исправно и усердно; обучалъ на взводѣ полевыхъ орудій, по расписанію, очень мало и рѣдко; стрѣльбу изъ орудій видѣли только издали, на маневрахъ. Ужъ очень слабо подготовлялись выпускавшіеся въ артиллерію и какъ они справлялись съ дѣломъ на службѣ— одинъ Богъ вѣдаетъ! Изъ ружей стрѣляли нѣсколько разъ въ тирѣ.

Такъ благополучно и безъ особыхъ приключеній прожили мы два года. Считаю, что это много, можно было бы ограничиться и однимъ, особенно въ виду слѣдующихъ, очень важныхъ для Воен. Училищъ, условій: ихъ *единственное* назначеніе и цѣль — готовить хорошихъ строевыхъ пѣхотныхъ офицеровъ; никакихъ другихъ задачъ они не преслѣдуютъ и о полученіи дальнѣйшаго *высшаго военнаго образованія* этими офицерами *нисколько не заботятся*! Естественнымъ продолженіемъ училищнаго курса казалось бы является курсъ Академіи Генеральнаго Штаба, но этимъ Военныя

Училища нисколько не интересуются и совершенно не принимаютъ во вниманіе; это считается не ихъ дѣломъ! Такое отсутствіе какой бы то ни было связи между Училищами и Академіею, даетъ училищамъ съ избыткомъ достаточно времени, завидную самостоятельность, независимость и полную свободу дѣйствій въ своей сферѣ, что очень облегчаетъ и упрощаетъ ихъ задачу; но полезно ли это для дѣла и не могли ли бы они еще позаботиться и о расширеніи военнаго кругозора выпускаемыхъ ими офицеровъ и о помощи Военной Академіи въ доставленіи этимъ офицерамъ высшаго военнаго образованія? Казалось бы что да и даже очень!

Училища комплектуются преимущественно кадетами, уже достаточно подготовленными къ военной службѣ, проникнутыми ея духомъ и дисциплиной, имъ недостаетъ лишь практики и *военнаго развитія*. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи училища даютъ слишкомъ мало, а Академія этимъ перегружена! Училища даютъ недостаточно по тактикѣ, очень мало по стратегіи и рѣшительно ничего по Военной исторіи; все это съ азовъ начинаетъ и завершаетъ Академія. Кромѣ того, училища очень мало заботятся о знаніи языковъ, а между тѣмъ, при двухгодичномъ курсѣ, Училища могли бы, расширеніемъ своихъ программъ, очень много помочь академіи ея разгрузкою, а выпускаемымъ офицерамъ, особенно не думающимъ или не могущимъ поступить въ Академію, по недостаточности принимаемаго туда контингента, могли бы дать гораздо болѣе широкое военное развитіе. Опытъ войны показалъ, что это было бы не лишнимъ! Не надавливаемыя Академіею сверху и получая хорошо подготовленный матеріалъ снизу (кадеты), Училища имѣютъ слишкомъ много слабо утилизируемаго времени, которое они могли бы использовать съ гораздо большимъ общимъ успѣхомъ!...

Считаю нужнымъ упомянуть объ этомъ здѣсь, потому что, какъ мы увидимъ дальше, Артиллерійскія Училища и Академія смотрятъ на это дѣло совсѣмъ иначе и слишкомъ уже увлекаются въ другую сторону.

Но вотъ Павловскій училищный курсъ конченъ; остаются: лагерь, маневры, разборка вакансій и выпускъ. Я и мои герои, Малаховъ и Семенчукъ, остались при рѣшеніи перейти въ Мих. Арт. Училище. Гольцгауэръ — въ гвардію; ему всѣ остальные товарищи кадетскаго происхожденія вѣрятъ и его понимаютъ; намъ — нѣтъ. Какъ это можно, стоя высоко по списку старшинства, не выйти въ гвардію! Не вѣрятъ и сердятся. „Хитрятъ, молъ, а когда придутъ вакансіи и мы ихъ заблаговременно намѣтимъ и полюбовно распредѣлимъ между собою, они перемѣнятъ рѣшеніе, захватятъ хорошія вакансіи и опять ихъ потомъ распредѣляй“! Недовольно и начальство, отчасти по той же причинѣ, а отчасти изъ-за задѣтаго самолюбія: „обижаютъ Училище, не цѣнятъ того, что оно имъ даетъ, и мѣняютъ на другое такое же“ (?). „Ну смотрите, предупреждаемъ васъ, не выйдете въ офицеры, уѣдете въ отпускъ юнкерами, а потомъ вдругъ васъ не примутъ въ Арт. Учил., не будетъ пріема или не хватитъ вакансій, тому бывали примѣры, тогда ужъ не пеняйте и съ просьбами не обращайтесь: переборки вакансій не будетъ, получите, что останется, запрутъ

васъ въ глушь, въ Тьму-таракань, оттуда ужъ не выберетесь"? Смущаютъ наши души, но мы упрямо стоимъ на своемъ!

Пришли вакансіи; ихъ благополучно разобрали; мы уѣхали юнкерами въ отпускъ, домой... съ трепетомъ ждали... получаемъ черезъ мѣсяцъ извѣщеніе — приняты! Слава Богу, наконецъ-то! И всѣ родные и всѣ сочувствующіе ликуютъ: за Мих. Училищемъ послѣдуетъ и Академія! Исполнится завѣтная мечта! Таковъ былъ престижъ этихъ заведеній и 59 и 100 лѣтъ тому назадъ! А каковъ онъ теперь и каковымъ будетъ впредь, кто знаетъ? Надо надѣяться, что воскреснетъ Россія, воскреснутъ и они, вѣковой опытъ побѣдитъ роковое испытаніе! Традиціи останутся тѣ-же!

3. **Первыя впечатлѣнія въ М. А. У.** — Опять собираюсь ѣхать въ Михайловское Арт. Училище.

„Поймешь ли ты души моей волненіе,
Завѣтныхъ думъ унылую печаль?!"...

Послѣ двухлѣтняго провала въ какую-то темную пропасть („унылую печаль"!), вкушаю плодъ „завѣтныхъ думъ", иду къ свѣтлому будущему. Почему то чувствую въ этомъ увѣренность; не забылъ пріятнаго впечатлѣнія первой пробы, хотя и неудачно закончившейся. Не ожидаю больше никакихъ тяжелыхъ непріятностей, ни повѣрочныхъ экзаменовъ; набираюсь духа „смиреномудрія, терпѣнія... и усерднаго труда!.."

Пріѣзжаю; та-же картина: тѣ-же пушки у подъѣзда, тѣ-же швейцары, тѣ-же хоромы. Тѣ-же привѣтливыя, сочувственно улыбающіяся (вспомнили!) интеллигентныя лица. Переодѣваюсь. Пріобщаюсь къ артиллер. средѣ, съ которой такъ давно желаю сродниться, не имѣя на то еще никакого права, кромѣ душевнаго „двигателя внутренняго сгоранія"! Получаю не только вполнѣ корректный, но и незаслуженный, самый дружескій, теплый пріемъ; тоже, конечно, и другіе, принятые со стороны, а между ними мои **Малаховъ** и **Семенчукъ**, обуреваемые тѣми-же чувствами!

Училище составляло одну батарею; Академія подъ бокомъ составляла почти одно цѣлое съ Училищемъ и была естественнымъ его продолженіемъ въ учебномъ отношеніи. Начальникъ Академіи и Училища — общій, генералъ **Ротъ**; я его видѣлъ лишь одинъ разъ, при слѣдующихъ исключительныхъ условіяхъ: Училище посѣтилъ какъ-то Великій Князь, Михаилъ Николаевичъ, нашъ Генералъ Фельдцейхмейстеръ, всѣми обожаемый за его величавую простоту, доброту и любовь къ артиллеріи. Мы ждали его давно. Насъ выстроили въ Красномъ залѣ (Бѣлаго еще тогда не было). Великій Князь всѣхъ обходилъ, здоровался, ласково со многими разговаривалъ, шутилъ; со всѣми „на ты"; спрашивалъ фамилію... Дошла очередь до меня: „Здравія желаю Ваше Императорское Высочество! П.-ю. такой-то Ваше Импер. Высоч.!"... „Нилусъ?", переспросилъ В. К. „А нѣтъ у тебя родственниковъ въ Москвѣ". У меня таковой былъ, но я какъ-то слышалъ, что въ Москвѣ подвизался и какой-то карточный шулеръ, носившій нашу фамилію! Не про него ли В. К. хочетъ спросить? Все это какъ молнія промелькнуло у меня въ мозгу, я рѣшилъ отречься... „Никакъ нѣтъ Ваше И. В!"... „Не знаешь? Жаль — Предсѣдатель Судебной Палаты и очень достойный человѣкъ". Я промазалъ!

За все время представленія ген. Ротъ не сказалъ ни слова и производилъ странное впечатлѣніе. Онъ ничѣмъ не былъ извѣстенъ и почему онъ былъ начальникомъ, исторія умалчиваетъ, онъ нами не интересовался и намъ не показывался. Вскорѣ потомъ его замѣнилъ ген. **Демяненковъ** — фигура импозантная, величественная. Въ Училищѣ мы его не видѣли, какъ и ген. Рота.

Нашимъ прямымъ начальникомъ былъ командиръ батареи, полковникъ **Баумгартенъ**, спокойный, ровный, серьезный, неразговорчивый, съ виду очень строгій, но видимо очень добрый въ душѣ, въ общемъ очень симпатичный. Его мы тоже видѣли рѣдко, но все же видѣли, слышали и любили.

Кто былъ нашимъ дѣйствительнымъ начальникомъ, кого мы видѣли часто и подъ надзоромъ кого были непрерывно,— это былъ капитанъ Василій Тимофеевичъ **Чернявскій**, старшій офицеръ батареи, нашъ общій отецъ, впослѣдствіи „Артиллерійскій Дѣдъ“, имя котораго *въ теченіе около 50 лѣтъ* неразрывно связано съ жизнью М. У. и Академіи, отъ штабсъ-капитана до генерала отъ артиллеріи включительно! Но я невольно забѣгаю впередъ! О службѣ его и боевыхъ заслугахъ уже говорилось въ „Михайловцѣ“, но я не могу не прибавить къ уже сказанному еще нѣсколько штриховъ. Небольшого роста, коренастый, плотно скроенный и крѣпко сшитый; всегда ровный, спокойный, твердый, онъ мнѣ напоминалъ и французскаго короля Пипина Короткаго, по статурѣ, и Людовика XIV-го, любившаго говорить: „L'Etat — c'est Moi“. В. Т. съ такимъ же правомъ могъ говорить: Училище — это я!“ Ничто не укрывалось отъ его всевидящаго ока; онъ все видѣлъ, все зналъ, все направлялъ. Былъ немного тугодумъ, никогда не торопился; иногда слишкомъ долго обдумывалъ важные вопросы, но разъ обдумалъ, рѣшилъ и сказалъ, такъ тому должно было и быть, и такъ оно и было! Ничто не могло свернуть его съ пути, который онъ призналъ правильнымъ. Прямой, откровенный и даже довольно рѣзкій съ начальствомъ, это былъ человѣкъ, который умѣлъ — „въ душевной простотѣ бесѣдовать о Богѣ и истину Царямъ съ улыбкой говорить“!

Ген. отъ арт. **Вас. Тимоф. Чернявскій** (Нач. Мих. Арт. Акад. и Арт. Училищъ). **„Артиллерійскій Дѣдъ“.**

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хорошо зналъ, когда и какъ надо и можно было говорить эту истину, чтобы не испортить дѣла и не повредить ему; онъ былъ въ мѣру — лукавый царедворецъ и хитрый Черниговскій хохолъ!

Его справедливость, доброе сердце, выдержка и спокойствіе— очень импонировали юнкерамъ и мы его всѣ очень любили и боялись его огорчать: во время его дежурства всѣ усиленно старались не опаздывать изъ отпуска.

Среди остальныхъ курсовыхъ офицеровъ Училища единственнымъ академистомъ былъ нашъ знакомецъ по Павловскому Училищу, Калистратъ Кондратьевичъ Кондрацкій; его юнкера почему-то недолюбливали: немножко былъ горячъ и грубоватъ. Дальше шли все „иностранцы", только по фамиліямъ, конечно: **Фриде**, **Форстенъ**, **Кочакидзе**, **Гербертъ**, всѣ были отличные офицеры подъ руководствомъ Вас. Тимоф., но съ ними мы имѣли мало общенія. Ихъ фамильное „иностранство" нисколько не мѣшало дѣлу; Училище было какъ въ задачѣ о бассейнѣ съ трубами: черезъ однѣ вода вливалась, черезъ другія выливалась, бассейнъ оставался всегда полнымъ, вода всегда чистой, не мутнѣла!

Канцелярія состояла въ штатахъ Академіи и насъ мало касалась, но и тамъ были очень милые люди!

Наконецъ, наше ближайшее начальство — фельдфебель батареи Антонъ Игнатьевичъ **Маркевичъ**, мой будущій другъ и сотрудникъ. Человѣкъ чистый, золотого сердца и большихъ способностей: всегда былъ первымъ и въ Училищѣ и въ Академіи. Дѣльный, ровный, спокойный, методическій, какъ Вас. Тимоф.! Отличный товарищъ и прекрасный фельдфебель, пользовавшійся всеобщей любовью и уваженіемъ, и юнкеровъ, и начальства.

Вотъ та чрезвычайно благопріятная рамка личнаго состава, въ которой намъ предстояло служить и работать, и которая такъ выгодно отличалась отъ „Павловской". Тамъ воспитывали солдата; здѣсь вырабатывали человѣка. Тамъ обходились безъ души и сердца; здѣсь чувствовалась задушевность и уваженіе къ личности. И тамъ и здѣсь соблюдалось основное правило училищной дисциплины: „ни одинъ проступокъ юнкера не можетъ остаться безъ наказанія", но въ примѣненіи этого принципа была существенная разница: тамъ это производилось механически, по заранѣе составленной расцѣнкѣ, по трафарету, по таксѣ, здѣсь въ каждомъ случаѣ принималась во вниманіе индивидуальность личности виновнаго, сознавалось, что отъ удара палки одинаковой силы, иной только почешется (выражаясь фигурально, конечно, потому что къ ударамъ не прибѣгали ни тутъ ни тамъ), а другой можетъ и съ ногъ свалиться! Характеръ проступка сообразовался съ характеромъ объекта (случайность, увлеченіе молодости, или злой умыселъ, упорство), что имѣло большое моральное значеніе и не вызывало озлобленія.

Чтобы не быть голословнымъ приведу одинъ довольно рѣзкій примѣръ: по утрамъ въ батарею приходилъ дежурный офицеръ, здоровался съ юнкерами, сообщалъ имъ очередныя распоряженія и велъ ихъ къ чаю. Однажды дежурнымъ былъ капит. Кондрацкій; построившись, мы довольно долго ждали его появленія. Пришелъ: „Здравствуйте, господа"! Молчаніе!.. „Здравствуйте господа", повторилъ растерявшійся Кондрацкій, думая или дѣлая видъ, что думаетъ, что его не разслышали! Молчаніе! „Что это такое? Ну хорошо, разберемся потомъ"! Фельдфебелю — „Ведите батарею"! Пошли молча!..

Кондрацкій правильно воскликнулъ „что это такое", потому что и никто другой этого не зналъ! Обыкновенно отвѣтное при-

вѣтствіе начиналось съ праваго фланга (портуп.-юнк. **Рѣпинъ**, очень высокій, добродушный, близорукій, къ демонстраціямъ вообще не склонный). Что тамъ случилось, такъ и осталось неизвѣстнымъ: какая-нибудь случайная задержка у перваго, ожиданіе второго, смущеніе слѣдующихъ?!... Одно только было твердо установлено строжайшимъ разслѣдованіемъ и всеобщимъ опросомъ: никакихъ предварительныхъ уговоровъ не было; никакой заблаговременной подготовки, какъ и никакихъ особенныхъ предосудительныхъ по отношенію къ намъ поступковъ со стороны Кондрацкаго. Намъ всѣмъ это было очень непріятно, лежало на совѣсти, угнетало, помимо ожиданія заслуженнаго наказанія. Но каждый при допросѣ только недоумѣнно разводилъ руками и объяснить причины происшедшаго не могъ! Собралась Конференція, подъ предсѣдательствомъ генерала Демяненкова, который уже занималъ тогда должность Нач-ка Академіи и Училища, послѣ ухода генерала Рота.

Ждали мы рѣшенія довольно долго, вопросъ былъ трудный очевидно; результаты совѣщанія и разслѣдованія намъ остались неизвѣстны, но кончилось тѣмъ, что капит. Кондрацкому былъ сдѣланъ выговоръ въ приказѣ за неумѣніе хорошо себя поставить въ отношеніяхъ съ юнкерами, а намъ сдѣлано строгое внушеніе ближайшимъ начальствомъ.

Результатъ, надо сознаться, неожиданный и оригинальный! Передъ Кондрацкимъ мы извинились по собственной иниціативѣ, но онъ этимъ, конечно, не удовлетворился и вскорѣ ушелъ изъ Училища въ строй, а его замѣнилъ поруч. Кочакидзе. Какъ бы поступили въ такомъ исключительномъ случаѣ въ Павловскомъ Училищѣ? Вѣроятно „казнили“ бы отъ перваго, черезъ каждаго десятаго! Но результатъ получился бы тотъ же: никогда больше ничего подобнаго не повторилось и, вѣроятно, этотъ невѣроятный случай остался единственнымъ въ Анналахъ Училища. Искреннее раскаяніе и сожалѣніе о случившемся, намъ было достаточно тяжелымъ наказаніемъ, на всю жизнь памятнымъ!

Во всемъ остальномъ 1880—1881 учебный годъ прошелъ быстро, тихо, спокойно, ровно, произвелъ отрадное впечатлѣніе и оставилъ на всегда добрую память и благодарность. Строевое обученіе прошло гладко, пріятно и легко; матеріальная часть — первыя нарѣзныя бронзовыя пушки обр. 1867 г. и только что доставленныя, по окончаніи Турецкой войны, „новыя“ стальныя полевыя пушки Круппа, обр. 1877 г. съ клиновыми затворами,— совсѣмъ простая, по обращенію съ нею, сборкѣ, разборкѣ и стрѣльбѣ (только что разработана ген. **Шкляревичемъ** стрѣльба шрапнелью: „средн. траекторія — черезъ центръ цѣли, наивыгоднѣйшій интервалъ разрыва и нормальная высота“), не отнимала много времени и легко усваивалась. Ѣзда и конныя ученія — одно удовольствіе! Немножко слабо было лишь — общеніе съ солдатами команды и уходъ за лошадью (практическая иппологія, кормъ, лѣченіе, ковка; присутствовали, присматривались, но сами работали мало!); слабовато было и веденіе батарейнаго хозяйства: одной раскладки недостаточно, нужно было бы наблюденіе и участіе. Но это детали.

Въ остальномъ — все очень хорошо! Нравилось намъ и то, что насъ учили танцевать. Этого требовалъ ген. Демяненковъ, „чтобы на балахъ юнкера не подпирали стѣнокъ и не выглядѣли революціонерами“. Училъ насъ очень энергично извѣстный балет-мейстеръ, изящный г. Троицкій.

У насъ, въ строевомъ отдѣленіи, былъ тоже не безызвѣстный, довольно великовозрастный юнкеръ **Шифнеръ**, очень серьезный, знающій математикъ (окончилъ математич. факультетъ университета), экстра дисциплинированный, строго соблюдавшій всѣ училищныя правила, и вмѣстѣ съ тѣмъ большой, добрѣйшей души ребенокъ.

Столовая юнкеровъ. Альбомъ 1895 г.

Всѣ лекціи онъ записывалъ въ тетрадку, а на перемѣнахъ ходилъ и старательно зубрилъ все то, что давно уже зналъ чуть не наизусть. По наружности это былъ типичный, бѣлокурый, высокій, тощій и близорукій, комичный нѣмецъ, ничего не имѣвшій общаго со строевымъ воякой и тѣмъ не менѣе поставившій себѣ цѣлью выйти непремѣнно въ строй, и во что бы то ни стало въ Лейбъ-Гвардіи 1-ю Артиллерійскую бригаду!

Его юнкера убѣдили, что ген. Демяненковъ произведетъ экзаменъ, будетъ ставить баллы за танцы, что этотъ баллъ войдетъ въ общій списокъ старшинства, что поэтому нужно стараться... танцовать въ классѣ на перемѣнахъ. Къ нему подходилъ юнкеръ, бралъ его за руку и приглашалъ танцовать мазурку, за нимъ другой, третій и такъ въ продолженіи всей перемѣны. Никому Шифнеръ не отказывалъ, танцевалъ со всѣми, старательно выдѣлывая „па“... Онъ видѣлъ и зналъ, что надъ нимъ потѣшаются, но не обращалъ на это никакого вниманія, такъ какъ дѣйствительно считалъ полез-

нымъ „упражняться“! Въ концѣ концовъ онъ добился своего: научился танцевать, вышелъ въ намѣченную часть, въ мирное время тамъ считался блестящимъ офицеромъ, а въ военное — оказался храбрымъ и доблестнымъ воякой, первымъ вступавшимъ на позиціи, послѣднимъ ихъ оставлявшимъ и много разъ награжденнымъ. Исключительный типъ, обработанный Училищемъ, а потомъ и Академіею, которую онъ тоже окончилъ однимъ изъ первыхъ!

Знаменитыхъ Михайловскихъ ноябрьскихъ баловъ, всему Петербургу извѣстныхъ, тогда у насъ еще не было. Впослѣдствіи они вошли въ обычай; кто на нихъ не былъ, кто ихъ не помнитъ? Не буду ихъ здѣсь и описывать! Вѣдь въ превращенныхъ въ сады помѣщеніяхъ Училища и Академіи собиралось и циркулировало больше 3000 посѣтителей и никто изъ нихъ навѣрное никогда не забудетъ ни царившаго въ нихъ беззаботнаго молодого веселія, ни того теплаго радушія и искренней задушевности, съ которыми тамъ встрѣчались всѣ — и старые и молодые.

4. **Учебный планъ Училища.** — Съ ученіемъ было много труднѣе, благодаря дополнительному курсу математики, необходимому, какъ я упоминалъ, для уравненія въ правахъ и знаніяхъ „строевого“ отдѣленія съ основнымъ математическимъ.

Здѣсь много намъ помогъ и облегчилъ нашъ трудъ всеобщій нашъ любимецъ, удивительный, образцовый преподаватель высшей математики, г. **Рощинъ**, лекціи котораго всѣ слушали затаивъ дыханіе! Спокойно, ровно, методически, безошибочно, безъ поправокъ и помарокъ, каллиграфически пишущій на доскѣ, ясно и понятно излагалъ онъ самыя трудныя теоремы, всегда во время начиная свои лекціи и кончая начатый отдѣлъ точно къ моменту появленія дежурнаго офицера, пріоткрывавшаго дверь класса и объявлявшаго — „перемѣна“! Помню какъ-то Рощинъ читалъ о замѣнѣ перемѣнныхъ при интегрированіи; онъ кончилъ отдѣлъ словомъ „перемѣна“, въ моментъ, когда открылась дверь: „Перемѣна“ сказалъ дежурный, — „двѣ перемѣны“, сказалъ Рощинъ своимъ обычнымъ ровнымъ, симпатичнымъ голосомъ и, спокойно положивъ мѣлъ на доску, улыбаясь вышелъ. Очень мы его любили!

Тогда еще у юнкеровъ вообще не было *претензіи* на то, что насъ слишкомъ много кормятъ высшей математикой, для строевой службы не нужной: во-первыхъ, ея вовсе не было „слишкомъ“ много; всѣ ее отлично понимали и усваивали; во-вторыхъ, понимали и то, что она полезна и для подготовки въ Академію, и для расширенія умственнаго развитія, которому она дѣйствительно много содѣйствуетъ, выгодно выдѣляя артиллеристовъ передъ другими родами оружія, съ нею незнакомыми. Такая претензія появилась впослѣдствіи и не безъ основанія, такъ какъ профессора математики, постепенно расширяя программу курса въ объемѣ и содержаніи, въ концѣ концовъ переборщили и довели ихъ до предѣловъ, далеко не всѣмъ доступныхъ и понятныхъ, больше добиваясь разгрузки курсовъ дѣйствительно перегруженной Академіи, чѣмъ заботясь объ основательномъ ихъ усвоеніи и расширеніи умственнаго развитія, котораго нельзя достигнуть тѣмъ, чего не понимаешь какъ слѣдуетъ и чего, за недостаткомъ времени, усвоить не можешь. Но объ этомъ подробнѣе — дальше.

Трудно давалась намъ, строевымъ, поневолѣ скомканная химія; въ Павловскомъ Училищѣ ей удѣляли слишкомъ мало вниманія и она читалась въ слишкомъ сокращенномъ и элементарномъ видѣ только въ классѣ; лабораторныхъ работъ не было.

Къ сожалѣнію, я вынужденъ отозваться нѣсколько отрицательно относительно нѣкоторыхъ остальныхъ курсовъ и въ Мих. Артил. Уч. (кромѣ математики и химіи): они проходились не достаточно основательно, и особенно — главный предметъ — артиллерія!

Балистику читалъ проф. М. А. А., полков. **Пашкевичъ**; читалъ хорошо, но содержаніе курса не было достаточно современно: продолговатые снаряды какъ-то еще стушевывались передъ шаровыми, а между тѣмъ они появились уже 13 лѣтъ тому назадъ; причины перехода къ нарѣзнымъ орудіямъ не были достаточно ясны, такъ же какъ и причины коническаго ихъ движенія и деривації; теоріи вѣроятностей не было, хотя работы Персена должны были уже быть извѣстны; упоминались старые французскіе балистики: Борда, Пуассонъ и итальянецъ Санъ-Роберто, но не было и слѣдовъ современныхъ работъ нашего всемірно извѣстнаго балистика, профессора М. А. Акад., ген. **Маевскаго** бывшаго тогда въ разцвѣтѣ своей славы и составившаго уже прекрасный академическій курсъ Внѣшней балистики.

Внутренней балистики совсѣмъ не было, если не считать жалкихъ попытокъ ея созданія Инспекторомъ классовъ Павл. Воен. Училища, артиллер. полковникомъ (фамилію забылъ!), который былъ къ тому же боленъ „боязнью пустоты"! Впрочемъ тогда еще эта наука и заграницею не была разработана. Матеріальная часть — по курсу ген. **Будаевскаго** — „книжка съ картинками", по которой читали артиллерію и въ Военныхъ Училищахъ! Это уже — характерно!

Стрѣльба... Богъ прости милѣйшему, добрѣйшему, большому джентльмену, Инспектору нашему, Карлу Егоровичу **Гуку**, съ его литографированными записками, въ которыхъ онъ еще катался на шаровыхъ снарядахъ и гладкостѣнныхъ орудіяхъ, и Начальнику Охтенскихъ пороховыхъ заводовъ ген. Каминскому, написавшему книгу по стрѣльбѣ, умную, слишкомъ пространную и дѣльную, но пахнувшую еще болѣе глубокою стариною. Вообще, плохо слѣдили за эволюціею и развитіемъ артиллерійской науки, забывая о томъ, что этотъ предметъ долженъ быть главнымъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ и что, если математика способствуетъ умственному развитію, то не въ меньшей степени способствуетъ тому же и теоретическая артиллерія, во многихъ своихъ отдѣлахъ пользующаяся математикою! Теперь ясно видно, что тогда это дѣло было поставлено слабо!

То же и Механика, печатный, прекрасно изданный, объемистый курсъ помощника инспектора классовъ, полк. **Кирпичева** (Льва Львовича), много трактовавшій о высокихъ матеріяхъ, о двухъ началахъ Мірозданія, о міровомъ тяготѣніи, о постоянствѣ матеріи и энергіи, о солнцѣ, его теплѣ и животворящемъ началѣ, словомъ о философіи механики, а не о ея практическомъ примѣненіи къ дѣлу; фигурировали, конечно, и уравненія движенія, живыхъ силъ,

импульсовъ и количества движенія, но какъ-то въ туманѣ и оторвано отъ практики, безъ рѣшенія задачъ и примѣровъ. Книга хорошая, интересная, оригинальная, но... не учебникъ, не курсъ!

Физику очень хорошо и очень горячо, сильно возвышая голосъ и жестикулируя, но несовсѣмъ внятно, читалъ генералъ **Усовъ**; возбуждалъ вниманіе и заставлялъ слушать, безъ мѣръ принужденія. Къ концу года генералъ какъ-то исчезъ; результатовъ его трудовъ не помню; не помню даже были ли репетиціи, но въ этомъ виноваты или его болѣзнь (онъ былъ очень худъ) или моя память, но никакъ не Училище.

По Химіи было сдѣлано все, что можно подъ руководствомъ извѣстнаго профессора, ген.-лейт. **Федорова**.

Тактику читали гг. офицеры Генеральнаго Штаба, какъ всегда довольно небрежно; любви къ этому предмету внушить не смогли.

Военной Исторіи не было.

По Администраціи и Законовѣдѣнію мы остались при томъ же, что слышали въ Павловскомъ Воен. Уч. и этого пожалуй было довольно. Законовѣдѣніе читалъ тотъ же г. **Чиколини** — комичная фигура, хорошо читавшая, но слишкомъ сильно раскрывавшая ротъ: „Обольщеніе невинной дѣвушки обѣщаніемъ жениться на ней!"... Какъ теперь помню!

По Черченію артиллерійскому и проекціонному далъ достаточно ген. **Гукъ**.

Кап. **Викт. Конст. Федоровъ**, — вып. 1912 г. (Ком. 4 бат. З. С. С. А. Б. и 3-й бат. 3 отд. арт. див. б-ей „В" ТАОН).

По Иппологіи — довольно теоріи, но мало практики.

Очень слабо были поставлены языки; слишкомъ мало имъ посвящали времени: что такое 1 часъ въ недѣлю? Это наша общая и постоянная бѣда! А между тѣмъ — въ Русскомъ многіе были довольно безграмотны, а по иностраннымъ — едва читали!

Нѣчто непріятное въ отношеніи языковъ случилось и со мною: французскій языкъ я зналъ, потому что дома имѣлъ гувернантку, а вовсе не благодаря гимназіи, въ которой тоже съ языками было дѣло плохо: намъ позволяли избирать языкъ по желанію и, конечно, для облегченія, я выбралъ французскій. Въ виду этого меня освободили отъ нѣмецкаго языка и въ Павловскомъ Уч. По поступленіи же въ Мих. А. У. мнѣ этого не позволили, и я за это остался очень благодаренъ, хотя попалъ въ довольно затруднительное положеніе. Во вниманіе къ этому (и тутъ проявилась душа,

какъ и во всемъ въ М. У!), мнѣ разрѣшили переводить только 2 задаваемыя страницы, вмѣсто 4-хъ, задаваемыхъ остальнымъ; переводы мы должны были готовить во внѣклассное время, и еженедѣльно 1 разъ сдавать преподавателю въ классѣ. Таковымъ былъ у насъ очень строгій нѣмецъ, г. Шульцъ. Приходилось стараться; меня еженедѣльно спрашивали и я получалъ 9—10 балловъ; это было хорошо, но едва не кончилось плохо! Когда намъ роздали списки годовыхъ балловъ, я къ ужасу своему увидѣлъ у себя по нѣмецкому 5! Я къ помощн. инспектора классовъ... „тутъ ошибка, у меня въ среднемъ должно быть 10!“ Но пунктуальный полковн. Кирпичевъ „никогда не ошибается и всегда справедливъ“: „Вы переводили вдвое меньше, чѣмъ другіе, 2 страницы, а не 4, поэтому и средній балъ вашъ раздѣленъ пополамъ“! „Благодарю, не ожидалъ!“ Къ счастью, Конференція съ такимъ Соломоновымъ судомъ не согласилась и у меня осталось 10. Благородное Училище! Если ни одинъ проступокъ юнкера у тебя не остается ненаказаннымъ, то и ни одна случайная несправедливость не остается неисправленною! А несправедливость въ моемъ случаѣ была усмотрѣна въ томъ, что облегченіе мнѣ дали, а о возможныхъ послѣдствіяхъ не предупредили!

Я отнесся выше къ программамъ и курсамъ Училища можетъ быть слишкомъ строго; хотѣлось бы, чтобы наше прекрасное Училище было еще совершеннѣе; теперь съ высоты 56-лѣтняго промежутка времени, легко видѣть ошибки и критиковать ихъ: „La critique est aisée, l'art est difficile“! Работать въ современности гораздо труднѣе; а Училище работало добросовѣстно и во многихъ его промахахъ виновато не столько оно, сколько Академія: составляя съ Училищемъ тогда одно организаціонное цѣлое, существуя рядомъ въ одномъ зданіи, Академія была слишкомъ занята собою (хотя и то не вполнѣ достаточно, какъ я покажу дальше!) и училищными дѣлами почти не занималась, высшаго руководства ими не проявляла и посвящала училищу свои засѣданія: регулярно лишь нѣсколько разъ въ году, когда обсуждались результаты экзаменовъ и выпуска, а нерегулярно — лишь въ рѣдкихъ, исключительно экстренныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, казалось бы, что ознакомленіе, просмотръ, исправленія и дополненія программъ и курсовъ Училища, должно было находиться въ ея вѣдѣніи! Съ высоты виднѣе. Да было вѣдь у нея и общеніе съ Технич.-Артил. Комитетомъ Глав. Артил. Управленія.

5. **Лагерное время и выпускъ.** — Учебный годъ въ Училищѣ и выпускные экзамены прошли благополучно, къ общему нашему удовольствію. Наступило время разборки вакансій и выхода въ лагерь.

Приведу здѣсь лишь еще одинъ небольшой эпизодъ, случившійся со мною и характеризующій то участіе и вниманіе, которое всегда оказывало Училище къ своимъ воспитанникамъ. Мнѣ хотѣлось непремѣнно выйти въ 13-ю Артил. бригаду, въ Севастополь, поближе къ роднымъ лицамъ и мѣстамъ моего дѣтства. Но въ эту бригаду была прислана только 1 вакансія, на которую насъ было 3 кандидата: Предтеченскій, я и Семенчукъ. По общему списку балловъ Предтеченскій стоялъ выше меня, онъ былъ ще-

стымъ, я — седьмымъ. Семенчукъ стоялъ ниже и опаснымъ конкурентомъ не былъ. Въ Училищѣ старшимъ по выпуску выдавались преміи отъ 300 до 600 рублей, сверхъ суммы, отпускаемой на обмундированіе), по особымъ правиламъ, а именно, не по общему списку, а по балламъ изъ главныхъ предметовъ: математикѣ (по всѣмъ отдѣламъ ея) и артиллеріи. По этимъ балламъ я оказался старше Предтеченскаго и мнѣ была присуждена премія въ 130 руб., а ему въ 100. Но преимущество въ выборѣ вакансій отдавалось старшему по общему списку и такимъ образомъ Предтеченскій лишалъ меня возможности выйти въ 13-ю бригаду. Я былъ въ отчаяніи! Но, благодаря любезности и вниманію къ намъ Училища, дѣло это окончилось для всѣхъ насъ благополучно: оказалось, что начальство затребовало дополнительныхъ вакансій, и между ними трехъ въ 13-ю бригаду. Ихъ прислали 2 и такимъ образомъ мы всѣ устроились какъ хотѣли Было ли бы такъ поступлено въ какомъ-нибудь другомъ, любомъ Училищѣ — сомнѣваюсь!

Наступила лихорадочная дѣятельность по обмундированію: платье — у Норденштрема, Доронина, перчатки — у Шольца; шашка — у Шаффа; сапоги — у Гозе; привязныя шпоры съ привинченными колесиками и малиновымъ звономъ — забылъ фамилію мастера!..

Лагерь въ Красномъ Селѣ — одно удовольствіе! Смотришь глазами скрытаго офицера. Работы мало и интересная, не тяжелая, даже когда стоишь караульнымъ у орудій, на линейкѣ, и когда тебя юнкера пугаютъ ночью!.. Полуинструментальная съемка — легкая: красивая природа и интересныя знакомства съ дачницами Дудергофа!.. Катаніе въ лодкахъ по озеру, подъ надзоромъ наблюдающаго въ зрительную трубу дежурнаго офицера (только Мамонтова еще тогда не доставало! Изъ силъ выбивался и оралъ въ рупоръ, человѣкъ!).

$18\frac{8}{8}81$ — производство на маневрахъ, бѣгство въ Петербургъ, преображеніе и разъѣздъ!

(Продолженіе въ слѣдующемъ выпускѣ).

Леонидъ Яковл. Симоновъ
Ген.-маіоръ, вып. 1881 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ „ALMA MATER“.

Въ мою почти сорокалѣтнюю службу въ родной артиллеріи я прошелъ всѣ ступеньки офицерской службы, начиная съ командира взвода до Инспектора Артиллеріи Корпуса включительно. Основаніемъ-фундаментомъ моей службы было Михайловское Артиллерійское Училище, которое я окончилъ въ 1881 году.

Л. Я. Симоновъ,
ген.-м. Инсп. арт. 2 арм. корп.

Въ своихъ воспоминаніяхъ объ Училищѣ я почти ничего не могу добавить къ отмѣченному моими дорогими однокашниками въ 1-мъ выпускѣ Сборника „*Михайловцы*“, развѣ нѣсколько мелкихъ штриховъ къ портретамъ нашихъ незабвенныхъ профессоровъ.

Вотъ генералъ **Эгерштромъ,** высокій и прямой старикъ, съ отрывочной рѣчью. Въ своихъ лекціяхъ онъ имѣлъ ту особенность, что то, что онъ желалъ подчеркнуть, онъ писалъ мѣломъ на классной доскѣ. Свою первую лекцію, помню, онъ началъ такъ: „*Господа! Я назначенъ читать вамъ организацію Русской Артиллеріи Неинтересно. Вы, грамотные люди, сами прочтете въ книжкѣ все, что къ сему относится. Я лучше вамъ буду читать „Исторію русской артиллеріи* (и пишетъ на доскѣ „Исторію“). *Я вамъ разскажу также вещи, которыхъ вы нигдѣ не найдете*“, и цѣлый годъ читалъ „Исторію Русской Артиллеріи“.

Помню, разсказывая о временахъ Аракчеева, онъ, передавая одинъ изъ эпизодовъ этого времени сказалъ: „*Государь высказалъ свое одобреніе Аракчееву и поцѣловалъ его*“ (и пишетъ на доскѣ: „и поцѣловалъ“). Какъ сейчасъ вижу это „и поцѣловалъ“.

Вотъ полк. **Л. Л. Кирпичевъ** („Лёвка“). Онъ, являясь читать лекцію, вытаскивалъ изъ кармана замшевую перчатку и, отдуваясь,

медленно натягивалъ ее на правую руку, послѣ чего бралъ мѣлъ и начиналъ читать. Онъ требовалъ, чтобы за нимъ всѣ вели записки. Любилъ пояснять схемами и вотъ, помню, читая, кажется, о движеніи, онъ въ схемѣ сводилъ все къ солнцу. Одинъ изъ ловкачей-юнкеровъ въ своихъ запискахъ красиво изобразилъ солнце и подписалъ его чуть ли не на 10 языкахъ. Оригинально. Кирпичеву понравилось и отразилось на поставленномъ на репетиціи баллѣ. Эти тетрадки-записки юнкеровъ онъ въ концѣ года отбиралъ, имѣлъ терпѣніе прочитывать ихъ и въ большинствѣ возвращалъ; мою тетрадку онъ мнѣ не возвратилъ и на мою просьбу о возвращеніи сказалъ: *„Не могу. У васъ тамъ ересь есть“*. Какую онъ ересь нашелъ въ моихъ запискахъ, такъ для меня и осталось тайной.

Вышелъ я на службу въ Туркестанъ и черезъ два года, легкомысленно отнесясь къ подготовкѣ, явился держать экзаменъ въ Академію и на первомъ же экзаменѣ по Элементарной Геометріи провалился: Будаевъ поставилъ мнѣ 7. Иду къ Кирпичеву спросить — стоитъ ли мнѣ продолжать держать экзамены. Надо замѣтить, что до тѣхъ поръ принимали въ Академію всѣхъ додержавшихъ экзамены до конца; пріѣхавшіе безъ серьезнаго намѣренія поступить въ Академію, очень быстро отсѣивались. *„Держите, г. Симоновъ, навѣрное поступите“*, — получилъ я отвѣтъ отъ Лёвки. Держу всѣ экзамены и выдерживаю. Опять иду къ Кирпичеву: *„Начальникъ Академіи не соглашается принять больше комплекта“*. Я же, въ числѣ нѣсколькихъ семерочниковъ, конечно, былъ въ концѣ списка, въ Академію не попалъ и „возвратихся вспять“.

Пріѣхалъ держать экзаменъ въ Михайловскую Артиллерійскую Академію изъ Сибири подпоручикъ мѣстнаго батальона Волковъ Случай рѣдкостный и на него, Волкова, покосились. Первый экзаменъ по математикѣ Волковъ выдерживаетъ блестяще. Лёвка подходитъ къ нему: *„Вы г. Волковъ?“* — „Да“. *„Поздравляю васъ“*. Слѣдующіе экзамены Волковъ прекрасно выдерживаетъ и получаетъ каждый разъ поздравленіе отъ Левки. Волковъ въ Академію поступилъ, былъ переведенъ въ артиллерію и, хорошо окончивъ Академію, остался на службѣ въ Петербургѣ.

Вотъ генералъ **Фишеръ**. Въ свое время въ артиллеріи былъ принятъ лафетъ его системы. Прекрасно чертилъ и любилъ, чтобы, отвѣчая ему, хорошо чертили на доскѣ. Это искусство не всѣмъ хорошо дается, и вотъ, незадачливый юнкеръ изображаетъ на доскѣ что-то неопредѣленное. Фишеръ подходитъ, смотритъ и затѣмъ, пятясь отъ доски, восклицаетъ, съ жестикуляціей: *„Это крокодилъ! Я его боюсь! Онъ меня укуситъ!“*

Генералъ **Демяненковъ** („Демьянъ“) читалъ лекцію, садясь спиною къ классу и лицомъ къ доскѣ. Причиной этого, вѣроятно, было то, что онъ не переваривалъ дремлющихъ слушателей.

Высшую математику (Дифференціальное и Интегральное исчисленія) читалъ у насъ глубокоуважаемый **П. Е. Рощинъ**, старикъ съ сѣдыми волосами до плечъ. Онъ обладалъ замѣчательной памятью; лекцію кончалъ онъ, что называется, на полу-словѣ и, читая въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, помнилъ — гдѣ и на

чемъ онъ остановился; за цѣлый годъ онъ единственный разъ справился объ этомъ у юнкера, сидящаго на первой скамьѣ.

Химію читалъ у насъ полковникъ **Котиковъ**; читалъ не краснорѣчиво и иногда задумывался. Помню разъ я спросилъ его, что такое „плоскости поляризаціи". *„Послушьте, я вамъ потомъ объясню"*. Затѣмъ, находя откладываніе объясненія неудобнымъ, говорилъ: *„Послушьте — я вамъ сейчасъ объясню"*. Начавъ объясненіе, нѣсколько задумался и спрашиваетъ: *„Послушьте, прямой уголъ сколько градусовъ?"* и затѣмъ, сконфузившись, уходитъ изъ класса.

Л. Я. Симоновъ, полк., въ бытность к-ромъ 1 див. 7 Спб. Стр. арт. бригады.

Вспоминаю каррикатурную торговлю юнкера съ Котиковымъ за баллъ на репетиціи. Котиковъ ставитъ 7. Юнкеръ проситъ поставить 9. *„Послушьте, вы ничего не знаете!* Юнкеръ пытается доказать, что на 9 онъ знаетъ. *„Послушьте, я вамъ поставлю 8"*. Юнкеръ продолжаетъ настаивать на своемъ и говоритъ, что онъ придетъ перерепетироваться, чего Котиковъ не долюбливалъ. Кончалось тѣмъ, что Котиковъ ставилъ 9.

Физику читалъ ген. **Усовъ**, читалъ интересно, воодушевлялся, размахивалъ руками. Нерѣдко онъ начиналъ лекцію такъ: *„Господа ,я не буду повторять, что говорилъ въ прошлый разъ, лишь напомню вамъ, что..."* и чуть не полчаса посвящалъ этому напоминанію.

Начальникомъ Училища былъ сначала ген. **Ротъ,** а затѣмъ **Демяненковъ.**

Батареей Училища командовалъ полк. **Баумгартенъ.** Офицерами Училища были: капитаны: **Петраковъ, Гукъ, Кондрацкій** и **Кочакидзе,** штабсъ-кап. **Чернявскій** и поручикъ **Форстенъ.**

Режимъ училищный былъ, вообще говоря, значительно мягче, чѣмъ въ другихъ военныхъ училищахъ. Популярныхъ въ Петербургѣ артиллерійскихъ балловъ въ мое время не было. Кутежей не было Были небольшіе безобидные кружки картежниковъ. Жизнь шла ровная, размѣренная, трудолюбивая.

Юность! Юность! Изъ милаго далека будишь ты мою память, юность со всѣми ея заботами, а вѣрнѣе беззаботностью, со всѣми ея радостями и печалями, со всѣми надеждами и устремленіями. На наше несчастіе — финалъ для насъ получился печальный; жизнь скомкалась и сплющилась подъ тяжелой пятой лютыхъ враговъ Россіи. Надолго ли? Какъ знать?! Въ нашу историческую полосу время надо считать не годами, а поколѣніями.

„Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ подчиняясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,
Сложилъ пѣсню, подобную стону
И на вѣки духовно почилъ!“...

Нѣтъ, поэтъ! Проснется Великая Россія и съ ней вмѣстѣ проснется наше дорогое Михайловское Артиллерійское Училище, чтобы снова насаждать знанія и традиціонное содружество русской артиллерійской семьи.

Батарея на стрѣльбѣ съ клиновыми пушками — 1895 г.
(Направо ген. Демяненковъ — въ сюртукѣ и полк. Петраковъ).

Съ глубокой признательностью вспоминаю Михайловцевъ — **В. Д. Турова** — сибиряка, который въ бытность мою въ Сибирской военной гимназіи, нерѣдко помогалъ намъ по математикѣ (онъ былъ на три класса старше насъ), моего брата **В. Я. Симонова** (Михайловецъ, выпуска 1876 года), который подготовилъ меня къ экзамену въ гимназію и потомъ направилъ стопы мои въ Михайловское Артиллерійское Училище, и нынѣ здравствующихъ **А. А. Нилуса,** дружески-отзывчиво помогшаго мнѣ въ устройствѣ моего сына и руководителя Офицерской Артиллерійской Школы **М. В. Ханжина** (послѣдній Полевой Инспекторъ Артиллеріи и послѣдній русскій Военный Министръ въ Правительствѣ Колчака), съ которымъ мы встрѣтились уже послѣ, въ эмиграціи, въ Манджуріи и вмѣстѣ работали въ Мукденскомъ Артиллерійскомъ кружкѣ.

Я не говорю о многихъ Михайловцахъ — моихъ начальникахъ, сослуживцахъ и подчиненныхъ, съ которыми судьба сводила меня за время моей продолжительной службы въ родной артиллеріи.

Евг. Алекс. Милодановичъ
ген. штаба ген.-лейт., вып. 1887 г.

ПОЛЪ-ВѢКА НАЗАДЪ.

„Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече“...
А. Пушкинъ „Евгеній Онѣгинъ“.

По окончаніи Орловскаго-Бахтина кадетскаго корпуса въ 1884 году, я со своими однокашниками прибылъ 26 августа въ Петербургъ, во 2-е военное Константиновское училище, гдѣ провелъ 5 дней, пока не выяснилось, что изъ Орловцевъ я и Мамонтовъ приняты въ Михайловское Артиллерійское Училище.

31 августа мы сѣли на конку у Технологическаго Института и отправились по назначенію. Въ Училищѣ была почти полная пустота, такъ какъ юнкера должны были прибыть изъ отпуска только вечеромъ этого дня. Появились молодые люди и изъ другихъ корпусовъ. Вновь прибывшихъ отправили въ цейхгаузъ для пригонки обмундированія. При этомъ присутствовалъ завѣдывавшій обмундированіемъ капитанъ Александръ Николаевичъ **Петраковъ,** первый изъ офицеровъ Училища, съ которымъ намъ пришлось познакомиться.

Когда мы одѣлись въ новую форму, намъ объявили, что обѣдъ въ Училищѣ будетъ въ 1 часъ дня и что мы можемъ воспользоваться свободнымъ временемъ и идти въ отпускъ. Кто не имѣетъ родныхъ и знакомыхъ, можетъ вернуться къ обѣду, а можно попросить и оставить обѣдъ на кухнѣ. Такое отношеніе къ намъ, только что прибывшимъ, поразило меня послѣ того, какъ я познакомился съ режимомъ Константиновскаго военнаго училища, гдѣ насъ сразу привлекли къ строевымъ занятіямъ и энергично принялись обучать отданію чести, а въ праздничный день — 30 августа — отпустили въ городъ командами въ 4—5 человѣкъ, назначивъ въ каждую старшимъ юнкера старшаго класса.

Отправился и я знакомиться со столицей, и былъ весьма гордъ, чувствуя на себѣ форму Артиллерійскаго Училища съ шашкой (а не со штыкомъ) на боку. Давнишняя моя мечта осуществилась.

Начальникомъ Михайловской Артиллерійской Академіи и Училища былъ тогда генералъ-лейтенантъ Николай Афанасьевичъ **Демяненковъ.** Въ Училищѣ онъ появлялся часто и не только днемъ, но и вечеромъ, а иногда и ночью, приходя тогда въ сѣрой форменной тужуркѣ. Онъ былъ старый холостякъ и, видимо, жилъ своимъ Училищемъ.

Онъ любилъ говорить рѣчи юнкерамъ, собраннымъ въ конференцъ-залѣ, передъ отъѣздомъ ихъ въ отпускъ и вообще по разнымъ случаямъ. Говорилъ просто, не увлекаясь краснорѣчіемъ, и — казалось — сердечно, подергивая по временамъ плечами. Онъ старался внушить юнкерамъ любовь и уваженіе къ своему Училищу и чувство гордости, что принадлежатъ къ его питомцамъ. Онъ часто повторялъ фразу: *„не забудьте, что вы юнкера Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, что вы всегда являетесь представителями Училища, и что по каждому изъ васъ въ отдѣльности будутъ судить о вашемъ заведеніи.“*

1912 г. — полк. **Е. А. Милодановичъ,** к-ръ 108 пѣх. п., съ сыномъ **Всеволодомъ,** подпор. 32 артил. бригады.

Держалъ себя ген. Демяненковъ вообще независимо и съ большимъ достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ большой дипломатъ.

Командиромъ батареи Училища былъ полковникъ Александръ Трофимовичъ **Баумгартенъ.**

Онъ не любилъ много говорить и не былъ рѣчистъ. Разсказывали, что однажды, когда юнкера по какому-то случаю были взволнованы, и рѣчь Начальника Училища юнкерамъ не имѣла успѣха, онъ поручилъ полк. Баумгартену поговорить съ ними. Послѣдній вошелъ въ залъ, гдѣ были построены юнкера, прошелъ раза два передъ фронтомъ, опустивъ голову внизъ, затѣмъ остановился, повернулся къ строю, поднялъ голову и громкимъ голосомъ произнесъ: *„здравствуйте, господа!“* Этого было достаточно, чтобы успокоить молодежь.

Онъ былъ очень самолюбивъ и обидчивъ. Если юнкеръ шелъ по улицѣ и видѣлъ идущаго на встрѣчу ему Баумгартена, онъ не

могъ зайти въ магазинъ до встрѣчи съ нимъ, т. к. иначе онъ могъ подумать, что юнкеръ скрылся отъ него. Поэтому нужно было продолжать путь, стать ему во фронтъ и затѣмъ уже повернуть назадъ и идти въ магазинъ.

Баумгартенъ былъ строгъ, но не придирчивъ и справедливъ. Онъ не допускалъ нарушенія установленныхъ въ Училищѣ правилъ и отступленія отъ формы одежды и требовалъ, чтобы юнкера были коротко острижены. Однажды, возвратившись изъ лѣтняго отпуска, я не успѣлъ постричься и встрѣтился въ корридорѣ съ Баумгартеномъ, который, увидя меня, прорычалъ только одно слово: „волосы"! Этого было достаточно, чтобы я немедленно отправился къ училищному парикмахеру.

Юнкера полк. Баумгартена уважали, но очень боялись его. Видимо и для офицеровъ Училища онъ былъ тяжелый начальникъ.

Всѣ юнкера старшаго класса должны были передъ окончаніемъ курса стрѣльбы произвести самостоятельно пристрѣлку 8-ми орудійной батареи Училища, подъ руководствомъ командира батареи. Каждый разъ для этого назначалось по нѣсколько юнкеровъ, которые слѣдовали командой за батареей и останавливались до выѣзда батареи на позицію въ нѣкоторомъ отъ нея удаленіи, позади, въ какой нибудь лощинкѣ. Затѣмъ вызывался очередной юнкеръ, который и приступалъ къ пристрѣлкѣ. Если юнкеръ дѣлалъ крупную ошибку, Баумгартенъ удалялъ его, сказавъ ему нѣсколько непріятныхъ словъ, и посылалъ трубача за слѣдующимъ. Передо мной было два такихъ незадачливыхъ, и когда прискакавшій трубачъ назвалъ мою фамилію, сердце мое ёкнуло. Однако, движеніе до батареи меня успокоило, и я успѣшно справился со своей задачей, за что былъ награжденъ полк. Баумгартеномъ отданнымъ имъ приказаніемъ — произвести „залпъ батареей".

Нашъ выпускъ 1887 года (производство было 7 августа — въ день полнаго солнечнаго затменія) былъ послѣднимъ при полк. Баумгартенѣ, т. к. осенью этого года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 23 артил. бригады.

Батарею училища я засталъ въ 4-хъ орудійномъ составѣ съ горными орудіями образца 1874 г. на полевыхъ лафетахъ, но уже къ веснѣ 1885 года батарея получила 8 легкихъ орудій обр. 1877 г., и для запряжки ихъ были пріобрѣтены прекрасныя лошади, и увеличено число верховыхъ лошадей. Первую полубатарею составляли юнкера старшаго, а вторую — средняго класса.

Подборъ офицеровъ въ Училищѣ былъ отличный, обученіе и строевое, и спеціальное шло прекрасно, а потому нельзя было удивляться, что батарея Училища выдѣлялась и въ строевомъ отношеніи, и по своей стрѣльбѣ. Поведеніе юнкеровъ было выше похвалы, и я не помню, чтобы кто-либо изъ моихъ товарищей по выпуску подвергся дисциплинарному взысканію.

Курсовыми офицерами у меня были: капитанъ Пет. Пет. **Потуловъ** — командиръ взвода и завѣдующій 1-мъ отдѣленіемъ Младшаго класса, кубанскій казакъ, окончившій Артиллерійскую Академію; средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ свѣтлой бородой и маленькими пронизывающими глазами; человѣкъ простой и нѣ-

колько грубоватый, очень смѣлый и искусный ѣздокъ; и поручикъ Гвардейской конной артиллеріи Алекс. Мих. **Головинъ**, завѣдывавшій 2-мъ отдѣленіемъ, также съ академическимъ знакомъ, еще не переведенный въ штатъ Училища, маленькаго роста, на необыкновенно высокихъ каблукахъ. Головинъ — повидимому — старался пріобрѣсти симпатіи юнкеровъ и стремился казаться добродушнымъ. Онъ обучалъ юнкеровъ младшаго класса верховой ѣздѣ и управлялъ церковнымъ хоромъ Училища.

Вспоминаю первый урокъ ѣзды. Наша смѣна собралась въ манежѣ. Въ одной изъ боковыхъ дверей появился берейторъ, извѣстный у юнкеровъ подъ именемъ *„Клюква“*; средняго роста сухощавый старикъ, въ длинномъ зеленоватомъ сюртукѣ, синихъ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ со шпорами, съ бичомъ въ рукахъ. Онъ громко, съ какой-то особенной интонаціей, отдалъ приказаніе собравшимся „ѣздовымъ“: „Выводите лошадей: Альфа, Егерь, Степенная, Снѣжинка...“ дальше не помню, но знаю, что былъ еще во всякомъ случаѣ пользовавшійся извѣстностью „Освальдъ“. Этого отлично помню, ибо имѣлъ удовольствіе въ этотъ разъ — первый вообще въ моей жизни — сѣсть именно на этого коня, караковой масти, довольно красиваго, но тугоуздаго и имѣвшаго непріятную манеру — бить задомъ, стараясь сбросить всадника. Къ счастью, въ этотъ день онъ былъ настроенъ мирно, и ѣзда закончилась для меня безъ приключеній. Въ этотъ день мы сидѣли на сѣдлахъ со стременами, а со слѣдующаго урока и впредь до Пасхи ѣздили на однихъ попонахъ, что показалось не такъ удобно, въ особенности, когда раздавался звонкій голосъ пор. Головина: *„Хо-ду! Хо-ду!“* или свистъ его бича, подбадривавшаго лошадей.

Изъ другихъ офицеровъ Училища особенно выдѣлялись капитанъ Александръ Николаевичъ **Петраковъ** и капитанъ Василій Тимофеевичъ **Чернявскій**. Первый по внѣшности казался нѣсколько староватымъ для своего чина, по сравненію съ другими. Онъ былъ единственнымъ изъ офицеровъ Училища безъ академическаго знака, но отличный, знающій артиллеристъ и прекрасный ѣздокъ, чуть ли не цѣлый день проводившій на конѣ.

Капитанъ Чернявскій — академикъ, имѣвшій высокія боевыя награды, пользовался большимъ авторитетомъ.

Еще вспоминается поручикъ Лейбъ-Гвардіи 1 артиллерійской бригады **Эрисъ-Ханъ-Аліевъ**, чеченецъ, небольшого роста, съ большой головой, остроконечной кверху, коротко остриженный, съ длинными пушистыми усами. Объявленіе Міровой войны застало его въ должности командира 4 армейскаго корпуса, которымъ онъ доблестно командовалъ на войнѣ. Послѣ революціи былъ избранъ Правителемъ Чечни. Лѣтомъ 1919 года я встрѣтился съ нимъ въ Пятигорскѣ и по его предложенію занялъ у него въ Грозномъ должность помощника Правителя по военной части. Онъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, отпустилъ бороду, но былъ бодръ и жизнерадостенъ. Въ сентябрѣ обстановка въ Чечнѣ рѣзко измѣнилась къ худшему, а въ концѣ декабря 1919 года онъ былъ убитъ большевиками въ Кисловодскѣ.

Когда я былъ въ младшемъ классѣ, фельдфебелемъ былъ **Грибоѣдовъ** — высокаго роста, стройный и довольно красивый молодой человѣкъ. Онъ немного заикался и на перекличкѣ почему-то никакъ не могъ произнести фамилію моего товарища ю. Козловскаго, спотыкаясь на звукѣ „к". Это повторялось каждый разъ, а потому онъ счелъ за лучшее пропускать его фамилію. Онъ впослѣдствіи окончилъ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, служилъ на должностяхъ генеральнаго штаба и рано, кажется въ чинѣ полковника, скончался. Правящимъ былъ портупей-юнкеръ **Карповъ** и его помощникомъ порт.-ю. **Богомоловъ**. Оба были очень симпатичные, держали себя по отношенію къ намъ чрезвычайно просто, не по-начальнически, а какъ старшіе товарищи; знакомили насъ съ первыхъ шаговъ съ порядками и традиціями Училища и приходили къ намъ на помощь въ затруднительныхъ случаяхъ своими совѣтами.

Инспекторомъ классовъ Академіи и Училища я засталъ полковника (вскорѣ генералъ-маіоръ) Льва Львовича **Кирпичева**. Онъ имѣлъ большую бороду въ формѣ лопаты, носилъ очки и имѣлъ суровый видъ, хотя въ душѣ былъ очень добрый и отзывчивый человѣкъ. Это была очень яркая личность; большой патріотъ, оригиналъ и убѣжденный холостякъ. У насъ говорили, что, когда его родной братъ, Нилъ Львовичъ, инженеръ-полковникъ, читавшій въ Училищѣ лекціи по Фортификаціи, задумалъ жениться, онъ всячески отговаривалъ его отъ этого „необдуманнаго шага", но успѣха не имѣлъ. На свадьбу онъ вовсе не хотѣлъ идти, но когда его убѣдили наконецъ, что это обидитъ брата, онъ явился съ траурной повязкой на рукавѣ и имѣлъ очень мрачный видъ. На вопросъ, почему онъ въ траурѣ, Левъ Львовичъ заявилъ, что трауръ одѣлъ по брату, который *„погибъ для науки"*.

Левъ Львовичъ читалъ въ младшемъ классѣ лекціи по Артиллеріи и Механикѣ. Его лекціи были очень интересны; онѣ не только сообщали юнкеремъ необходимыя научныя знанія, но, имѣя часто — въ своихъ отступленіяхъ — чисто философскій характеръ, расширяли кругозоръ слушателей. Онъ преклонялся передъ могуществомъ и величіемъ Россіи и признавалъ неисчерпаемость ея естественныхъ богатствъ.

Съ какимъ восторгомъ онъ говорилъ, что Россія на сѣверѣ и востокѣ достигла своихъ естественныхъ предѣловъ — морей, имѣя Влади-*сѣверъ* (Архангельскъ) и Влади-*востокъ*, но на югѣ (добавлялъ онъ съ горечью) у насъ есть пока только Влади-*Кавказъ*, но нѣтъ Влади-*юга* (Константинополь), который жизненно необходимъ Россіи. Такія лекціи не могли не оставить глубокаго слѣда въ юныхъ умахъ и душахъ слушателей.

Однажды на лекціи Кирпичевъ замѣтилъ, что ю. **Острянскій** что-то чертитъ или рисуетъ на листѣ бумаги и направился къ нему. Острянскій сунулъ бумагу въ ящикъ стола. К. потребовалъ, что-бы онъ показалъ ее. Оказалось, что О. нарисовалъ портретъ Кирпичева. Послѣдній внимательно посмотрѣлъ на рисунокъ и сказалъ: *„недурно; нѣсколько въ каррикатурномъ видѣ, но въ общемъ хорошо."* Острянскій стоялъ передъ нимъ красный, какъ

ракъ. „Надѣюсь, добавилъ К., что вы ничего не будете имѣть, если я возьму себѣ вашъ рисунокъ.“ И съ этими словами, онъ сложилъ бумагу и спряталъ ее въ боковой карманъ сюртука. Никакихъ послѣдствій для О. этотъ случай не имѣлъ.

Репетиціи по курсамъ наукъ назначались по вечерамъ: по главнымъ предметамъ — 3-4 раза въ годъ, почему отдѣлы были велики На репетиціяхъ Кирпичевъ, слушая юнкера, иногда начиналъ „наводить“ его и такъ увлекался, что продолжалъ говорить самъ, не давая юнкеру возможности раскрыть ротъ, а затѣмъ, спохватясь, восклицалъ: *„да, вѣдь, это я отвѣчаю, а не вы!“* и начиналъ задавать вопросы. Если юнкеръ плохо отвѣчалъ, К. отмѣтки ему не ставилъ, а говорилъ: *„приходите еш шо разъ“*, ибо признавалъ необходимымъ, чтобы каждый юнкеръ хорошо зналъ предметъ. Онъ долженъ былъ явиться на одну изъ слѣдующихъ репетицій (другой группы), а бывало иногда, что ему предлагалось придти и „еш-шо разъ“.

Ген. отъ артил **Николай Аоанас. Демяненковъ.** 1881—1898 — Начальникъ Мих. Арт Академіи и Училища, потомъ членъ Военнаго Совѣта.

Зная прекрасно французскій и нѣмецкій языки, Кирпичевъ съ преподавателями иностранныхъ языковъ въ профессорской комнатѣ и въ классахъ Училища говорилъ изъ принципа всегда порусски.

Имѣя лично большую библіотеку и внося аккуратно въ каталогъ всѣ вновь пріобрѣтаемыя книги, К., по его словамъ, не любилъ давать ихъ кому-либо, а если никакъ уже нельзя было отказать просителю, онъ тотчасъ-же отмѣчалъ въ каталогѣ противъ этой книги: „утеряна“, а въ тѣхъ случаяхъ, когда книга — сверхъ ожиданія — возвращалась, онъ, зачеркнувъ слово „утеряна“, писалъ сверху — „найдена“.

Помощникомъ инспектора классовъ былъ гвардіи капитанъ **Гукъ.**

Въ первое время, по поступленіи въ Училище, заниматься было трудновато, главнымъ образомъ потому, что переходъ отъ урочной системы въ корпусахъ къ репетиціонной, да еще при условіи большихъ отдѣловъ, — давалъ себя чувствовать. Для нѣкоторыхъ юнкеровъ представляли затрудненіе математическіе предметы, принадлежавшіе къ важнѣйшимъ въ курсѣ Училища. Меня математика не пугала: и средній баллъ по математическимъ предметамъ при выпускѣ изъ корпуса я имѣлъ почти 12 (только по физикѣ 11), и вообще имѣлъ основаніе считать себя способнымъ къ математикѣ.

Первая репетиція у меня была по Механикѣ. Изложеніе предмета въ курсѣ Л. Кирпичева было идеальное (даже бумага и шрифтъ были удивительно хороши), читалось совсѣмъ легко. Казалось, что все ясно, однако, когда я дошелъ почти до конца и заглянулъ назадъ, то къ удивленію своему увидѣлъ, что многое изъ прочитаннаго было въ туманѣ. Тогда я понялъ, что читать такъ быстро научныя книги нельзя и нужно *научиться* ихъ читать такъ, чтобы можно было усвоить прочитанное даже по прочтеніи одного раза, такъ какъ не всегда можно было расчитывать, что удастся прочесть весь отдѣлъ хотя-бы два раза.

На преподавательскій персоналъ было обращено начальствомъ Училища особое вниманіе. Онъ пополнялся лучшими научными силами Петербурга, а для преподаванія военныхъ наукъ избирались лучшіе профессора, обыкновенно изъ бывшихъ Михайловцевъ. Составъ профессоровъ былъ такимъ образомъ на должной высотѣ.

Профессорами математики у меня были **Будаевъ** и **Рощинъ;** читали еще лекціи по отдѣламъ математики генералъ **Альбицкій,** капитанъ Николай **Забудскій** и капитанъ **Шифъ**.

Профессоромъ Артиллеріи (матеріальная часть) былъ полк. Ник. Плат. **Потоцкій** — высокій, съ сѣдой головой и совершенно черными бровями и усами. Онъ отлично зналъ свой предметъ и прекрасно чертилъ на доскѣ, требуя и отъ юнкеровъ отчетливаго чертежа. Вспоминается, какъ на вступительномъ экзаменѣ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, выслушавъ мой отвѣтъ, онъ сказалъ: „*а Михайловцу слѣдовало-бы лучше начертить*“, но все же поставилъ мнѣ 12. Лекторъ же онъ былъ неважный — нѣсколько заикался и иногда какъ-то „мычалъ“ (м-м).

Ген.-м. инженерныхъ войскъ Адамъ Адамовичъ **Іохеръ** читалъ лекціи по Фортификаціи очень хорошо, тщательно вычерчивая на доскѣ планы и профили. На репетиціяхъ особое вниманіе обращалъ на отчетливое пониманіе юнкеромъ чертежа. Спрашивая размѣры и услыхавъ отъ юнкера невѣрныя данныя, онъ обыкновенно говорилъ „да“, повторялъ сказанныя юнкеромъ и доходилъ до дѣйствительныхъ. Напримѣръ, юнкеръ сказалъ: „заложеніе отъ 3 до 5 футовъ“, а Іохеръ говоритъ: „*да, отъ 3 до 5, 10 и даже 12 и никогда 18*“.

Когда умерла жена Адама Адамовича, и онъ первый разъ пришелъ къ намъ на лекцію — печальный и какой-то особенно тихій, — юнкера присвоили ему наименованіе: „тихая, одинокая сапа“.

Генеральнаго штаба полк. Аркадій Платон. **Скугаревскій,** впослѣдствіи извѣстный генералъ, читалъ тактику. Высокаго роста-крупный мужчина, съ бакенбардами; онъ былъ очень требователенъ и грубоватъ. Замѣчанія юнкерамъ на лекціяхъ дѣлались въ такомъ родѣ: „юнкеръ, сидящій на такой-то скамьѣ и смотрящій въ окно, прошу слушать!“ Когда одинъ изъ юнкеровъ, отвѣчая на репетиціи, старался картинно представить атаку пѣхоты: „музыка играетъ, полки наступаютъ“... Скугаревскій тотчасъ-же оборвалъ его: „нельзя ли попроще-съ?!“ Племянникъ его жены ю. Саврімовичъ, мой однокашникъ, ходившій въ отпускъ къ теткѣ, разсказывалъ, что его дядя и дома у себя называетъ его „юнкеромъ„

и однажды вечеромъ сказалъ ему: *„юнкеръ, вамъ, пора въ Училище!“*, а на его объясненіе, что онъ отпущенъ до позднихъ часовъ. добавилъ: *„все равно-съ, лучше придти раньше!“* Юнкера улавливали у него сходство съ полк. „Скалозубомъ“ и называли его „полковникъ Скугаронъ“.

Удивительно, что впослѣдствіи — задолго до революціи — такой генералъ, какъ Скугаревскій, поднималъ въ военной литературѣ вопросъ о необходимости говорить нижнимъ чинамъ „Вы“!

Въ младшемъ классѣ лекціи по тактикѣ имѣлъ профессоръ Николаевской Академіи Генер. Штаба, полк. Ник. Алекс. **Орловъ**. типично русской наружности, прекрасный лекторъ. Будучи выдающимся профессоромъ тактики и военной исторіи, онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ на строевыхъ должностяхъ.

Талантливый профессоръ Ник. Академіи Ген. Штаба ген.-м. **Кублицкій** при мнѣ былъ приглашенъ читать вновь введенный курсъ Военной Исторіи — кампанію 1812 года. Это былъ удивительно спокойный, вполнѣ уравновѣшенный человѣкъ и отличный лекторъ; можно сказать — профессоръ Божіей милостью, къ сожалѣнію съ лѣнцой и впослѣдствіи какъ-то отяжелѣвшій.

Военную администрацію читалъ шт.-кап. Владиміръ Аполлоновичъ **Олоховъ**, въ формѣ адъютанта Пажескаго корпуса, со знакомъ Академіи Ген. Штаба.

Онъ былъ прекраснымъ лекторомъ, имѣлъ пріятный тембръ голоса и сумѣлъ сдѣлать свой предметъ интереснымъ.

Обладая располагающей внѣшностью, очень элегантный, съ хорошими манерами и красивой походкой, всегда отлично одѣтый, онъ нравился юнкерамъ, и нѣкоторые изъ нихъ пытались подражать ему въ походкѣ и манерахъ.

Топографію читалъ очень старый генералъ корпуса военныхъ топографовъ **Андреевъ**. По непонятной причинѣ отъ него приходилось слышать на лекціяхъ странныя вещи: въ инструментѣ, напримѣръ, оказывалась „мѣдная дырочка“, былъ „кругъ, неподвижно вращающійся въ обѣ наклонныя плоскости“; „чтобы показать, что эти два круга совершенно равны между собой, я нарочно черчу ихъ различныхъ діаметровъ“. И эти выраженія были и въ составленномъ имъ печатномъ руководствѣ!

На репетиціяхъ подавался генералу Андрееву списокъ юнкеровъ въ порядкѣ очереди отвѣтовъ, и онъ всегда назначалъ вопросы въ строго опредѣленномъ порядкѣ: первый отвѣчалъ „систему Лемана“, второй — „горизонтали“ и т. д. Это обстоятельство учитывалось юнкерами, и нѣкоторые готовили къ репетиціи иногда не весь отдѣлъ, а только соотвѣтственный вопросъ. Бывали случаи, что, когда Андреевъ ошибался при указаніи вопроса, юнкеръ исправлялъ „ошибку“, и это проходило незамѣченнымъ, а между тѣмъ ген. Андреевъ любилъ говорить. что онъ „старый воробей“ и его не проведешь“.

Химію читали извѣстные профессора — генералы **Федоровъ** и **Котиковъ**, а репетиторомъ былъ шт.-кап. **Панпушко**, впослѣдствіи трагически погибшій при производствѣ опытовъ съ новыми взрывчатыми веществами. Изъ моихъ сверстниковъ химіей особенно

увлекался ю. **Ипатьевъ**, поступившій въ такъ называемое „строевое" отдѣленіе, по окончаніи военнаго училища. Мы называли его „Котиковъ № 2". Въ дальнѣйшемъ онъ достигъ, какъ извѣстно, высшихъ ученыхъ степеней. На этихъ дняхъ прочелъ въ газетахъ сообщеніе, что Московская Академія Наукъ лишила Ипатьева званія „академика" за то что онъ, выѣхавъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ командировку въ Америку, отказался возвратиться въ Совѣтскую Россію.

Лекціи по Физикѣ читалъ капитанъ **Введенскій**.

Изъ второстепенныхъ предметовъ преподавателями были: русскаго языка — талантливый профессоръ **Орловъ**, и законовѣдѣнія — **Чиколини**, обладавшій даромъ слова и говорившій нерѣдко съ пафосомъ. Нѣмецкій языкъ преподавалъ **Шмидтъ**, раздѣлившій юнкеровъ по знанію нѣмецкаго языка на 4 категоріи: умѣющихъ и желающихъ говорить по-нѣмецки, умѣющихъ и нежелающихъ, неумѣющихъ и желающихъ и неумѣющихъ и нежелающихъ. Онъ протестовалъ обычно противъ обращенія къ нему — „господинъ профессоръ", ибо онъ не профессоръ, а преподаватель, и подобное обращеніе напоминаетъ ему Петербургскихъ извощиковъ, которые всѣмъ говорятъ: „Ваше Сіятельство".

Священникомъ училищной церкви при мнѣ былъ о. **Гиляровскій**; это былъ глубокій старикъ и, какъ преподаватель Закона Божія, чрезвычайно добрый. Въ церковь юнкера должны были ходить на богослуженіе по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ; по субботамъ же и наканунѣ праздниковъ посѣщеніе церкви было необязательно. Въ нашей церкви на богослуженіи присутствовали, кромѣ служащихъ въ Училищѣ и ихъ семействъ, и постороннія лица. Помню случай, когда одинъ почтенный старикъ — по виду купецъ — не постѣснялся сдѣлать замѣчаніе двумъ юнкерамъ, стоявшимъ вблизи него и разговаривавшимъ во время службы.

Классный корридоръ, увѣшанный портретами Высочайшихъ особъ, велъ въ фундаментальную библіотеку и лазаретъ. Въ мое время юнкера, которымъ неизбѣжный въ классахъ и каморахъ шумъ мѣшалъ готовиться по вечерамъ къ репетиціямъ, занимались въ библіотекѣ, гдѣ соблюдалась полная тишина.

Во главѣ лазарета стоялъ старшій врачъ **Николаевъ**; ему было тогда лѣтъ 50. Существовало мнѣніе — не знаю, насколько справедливое (я ни разу не былъ въ лазаретѣ), что онъ былъ неважный докторъ.

Въ случаѣ серьезнаго заболѣванія кого-либо изъ юнкеровъ приглашались на консультацію лучшіе спеціалисты. У моего одноклассника ю. **Орлова**, брата извѣстнаго профессора Академіи Генер. Штаба, была костоѣда двухъ реберъ, и когда ему сдѣлали операцію Великій Князь **Михаилъ Николаевичъ** справлялся объ исходѣ ея, и каждый день должны были докладывать *Его Высочеству* о состояніи его здоровья. Когда же Орловъ оправился послѣ операціи, и врачи находили желательнымъ для укрѣпленія здоровья провести ему мѣсяца 2-3 въ Крыму, онъ былъ отправленъ туда на счетъ Великаго Князя, а по окончаніи Училища былъ произведенъ въ 13 артил. бригаду, стоявшую въ Севастополѣ, на личную вакансію Генералъ-Фельдцейхмейстера.

Таково было чисто отеческое любовное отношеніе Августѣйшаго Шефа къ питомцамъ своего Училища!

Въ свободное отъ занятій время юнкера гуляли на училищномъ плацу — или по панели, идущей вдоль передняго фасада Училища, или по аллеѣ вдоль рѣшетки, отдѣлявшей училищный плацъ отъ набережной Невы.

Въ одинъ изъ осеннихъ дней перваго года пребыванія въ Училищѣ я съ моимъ другомъ, ю. К. Смирновымъ, ходили по слѣ обѣда по тротуару вдоль Училища и о чемъ-то горячо говорили. Вдругъ видимъ, — на встрѣчу намъ идетъ высокій генералъ въ артиллерійской формѣ. Мы сошли съ панели и стали „во фронтъ".

Камора младшаго класса („Бѣлыя одѣяла".) Альбомъ 1895 г.

Генералъ, подходя къ намъ, сказалъ: „здравствуйте, господа!" Мы машинально отвѣтили: „здравія желаемъ, Ваше Превосходительство!" Генералъ остановился и спросилъ: *„развѣ вы меня не узнаете?"* Намъ это показалось подозрительнымъ и, всмотрѣвшись въ него внимательно, мы отвѣтили: „такъ точно, Ваше Императорское Высочество! Сперва мы Васъ не узнали". Это былъ Великій Князь **Михаилъ Николаевичъ**, посѣтившій свое Училище по пріѣздѣ съ юга, въ первый разъ при мнѣ. *„Вы, вѣроятно, въ этомъ году поступили въ училище? А почему теперь узнали меня?"* — „По сходству съ портретомъ и по погонамъ (Фельдмаршальскіе знаки) Ваше Императорское Высочество!"

Затѣмъ Великій Князь, сопровождаемый нами позади, направился ко входу въ Училище, гдѣ встрѣченный начальствомъ, провелъ нѣкоторое время, обходя помѣщенія.

Юнкерамъ приказано было собраться въ Конференцъ-залѣ, украшенномъ портретами Императоровъ и другихъ Высочайшихъ Особъ Великій Князь, войдя затѣмъ въ залъ, поздоровался съ юнкерами и обошелъ по фронту, задавая нѣкоторымъ изъ нихъ вопросы.

Когда Великій Князь началъ спускаться по лѣстницѣ къ выходу, юнкера бросились за нимъ, въ швейцарской окружили его со всѣхъ сторонъ, выбѣжали на плацъ и съ громкими криками „ура" провожали Его Высочество далеко за ворота Училища.

Во время Великаго поста въ 1885 году **Государь Императоръ Александръ III** началъ посѣщать военныя училища, а потому и наше Училище готовилось, чтобы достойно встрѣтить своего Монарха. Въ одинъ изъ дней къ подъѣзду Училища подъѣхали сани запряженныя парой крупныхъ вороныхъ лошадей, подъ синей сѣткой, съ толстымъ кучеромъ, съ медалями на груди, и съ казакомъ на козлахъ. Это былъ **Государь Императоръ** съ **Императрицей Маріей Ѳеодоровной**. Это было первое посѣщеніе Имъ Артиллерійскаго Училища. При входѣ въ Училище **Ихъ Величествъ** встрѣтилъ рапортомъ Начальникъ Академіи и Училища, а вскорѣ прибылъ и Великій Князь **Михаилъ Николаевичъ**.

Всѣхъ юнкеровъ собрали и построили въ Конференцъ-Залѣ, а **Ихъ Величества**, пройдя черезъ помѣщенія Академіи и осмотрѣвъ артиллерійскій музей, прослѣдовали въ лазаретъ, гдѣ милостиво освѣдомлялись о состояніи здоровья больныхъ юнкеровъ, а затѣмъ прибыли въ залъ. **Государь** поздоровался съ юнкерами. Послѣ громкаго отчетливаго отвѣта на привѣтствіе **Государя**, залъ огласился громкимъ, могучимъ, долго несмолкавшимъ „Ура!" юнкеровъ, пришедшихъ въ восторгъ, видя предъ собой своего **Вѣнценоснаго Вождя**.

Затѣмъ **Ихъ Величества** медленно прошли вдоль всего строя юнкеровъ и послѣ краткаго разговора съ Великимъ Княземъ и начальствомъ Училища направились къ выходу.

Изъ моего выпуска, кромѣ ю. **Ипатьева**, обращалъ на себя вниманіе ю. **Мамонтовъ** Владиміръ Петровичъ, впослѣдствіи фельдфебель Училища. Онъ былъ очень способный (я зналъ его еще по корпусу) и артиллеристъ до мозга костей; не понимаю почему онъ не поступилъ въ Артиллерійскую Академію. Я встрѣтился съ нимъ въ Виленскомъ военномъ округѣ, когда онъ былъ назначенъ к-ромъ 26 артиллерійской бригады, а я былъ к-ромъ 108 пѣх. Саратовскаго полка. Затѣмъ судьба насъ свела во время Великой Войны, весной 1916 года, когда мы оба, будучи нач-ми дивизій — онъ 60-й, а я — 5-й Сибирской стрѣлковой, рядомъ наступали со своими войсками на лѣвомъ берегу Зап. Двины, близъ Штокмансгофа, на позицію нѣмцевъ. По окончаніи операціи онъ нѣсколько разъ былъ у меня въ Штокмансгофѣ, пока моя дивизія не была передвинута къ Ригѣ.

Вскорѣ затѣмъ Мамонтовъ былъ назначенъ на должность Инспектора артиллеріи Особой арміи, гдѣ и погибъ отъ брошенной съ аэроплана непріятельской бомбы.

Особенно близокъ мнѣ былъ ю. Константинъ **Смирновъ**, изъ кадетъ Воронежскаго корпуса. Онъ обладалъ большими способностями и вообще былъ незаурядный человѣкъ. Въ Училищѣ шелъ успѣшно, былъ хорошъ и по строю и отлично и смѣло ѣздилъ верхомъ. Училище окончилъ въ первомъ десяткѣ. Вакансіи намъ были присланы очень неважныя — въ смыслѣ стоянокъ; такъ изъ губернскихъ городовъ былъ только Кіевъ, да и то крѣпостная артиллерія, въ которую шли неохотно. До Смирнова дошла вакансія въ конную батарею, куда онъ и записался. Но затѣмъ, не желая разставаться со мной, отказался отъ нея и вышелъ въ 11 артил. бригаду.

Я привезъ съ собой программу Артиллерійской Академіи и думалъ идти по артиллерійской дорогѣ, а онъ мечталъ о Генеральномъ Штабѣ. Прошло два года, и тутъ ужъ я отказался отъ прежняго намѣренія. Оба мы стали зимой третьяго года готовиться въ Академію Ген Штаба, хорошо выдержали предварительный экзаменъ въ штабѣ Кіевскаго военнаго округа, возвратившись въ Ровно, ликвидировали все свое имущество, до сѣделъ включительно, и отправились въ Петербургъ. Оба очень хорошо справились съ экзаменами въ Академію (мы-же были Михайловцы!) и опять поселились вмѣстѣ.

Успѣшно прошли младшій классъ, а въ старшемъ классѣ, въ концѣ учебнаго года, Смирновъ началъ чаще посѣщать лекціи въ Военно-Медицинской Академіи, чѣмъ въ нашей. Затѣмъ рѣшеніе его созрѣло: онъ оставилъ Академію Генеральнаго Штаба, въ теченіе одного года основательно изучилъ древніе языки, отлично выдержалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета.

Здѣсь онъ выдѣлялся своими способностями, составлялъ для печати записки по нѣсколькимъ отдѣламъ медицинскихъ наукъ и блестяще сдалъ государственный экзаменъ. Профессорскій составъ возлагалъ на него большія надежды, и конференція рѣшила оставить его при Университетѣ для подготовки къ профессорской дѣятельности. Однако, будучи отъ природы идеалистомъ и желая приносить непосредственную пользу страждущему человѣчеству, онъ отказался отъ столь лестнаго предложенія и принялъ должность земскаго врача въ Московскомъ земствѣ. Но судьба была къ нему жестока: во время эпидеміи онъ заразился тифомъ и скончался въ 1910 году, въ расцвѣтѣ лѣтъ.

Обращалъ на себя вниманіе ю. **Бѣляевъ** Сергѣй Тимофеевичъ, происходившій изъ артиллерійской семьи. Онъ обладалъ хорошими способностями, но и много работалъ. Окончилъ Училище, если не ошибаюсь, первымъ и взялъ вакансію во 2 Гвардейскую арт. бригаду. Въ училищѣ отличался способностью очень быстро говорить. Изъ него выработался — по словамъ моего сына, также Михайловца — отличный лекторъ. Бѣляевъ отлично окончилъ Артиллерійскую Академію и былъ записанъ, какъ и за окончаніе Училища, на мраморную доску. Былъ к-ромъ батареи Константиновскаго арт. училища; дальнѣйшей его судьбы не знаю.

Вспоминается еще ю. **Постниковъ**, кадетъ Псковскаго корпуса, крѣпкаго тѣлосложенія и вообще физически очень здоровый. Уже въ Училищѣ отличался оригинальностью: гулялъ всегда, даже въ сильные морозы безъ пальто[1]); то отказывался на нѣкоторое время отъ сладкаго блюда; то сажалъ себя на хлѣбъ и квасъ и, съ разрѣшенія начальства, во время обѣда гулялъ на плацу, проходя подъ окнами столовой и т. п. Шелъ въ Училищѣ хорошо; былъ кореннымъ ѣздовымъ.

Будучи совершенно неспособенъ къ танцамъ, ревностно въ нихъ упражнялся, имѣя въ виду требованіе начальства. Особенно не давалась ему мазурка, которую онъ танцевалъ, какъ говорили юнкера — „по раздѣленіямъ". Тѣмъ не менѣе онъ, какъ добросовѣстный юнкеръ, выступалъ въ танцахъ и на извѣстныхъ училищныхъ вечерахъ и притомъ въ казенныхъ сапогахъ (онъ былъ единственный въ классѣ, который отступалъ отъ установившейся „традиціи" — имѣть лакированные сапоги). Въ появившейся въ „Новомъ Времени" послѣ одного изъ вечеровъ замѣткѣ-отчетѣ Прокофьева было посвящено нѣсколько лестныхъ строкъ умѣнію юнкеровъ легко танцевать, не смотря на свои „смазные сапоги". Это добавленіе — по общему мнѣнію — относилось исключительно къ Постникову и неправильно было обобщено. Постникову же юнкера заявили, что онъ насъ „подвелъ".

Одновременно со мной П. поступилъ въ Академію Ген. Штаба, преуспѣвалъ тамъ въ наукахъ и также оригинальничалъ: всегда ходилъ въ одномъ сюртукѣ[2]) и только лѣтомъ одѣвалъ пальто; въ свободное время совершалъ „походныя движенія" въ окрестности, а по сдачѣ послѣдней „темы" дополнительнаго курса Академіи, былъ прикомандированъ, по его ходатайству, къ Л.-гв. Павловскому полку — для „изученія караульной службы".

Изъ Академіи былъ выпущенъ по I разряду, съ производствомъ въ шт.-капитаны и съ переводомъ въ гвардейскія батареи, 3 гв. и гренад. арт. бригады, безъ права службы въ Ген. Штабѣ.

Вызвался для участія въ походѣ противъ Китая и, будучи к-ромъ батареи, убитъ въ бою.

Полъ-вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ стѣны дорогого для всѣхъ Михайловцевъ Училища. Очень многое изъ давно прошедшаго естественно позабылось, но многое и до сихъ поръ еще свѣжо въ воспоминаніяхъ юныхъ лѣтъ. Благодарная же память къ Училищу, гдѣ начальство имѣло правильный взглядъ на воспитаніе юношества, не подавляло личности и умѣло оказывать довѣріе молодежи, гдѣ не было гнета, гдѣ не чувствовалось никакихъ обидъ, гдѣ такъ хорошо и безмятежно жилось, — останется до конца жизни

---

[1]) У насъ былъ и ю. **Посниковъ** и для отличія его отъ Постникова говорили: одинъ безъ „т", а другой — „безъ пальто".

[2]) Однажды зимой Великій Князь Владиміръ Александровичъ, встрѣтивъ его на набережной Невы, заинтересовался имъ, остановилъ и опросилъ и даже осмотрѣлъ, желая убѣдиться, не поддѣто-ли что-либо теплое подъ сюртукомъ.

Ник. Мих. Храбровъ
ген.-маіоръ, вып. Уч. 1889 г.,
Акад. — 1894 г.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ СЕРГІИ МИХАИЛОВИЧѢ.

Великій Князь считался нашимъ товарищемъ по выпуску 1889 г., такъ какъ въ сезонъ 1888—1889 г. Онъ вмѣстѣ съ нами заканчивалъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ свое строевое образованіе и, поздравляя каждаго изъ насъ съ производствомъ у Царскаго Валика, Онъ каждому вручилъ свой портретъ съ собственноручною подписью.

Собственно общеніе съ юнкерами у Великаго Князя было небольшое. Въ зимній сезонъ разъ въ недѣлю, въ сопровожденіи своего воспитателя ген. Гельмерсена, Онъ пріѣзжалъ въ училище для орудійнаго ученія, подъ руководствомъ командира батареи В. Т. Чернявскаго. Для этихъ занятій былъ выдѣленъ постоянный составъ номеровъ и ѣздовыхъ на одно орудіе, и занятія происходили совершенно отдѣльно отъ строевыхъ занятій остальныхъ юнкеровъ. Каждымъ членомъ этого орудійнаго состава были затѣмъ получены отъ Великаго Князя на память часы съ его вензелемъ.

Во время лагернаго сбора Великій Князь жилъ со своимъ воспитателемъ въ отдѣльномъ деревянномъ домикѣ, столуясь вмѣстѣ съ офицерами училища. Во всѣхъ батарейныхъ ученіяхъ Онъ исполнялъ обязанности орудійнаго фейерверкера. Съ юнкерами обмѣнивался краткими замѣчаніями въ промежуткахъ строевыхъ занятій и во время исполненія обязанности начальника караула. Лично мнѣ не пришлось обмѣняться съ Нимъ ни однимъ словомъ, и о пребываніи Вел. Князя въ Училищѣ остались только отрывочныя воспоминанія. Вспоминается, напримѣръ, какъ во время ученій командиръ батареи, дѣлая Вел. Князю замѣчанія или указанія, никогда не называлъ Его по имени или титулу, а адрессовалъ ихъ фейерверкеру такого-то орудія, или какъ Вел. Князь, будучи начальникомъ караула, по принятому въ Училищѣ обычаю, угощалъ караулъ и приносилъ въ караульную палатку пирожныя.

Особенно запомнилось одно изъ Его караульныхъ дежурствъ, при которомъ смѣна караула пришлась въ Субботу. Утромъ при появленіи командира батареи, при вызовѣ *„дежурныхъ Артиллерійскаго Училища на линію“*, Вел. Князь отдавалъ ему честь, какъ начальникъ караула, а черезъ часъ, когда Великій Князь, переодѣвшись въ офицерскую форму, проѣзжалъ черезъ переднюю линейку, отправляясь въ воскресный отпускъ, при вызовѣ *„всѣхъ на линію“*, командиръ батареи со всѣми офицерами выходили „на линію“ для отданія чести Ему, какъ Вел. Князю.

Помню еще стрѣльбу, которую велъ Вел. Князь. На ней Онъ демонстрировалъ изобрѣтенный Имъ и построенный по его указаніямъ приборъ для записи наблюденій при стрѣльбѣ. Это былъ маленькій приборчикъ, напоминающій счетную машинку, помѣщающійся въ одной рукѣ; при стрѣльбѣ, вмѣсто того, чтобы карандашемъ на бумагѣ отмѣчать знаки перелетовъ и недолетовъ, требовалось нажать соотвѣтствующую кнопку на приборѣ и на выходящей лентѣ отпечатывались противъ очереднаго номера знаки + или — .

Е. И. В. Великій Князь Сергій Михаиловичъ,
въ 1900, полковникомъ Гвард.-Конной артиллеріи.

Но, если туманны мои юнкерскія воспоминанія, то ярко на всю жизнь остались въ памяти двѣ послѣдующія встрѣчи съ Вел. Княземъ, связанныя съ моей ранней женитьбой въ Академіи, состоявшейся не только по вынужденному разрѣшенію и противъ воли Начальника Академіи, но и не вполнѣ отвѣчающей требованіямъ закона.

Начальникъ Академіи ген. Демяненковъ былъ принципіальнымъ противникомъ женитьбы офицеровъ, обучающихся въ Академіи. *„Офицеры пріѣзжаютъ въ академію учиться, а не жениться“*, любилъ повторять онъ; *„и пока Вы въ Академіи, я Вамъ жениться не позволю“*, — было его первоначальнымъ отвѣтомъ всѣмъ, подающимъ рапорты о разрѣшеніи вступить въ бракъ. Нынѣ трудно не согласиться съ правильностью этого взгляда, но тогда молодость, да еще окрыленная любовью, разсуждала иначе.

Подобный же отвѣтъ на свой рапортъ въ началѣ девяностыхъ годовъ получилъ и З., сотникъ Донской казачьей артиллеріи.

З. былъ обезкураженъ и, посовѣтовавшись со своими товарищами, написалъ на имя Генералъ-Фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Николаевича докладную записку, примѣрно такого содержанія: на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей закона я, какъ достигшій 23-хъ лѣтняго возраста, имѣю право вступить въ законный бракъ; всѣ предъявляемыя закономъ требованія мною выполнены, предложеніе невѣстѣ сдѣлано и согласіе получено, время свадьбы намѣчено, а между тѣмъ Начальникомъ Академіи, безъ указанія какихъ-либо законныхъ причинъ, въ разрѣшеніи вступить мнѣ въ бракъ рѣшительно отказано; а потому я прошу Ваше Императорское Высочество войти въ мое положеніе, въ которое я поставленъ этимъ отказомъ передъ лицомъ своей невѣсты и ея родителей. По обязанности службы докладная записка была подана черезъ Начальника Академіи. Послѣдній снова вызвалъ З. и, разрывая передъ нимъ докладную записку, дважды повторилъ: *„я съ вами вполнѣ согласенъ, вполнѣ согласенъ“*.

Съ тѣхъ поръ, не заявляя сразу своего отказа, онъ, путемъ наведенія всевозможныхъ формальныхъ справокъ, старался задержать выдачу разрѣшенія насколько возможно. Такъ, напримѣръ, пор. С. пріѣхалъ въ Академію изъ Туркестана уже женатымъ законнымъ церковнымъ бракомъ, но неоформленнымъ въ служебномъ отношеніи. Дважды, находясь въ академіи, онъ подавалъ рапортъ о разрѣшеніи вступить въ бракъ, представляя въ видѣ требуемаго реверса удостовѣренія о владѣніи имъ земельными участками въ Туркестанѣ (какъ извѣстно, офицерамъ разрѣшалось вступать въ бракъ не ранѣе 23 лѣтъ, при чемъ до достиженія 28-лѣтняго возраста требовалось представленіе реверса въ видѣ капитала или имущества, приносящихъ не менѣе 250 р. въ годъ), но оба раза, послѣ длительнаго наведенія справокъ о доходности земель въ Туркестанѣ, на эти рапорты былъ полученъ отказъ.

У меня лично, когда я дѣлалъ предложеніе, имѣлось собственныхъ только 3 000. Остальную сумму обѣщалъ устроить одинъ изъ моихъ старшихъ сослуживцевъ, но когда подошло время, то у него самого встрѣтились затрудненія. Тщетно пытался я тѣмъ или другимъ способомъ найти недостающія 2 тысячи. Отъ родителей невѣсты я также не могъ ожидать помощи, т. к., не сочувствуя выходу своей дочери за молодого неимущаго офицера, они были бы только рады возникшему затрудненію. Въ отчаяніи, я вспомнилъ о товарищѣ, Вел. Князѣ, и рѣшился обратиться за помощью къ Нему. Мнѣ тогда не было еще и 23 лѣтъ, Великому Князю еще меньше.

Подавъ докладную записку о нездоровьи, я отправился во дворецъ Вел. Князя Подробно разсказалъ Ему о создавшемся положеніи и попросилъ одолжить мнѣ на пять лѣтъ процентныхъ бумагъ на 2.000 руб. Вел. Князь безъ малѣйшаго колебанія откликнулся на мою просьбу, но прибавилъ: *„Вы знаете, Я не могу еще вполнѣ свободно распоряжаться своими деньгами безъ разрѣшенія своего попечителя. Пройдите къ ген. Гельмерсену и передайте ему, что Я очень бы хотѣлъ исполнить Вашу просьбу“*. Я поблагодарилъ и, прощаясь, попросилъ никому не говорить о

своемъ обращеніи къ Нему, какъ нарушающемъ требованія воинскаго устава. „*Почему?*“ — возразилъ Вел. Князь. — „*Вы обращаетесь ко Мнѣ не какъ къ Великому Князю, а какъ къ своему товарищу, а на это Вы всегда имѣете право*“. „Спасибо; но это Ваше мнѣніе, а Начальникъ Академіи отнесется къ этому иначе“ — отвѣтилъ я. „*Ну, хорошо, обѣщаю*“.

Ген. Гельмерсенъ отнесся къ моей просьбѣ болѣе серьезно. „Въ неудобное положеніе Вы ставите Великаго Князя своей просьбой“, — замѣтилъ онъ; „конечно, у Великаго Князя денегъ достаточно, и вопросъ не въ суммѣ. Если бы Вы просили подарить Вамъ эти деньги, это легко можно было бы устроить, но чтобы Вел. Князь давалъ деньги взаймы, — это неловко“. На это я отвѣтилъ, что съ просьбой о подаркѣ я никогда не рѣшился бы обратиться и что я именно прошу временно одолжить мнѣ процентныхъ бумагъ на 2.000, которыя черезъ 5 лѣтъ верну въ полной неприкосновенности. „Я переговорю еще съ Великимъ Княземъ лично и вечеромъ сообщу Вамъ отвѣтъ“ — закончилъ генералъ.

Смущенный этимъ разговоромъ, я забылъ попросить его не говорить никому о моемъ обращеніи къ Великому Князю, а между тѣмъ, выходя, я у дверей столкнулся съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ Академіи полк. Головинымъ, пришедшимъ по дѣламъ домашняго оркестра Вел. Князя, въ которомъ и самъ Вел. Князь и ген. Гельмерсенъ и полк. Головинъ принимали дѣятельное участіе.

Вечеромъ того-же дня я получилъ съ нарочнымъ записку отъ ген. Гельмерсена съ радостнымъ увѣдомленіемъ, что препятствій къ удовлетворенію моей просьбы не встрѣчается; а слѣдующимъ утромъ, по приходѣ въ Академію, я былъ встрѣченъ еще въ дверяхъ вестибюля дежурнымъ штабъ-офицеромъ полк. Барановскимъ, очевидно поджидавшимъ меня, заявленіемъ: „ну, батенька, заварили кашу; пожалуйте къ Начальнику Академіи“.

Начальникъ Академіи уже ожидалъ меня въ своемъ кабинетѣ. Я стоялъ въ углу, а онъ, ходя по комнатѣ взадъ и впередъ и нервно пожимая плечами, читалъ мнѣ нотацію. „*Подумали ли Вы, что Вы дѣлаете? — Вы Вел. Князя заставляете совершить служебный подлогъ... ну да, подлогъ, какъ это иначе назвать: Государемъ Императоромъ изданы опредѣленные законы, а Вы заставляете двоюроднаго брата Государя, въ обходъ этихъ законовъ, вмѣсто себя внести деньги, которыя Вы должны имѣть сами...*“

Долго онъ говорилъ, а я не столько вслушивался въ его слова, сколько старался предусмотрѣть, чѣмъ можетъ закончиться вся эта исторія. Наконецъ, не выдержавъ и воспользовавшись паузой, спросилъ, получу ли я разрѣшеніе на женитьбу. Тутъ не выдержалъ и Начальникъ Академіи и, внезапно остановившись, почти крикнулъ: „*Да что-же я могу сдѣлать, разъ Великій Князь изъявилъ свое согласіе!*“ Полковникъ Барановскій снова поджидалъ меня при выходѣ отъ начальника. „Ну что?“ — спросилъ онъ. „Получилъ разрѣшеніе, и въ январѣ свадьба“ — отвѣчалъ я. „Ну, батенька, если Вы услышите, что кто-нибудь еще задумаетъ такую штуку, отговорите его: — Вамъ сошло такъ, а въ другой разъ кончится иначе“.

Прошло 5 лѣтъ. Мнѣ, находясь въ провинціи, пришлось взять спеціальный отпускъ, чтобы съѣздить въ Петербургъ, возвратить свой долгъ, поблагодарить еще разъ Вел. Князя и ген. Гельмерсена за оказаніе помощи и извиниться за свой легкомысленный поступокъ, поставившій ихъ въ неловкое положеніе, указавъ

Чертежная Академіи. Альбомъ 1895 г.

вмѣстѣ съ тѣмъ, что благодаря ихъ помощи создалась, дѣйствительно, счастливая, а по общему отзыву всѣхъ знакомыхъ, даже образцовая семья. Ген. Гельмерсенъ, выслушавъ мое извиненіе, добродушно замѣтилъ, улыбаясь: „молодость... любовь“. Вел. Князь выразилъ свое удовольствіе, что могъ оказать товарищескую услугу и замѣтилъ, что, если и въ будущемъ я буду нуждаться въ Его содѣйствіи, то Онъ съ удовольствіемъ окажетъ его.

Больше я съ Нимъ не встрѣчался, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ молчаливыхъ поклоновъ въ стѣнахъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

Вспоминая прошлое и свое отношеніе къ занятіямъ въ Академіи до и послѣ свадьбы, невольно приходится согласиться съ ген. Демяненковымъ, что Академія и женитьба трудно совмѣстимы. Врядъ-ли Академія мнѣ дала и половину того, что она могла бы дать при другихъ условіяхъ, и что я обязанъ былъ возвратить Россіи за предоставленное образованіе. Но судьба и событія въ Россіи сложились такъ, что все-равно всѣ пріобрѣтенія, каковыя я могъ бы получить въ Академіи, не могли бы быть полностью использованы до конца, а глубокое семейное счастье, пріобрѣтенное благодаря оказанному содѣйствію Вел. Князя, сохранится со мной до конца жизни.

Влад. Павл. Никольскій
ген. шт. ген.-маіоръ, вып. 1893 г.

СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ.

(1890—93 гг.).

Какъ теперь помню я сѣрый день 28 августа 1890 года, когда огромный мрачный вокзалъ Николаевской жел. дороги на Знаменской площади въ Петербургѣ негостепріимно, какъ казалось тогда намъ, принялъ насъ, дальнихъ и глубокихъ провинціаловъ, — кадетъ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса.

В. П. Никольскій
(1919 г.— ген. штаба ген.-маіоръ).

Все казалось намъ неуютнымъ, какимъ-то бездушнымъ...

Привезшій насъ воспитатель подполк. Ф. Е. Грибель отдѣлилъ **М. В. Ханжина** и *меня* отъ остальныхъ Неплюевцевъ, далъ намъ денегъ на извощика и препроводительную бумагу и велѣлъ ѣхать на Выборгскую сторону, въ *Михайловское Артиллерійское Училище.*

Дологъ показался намъ путь; все насъ подавляло; мы изрѣдка обмѣнивались другъ съ другомъ короткими замѣчаніями, и только, когда подъѣхали къ Литейному мосту, необъятная ширь мощной Невы поразила и восхитила насъ; мы увидѣли на другомъ берегу рѣки красивое и привѣтливое зданіе за рѣшеткой и были удивлены, когда извощикъ подвезъ насъ именно къ этому зданію.

И дальше все продолжало насъ поражать: вестибюль, гдѣ насъ встрѣтилъ веселый рыжій швейцаръ **Русиновъ**, хорошая лѣстница, вѣжливое обращеніе встрѣченнаго нами юнкера и привѣтливая встрѣча дежурнаго офицера гв. поручика Роберта Карло-

вича **Лютера**, который сталъ, какъ я позже узналъ, моимъ курсовымъ офицеромъ.

Училище было еще пусто — юнкера находились въ отпуску, кадеты только-только стали съѣзжаться; отсутствовалъ и командиръ батареи гв. полковникъ **В. Т. Чернявскій**, его замѣщалъ крикливый капитанъ **Фриде**.

Мы, Неплюевцы, привыкшіе къ спартанскому и, пожалуй, очень скромному режиму въ Оренбургѣ, были поражены роскошью Михайловскаго Училища. Уже позже мы узнали, что всему этому Училище было обязано величественному, на видъ недоступному Начальнику Академіи и Училища генералъ-лейтенанту Николаю Афанасьевичу **Демяненкову**.

И, дѣйствительно, ни одно изъ военно-учебныхъ заведеній въ мое время не было обставлено такимъ комфортомъ, я бы даже сказалъ, роскошью, какъ *Михайловское Училище*.

Генералъ **Демяненковъ**, гордый тѣмъ, что онъ стоитъ во главѣ *Михайловскихъ Академіи и Училища*, только и жилъ ихъ интересами; онъ стремился обставить Училище всѣми способствовавшими развитію культурныхъ потребностей юнкеровъ удобствами; этимъ, я думаю, между прочимъ, объяснялось широкое поощреніе юнкеровъ къ посѣщенію Императорскихъ театровъ, что привило любовь къ театру многимъ изъ насъ на всю жизнь. Стѣны Училища были обвѣшены масляными картинами и портретами (особенно хорошъ былъ портретъ Дмитрія Донского — праотца Русской Артиллеріи), работы Айвазовскаго и другихъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ; рѣдкія гравюры, преимущественно изъ Франко-Прусской кампаніи, украшали классный коридоръ, но особенно роскошными показались намъ кровати съ удобными пружинными матрацами, превосходными сафьяновыми сомье и подушками.

Въ своихъ заботахъ объ юнкерахъ генералъ Демяненковъ всегда принималъ во вниманіе и наши вкусы; наружно держалъ онъ себя очень далеко отъ юнкеровъ, въ дѣйствительности же интересовался всѣми подробностями нашей жизни.

Вспоминается мнѣ такой случай въ началѣ моего пребыванія въ Училищѣ. Кормили насъ хорошо. По крайней мѣрѣ мы, кадеты отдаленныхъ и суровыхъ корпусовъ, были очень довольны и легко мирились съ порціями не столь огромными, какъ въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ брали не качествомъ, а количествомъ; однако, среди насъ оказался недовольный скромными, по его мнѣнію, размѣрами порцій, и вотъ этотъ недовольный написалъ Начальнику Училища анонимку; насколько помню, въ ней было указано, что завѣдующій довольствіемъ шт.-капитанъ Э. Х. Аліевъ не смотритъ совсѣмъ за нашимъ питаніемъ, а больше играетъ на корнетѣ (корнетистъ онъ былъ выдающійся и участвовалъ въ оркестрѣ Вел. Князя Сергія Михайловича) и совсѣмъ не замѣчаетъ, какъ насъ обкрадываетъ артельщикъ Кузьминъ (изъ нижнихъ чиновъ). Анонимка заканчивалась приблизительно такими словами: „Не дайте, Ваше Превосходительство, погибнуть отъ голода будущимъ защитникамъ Царя и Отечества!“

И вотъ, когда по обычаю мы стали сходиться на обѣдъ въ Сборный великолѣпный нашъ залъ, мы тамъ застали уже Началь-

ника Училища, медленно расхаживающаго по залу съ заложенными назадъ руками. Пришелъ и командиръ батареи полковникъ В. Т. Чернявскій, остановившись по обыкновенію у входныхъ дверей.

Поздоровавшись съ нами, генералъ Демяненковъ развернулъ анонимку и медленно прочелъ ее, послѣ чего сказалъ: *„Тотъ, кто написалъ это письмо, пусть выйдетъ впередъ!“* Никто не вышелъ. Генералъ прошелся по залу и повторилъ свое приказаніе. Опять никто не вышелъ. Помолчавъ немного и продолжая прогуливаться по залу, Генералъ произнесъ: *„Тотъ, кто это сдѣлалъ, не хорошо поступилъ!“* Опять пройдясь, онъ продолжалъ: *„Тотъ, кто это сдѣлалъ, поступилъ гадко!“* И, наконецъ, съ нѣкоторымъ волненіемъ Генералъ закончилъ: *„Тотъ, кто это сдѣлалъ, поступилъ подло!“*. Затѣмъ, успокоившись, онъ продолжалъ: *„Но, чтобы не было нареканій, я приказалъ командиру батареи съ слѣдующей недѣли кормить Васъ по раскладкамъ Павловскаго, Константиновскаго, Николаевскаго Инженернаго и Кавалерійскаго училищъ, а также и Пажескаго корпуса, по-очередно, а затѣмъ вы мнѣ скажете, какая раскладка больше всего вамъ понравилась, та и будетъ принята для Училища“*.

Этотъ случай произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе; насъ поразило такое рыцарское отношеніе Начальника Училища даже къ анонимкѣ, затрагивающей честь Училища.

Началось кормленіе по чужимъ раскладкамъ: Павловская раскладка была обильна, но тяжела, Константиновская — полегче, но напоминала корпусъ; по срединѣ Инженерной раскладки мы обратились къ командиру батареи съ просьбой возстановить нашу раскладку, ибо мы поняли, что на наше довольствіе тратилось больше, нежели въ другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Помню, съ какимъ достоинствомъ принималъ генералъ Демяненковъ посѣщавшихъ Училище высокопоставленныхъ лицъ; такъ, во время моего дежурства посѣтилъ Училище, всесильный тогда военный министръ, генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій; пріѣздъ его былъ неожиданный; повидимому, онъ сначала проѣхалъ къ Начальнику Училища на квартиру и оттуда уже вмѣстѣ съ ген. Демяненковымъ сталъ обходить наши помѣщенія; меня поразила та мягкость, съ которой этотъ грозный министръ обращался къ нашему Начальнику Училища.

Самымъ яркимъ пятномъ, конечно, осталось посѣщеніе Училища въ посту 1893 года Государемъ Императоромъ **Александромъ III** съ Супругою Императрицей **Маріей Феодоровной.**

Мнѣ посчастливилось отбить легкую какъ пухъ, черной лисицы, ротонду Императрицы и подать Ей, за что ея Величество пожаловала мнѣ ручку. Стоя вблизи Царской Фамиліи, я слышалъ, какъ Государь, съ ласковой улыбкой, называя Начальника Училища по имени и отчеству, сказалъ ему, что Онъ остался доволенъ посѣщеніемъ. Вынувъ изъ кармана серебряный массивный портсигаръ, Государь предложилъ папиросу пріѣхавшему уже послѣ него въ Училище Великому Князю **Михаилу Николаевичу**, самъ закурилъ и, обращаясь къ Великому Князю, сказалъ: *„Дядя Миша,*

пріѣзжай сегодня вечеромъ къ намъ въ Аничковъ дворецъ!“ Мнѣ на всю жизнь запала эта картина: мощный Царь, съ папироской въ рукахъ, среди моря волнующихся, восторженныхъ Михайловцевъ, на которыхъ Онъ смотрѣлъ ласково и добродушно; граціозная фигурка обаятельной Царицы рядомъ съ сановитымъ Великимъ Княземъ — не говорило-ли все это о глубокомъ, связанномъ невидимыми нитями, единеніи Царскаго Дома съ будущимъ офицерствомъ.

Въ то время, какъ генералъ Н. А. Демяненковъ былъ какъ-бы зеркаломъ Училища, душой его въ мое время являлся командиръ батареи, Гв. полковникъ Василій Тимофеевичъ **Чернявскій**.

Ген. отъ артил. **Мих. Вас. Ханжинъ** (кавалеръ орд. Св. Георгія 3-й и 4-й степ.), выпуска Уч. — 1893 г. Акад. — 1899 г.

Прямой, подъ часъ рѣзкій въ обращеніи, опредѣленный, вдумчивый, на слова не тароватый, онъ отличался большимъ благородствомъ, рѣшительностью, независимостью и былъ авторитетомъ для юнкеровъ. Мало смотря по сторонамъ, а больше въ землю, онъ видѣлъ и замѣчалъ все; у него не было любимчиковъ — всѣ юнкера для него были одинаковы; на стрѣльбѣ и особенно на конныхъ ученіяхъ онъ былъ горячъ и никому спуску не давалъ — случалось, что мой лихой курсовой офицеръ капитанъ **Э. Х. Аліевъ** уѣзжалъ съ поля ученія, разобиженный какимъ-либо рѣзкимъ замѣчаніемъ; попадало не мало и поручику Лютеру *).

Вспоминаю и о непріятномъ случаѣ со мной. Я былъ уносным фейерверкеромъ сначала 7-го орудія (на среднемъ курсѣ), а затѣмъ 2-го. Во время одного изъ конныхъ ученій, когда наша батарея подготавливалась къ царскому смотру, я не соблюлъ интервала между орудіями. Ко мнѣ подлетѣлъ В. Т. и, грозя шашкой, закричалъ во весь голосъ: „Ты, (въ пылу строевыхъ занятій В. Т. обыкновенно ко всѣмъ обращался на „ты“) что смотришь? Экая, думаешь, цаца! Тянетъ носокъ и думаетъ, что дѣло дѣлаетъ! Ты у меня сиди хоть вороной, но интервалъ держи!“ Урокъ для меня былъ хорошій, но отношеніе В. Т. ничуть не измѣнилось.

*) При моемъ поступленіи училищными офицерами были: на старшемъ курсѣ — капитанъ **Вахарловскій** и Гв. поручикъ **Похвистневъ**, на среднемъ — капитанъ **Фриде** и Гв. поручикъ **Зворыкинъ**, на младшемъ — Гв. штабсъ-капитанъ **Орисъ Ханъ Аліевъ** и Гв. поручикъ **Лютеръ**.

Въ другой разъ, это было тоже на среднемъ курсѣ, по установившемуся обычаю, мы, если верховая ѣзда производилась послѣ обѣда, обыкновенно, по окончаніи ея, не переодѣвали синихъ рейтузъ, оставаясь въ нихъ и на вечернюю перекличку. Однажды, во время дежурства моего курсового офицера, кроткаго поручика Р. К. Лютера, относившагося ко мнѣ всегда особенно хорошо, я остался послѣ ѣзды въ рейтузахъ. Былъ-ли Р. К. Лютеръ, обыкновенно деликатный въ обращеніи съ нами, чѣмъ-либо выведенъ изъ хорошаго расположенія духа или рѣшилъ провести какую-либо новую мѣру, но только, обходя спальни и замѣтивъ на мнѣ синія рейтузы, онъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе; я его оставилъ безъ исполненія и продолжалъ готовиться къ репетиціи, сидя за своимъ шкафчикомъ; не прошло и часу, какъ поручикъ Лютеръ опять пришелъ ко мнѣ и сдѣлалъ мнѣ вновь то же замѣчаніе, послѣ того я, не переодѣваясь, ушелъ заниматься въ классъ; однако, вскорѣ туда-же заглянулъ поручикъ Лютеръ и, не сказавъ ни слова, ушелъ. Я понялъ, что надо мной собирается гроза. Прошло нѣсколько дней. Я дежурилъ у классныхъ дверей, ожидая прихода профессора. Въ это время въ классномъ корридорѣ, со стороны библіотеки, показался В. Т. Чернявскій и окликнулъ меня. Я подошелъ. Взглянувъ мнѣ прямо въ глаза внимательно, В. Т. задалъ вопросъ: *„Ты что это? Очумѣлъ что ли?* Я молчалъ. В. Т. обратился ко мнѣ опять: *„Объясни мнѣ, чѣмъ ты руководствовался, продѣлавъ все это?* Послѣ нѣкоторой запинки, я сказалъ, что вспылилъ. *„Да какъ ты смѣлъ это дѣлать? Понимаешь ли ты всю глупость того, что натворилъ?“* Я стоялъ, какъ приговоренный; В. Т. опять заглянулъ мнѣ глубоко въ глаза и, смягчившись, сказалъ: *„Ступай и никогда больше не дѣлай!“* Такъ былъ ликвидированъ мой поступокъ, могшій для меня имѣть самыя серьезныя послѣдствія.

Въ лагеряхъ на Дудергофскомъ озерѣ мы себя чувствовали особенно хорошо и вольготно, мы больше шалили, рѣзвились, устраивая другъ другу мелкія пакости (провалы въ кроватяхъ и т. п.), какъ-то рѣже сталкивались съ нашими офицерами, проводившими свое свободное время либо въ офицерскомъ собраніи, либо на дачахъ своихъ семей; сходились всѣ вмѣстѣ обычно на вечернихъ перекличкахъ, на которыхъ часто присутствовалъ и командиръ батареи.

Обыкновенно, вскорѣ по прибытіи въ лагерь, мы обзаводились цѣлой кучей собакъ, преимущественно изъ породы дворняшекъ; эти веселые псы, хорошо кормившіеся отъ крохъ нашего стола, принимали большое участіе въ нашей лагерной жизни; они носили характерныя имена: Шнапсъ, Мочала и т. п. и особенно любили присутствовать на вечерней перекличкѣ, устраиваясь впереди линейки и подвывая трубачу, исполнявшему вечернюю зорю.

На вечернюю перекличку и зорю юнкера должны были выходить въ шинеляхъ, надѣтыхъ на гимнастерки. По лагерному сбору было отдано распоряженіе о томъ, чтобы на вечернюю перекличку выходили обязательно съ поддѣтыми поверхъ гимнастерокъ галстуками. Юнкера никакъ не могли примириться съ такимъ, по ихъ понятіямъ, мало осмысленнымъ распоряженіемъ; имъ каза-

лось дикимъ надѣвать еще какіе-то хомуты; началась галстучная борьба; вѣнцомъ этой борьбы явилось появленіе на одну изъ перекличекъ нашихъ собакъ въ особыхъ галстукахъ: Шпапсъ важно

„Разрѣшите заложить Аналитику". (Альбомъ 1909 г.).
Полк. Гродскій, ю. Бѣлогрудовъ, ю. Поляковъ.

шествовалъ съ громаднымъ зеленымъ, суетливая Мочала была украшена нѣжно-розовымъ, слѣдующая была облечена въ бѣлый, затѣмъ въ сѣрый. По всей передней линейкѣ поднялся веселый хохотъ; одинъ только командиръ батареи стоялъ флегматично. Когда фронтъ поуспокоился, раздался спокойный и громкій голосъ:

В. Т. Чернявскаго: „Фриде, повѣсить всѣхъ собакъ!“. Мы такъ и обомлѣли, отлично сознавая, что приказаніе будетъ приведено быстро въ исполненіе. По окончаніи зори начались лихорадочныя обсужденія создавшагося положенія; рѣшено было послать къ командиру батареи особую депутацію съ извиненіемъ; депутація понуро направилась къ офицерскому собранію, гдѣ въ это время происходилъ ужинъ; попросили доложить о насъ командиру батареи; вышелъ В. Т. Чернявскій, хорошенько выбранилъ юнкеровъ, отмѣнилъ свое распоряженіе а мы съ тѣхъ поръ примирились съ галстуками. .

Много лѣтъ спустя, когда, въ 1920 году, въ Севастополѣ я исполнялъ обязанности Начальника Военнаго Управленія арміи генерала Врангеля, однажды я поѣхалъ на Сѣверную сторону, чтобы осмотрѣть Сергіевское Артиллерійское Училище, которымъ тогда командовалъ масститый генералъ и профессоръ **А. А. Нилусъ.** Во время смотра я обратилъ вниманіе на почтеннаго статскаго, одѣтаго въ бѣлое и наблюдавшаго за смотромъ. Когда я спросилъ о немъ, то мнѣ отвѣтили, что это генералъ В. Т. Чернявскій, котораго Сергіевцы пріютили у себя.

По окончаніи смотра Начальникъ Училища пригласилъ меня въ Собраніе и тамъ произошла моя радостная встрѣча съ В. Т. Уѣзжая изъ Училища, я сказалъ В. Т., что былъ-бы радъ, если бы онъ зашелъ ко мнѣ въ Военное Управленіе *).

Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время В. Т. Чернявскій зашелъ ко мнѣ въ Управленіе во время пріема. Я его немедленно принялъ и сталъ распрашивать о жизни. В. Т. съ умиленіемъ мнѣ говорилъ о томъ радушіи, съ какимъ его пріютили Сергіевцы, и о томъ, съ какой заботливостью за нимъ ухаживаютъ, упомянулъ онъ вскользь относительно трудности привоза въ Севастополь своей семьи и что у него недостаетъ на то денегъ.

Въ началѣ моей дѣятельности по должности Начальника Военнаго Управленія, Главнокомандующій генералъ Врангель какъ-то прислалъ мнѣ съ Дежурнымъ Генераломъ 1.000.000 колокольчиковъ, отобранныхъ у спекулянтовъ виномъ и коньякомъ (такую же сумму онъ отослалъ и Начальнику Штаба Арміи). Эти деньги я рѣшилъ обратить на раздачу пособій въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ; вложивъ деньги на текущій счетъ, я затѣмъ выписывалъ на нихъ чеки; и, вотъ теперь, при бесѣдѣ съ В. Т., мнѣ пришло въ голову значительную часть этого милліона преподнести В. Т-чу. Выписавъ чекъ, я протянулъ его В Т-чу. Онъ взялъ молча чекъ, пробѣжалъ его глазами и сказалъ: *„Ну, спасибо, Никольскій!“* Всталъ, подошелъ ко мнѣ, со слезами на глазахъ обнялъ меня и произнесъ: *„Узнаю Михайловца! Лучшей награды мнѣ не надо!“* Махнулъ рукой и вышелъ изъ кабинета...

Больше я не видѣлъ уже нашего благороднаго и одного изъ самыхъ выдающихся Михайловцевъ.

---

*) Спустя нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Училище, Сергіевцевъ посѣтилъ Главнокомандующій генералъ Врангель. Послѣ смотра Главнокомандующій произвелъ старшихъ юнкеровъ въ офицеры и принялъ чашку чая въ собраніи; тамъ генералу Врангелю былъ представленъ генералъ В. Т. Чернявскій встрѣченный имъ ласково.

Влад. Диитр. Нарбутъ
ген.-м., вып. Уч.—1893 г.,
Акад. — 1898 г.
Кіев. кадет. корпуса.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(1890 — 93 г.).

Съ большимъ наслажденіемъ я прочелъ I-й выпускъ Сборника воспоминаній „Михайловцы", гдѣ рѣшительно всѣ статьи заставили меня перенестись на много-много лѣтъ назадъ, вспомнить мои юнкерскіе и академическіе годы, вспомнить своихъ товарищей и нашихъ начальниковъ и профессоровъ, къ которымъ я могу отнестись только съ чувствомъ самой глубокой благодарности.

Но наиболѣе живыя воспоминанія во мнѣ возбудила, конечно, статья ген. **Батюшина** — моего одноклассника, къ которой я позволю себѣ прибавить въ дополненіе нѣсколько словъ.

Прежде всего я долженъ сказать о себѣ, что въ училищѣ я далеко не былъ такимъ примѣрнымъ юнкеромъ, какимъ являлся Батюшинъ и это происходило вотъ отъ чего. Хотя я окончилъ Кіевскій кадет. корпусъ, но былъ уроженецъ Петербурга, гдѣ имѣлъ массу родныхъ и знакомыхъ, почему я всегда стремился въ отпускъ, а въ отпуску не имѣлъ ни малѣйшаго желанія заниматься, и шелъ все время въ училищѣ далеко не изъ первыхъ. Мнѣ помогало только то, что математика и математическіе предметы мнѣ давались очень легко, и я имѣлъ по нимъ полный баллъ. Но главная моя бѣда, кромѣ лѣни, состояла въ полномъ неумѣніи чертить отъ руки мѣломъ на доскѣ. Еще въ корпусѣ мнѣ по рисованію поставили удовлетворительный баллъ только изъ милости, а въ училищѣ эта неспособность къ рисованію мнѣ страшно вредила.

Я помню, какъ на репетиціяхъ по Артиллеріи я завидывалъ своимъ одноклассникамъ, которые, начертивъ прекрасно на доскѣ, часто отпускались съ миромъ и съ полнымъ балломъ послѣ одного взгляда преподавателя на ихъ художество. Мои-же крѣпостные или береговые лафеты напоминали больше крокодиловъ или какихъ-то допотопныхъ чудовищъ и менѣе всего походили на лафеты, и чтобы показать, что я кое-что знаю, я долженъ былъ долго докладывать преподавателямъ о всѣхъ деталяхъ заданнаго мнѣ вопроса и получалъ все-же пониженную отмѣтку.

Съ Фортификаціей дѣло обстояло еще хуже, такъ какъ всѣ профессора этого предмета, точно сговорясь, принимали мои чертежи за личное оскорбленіе, и я — и на выпускномъ экзаменѣ изъ Училища и на пріемномъ экзаменѣ въ Академію — имѣлъ по этому предмету минимальный удовлетворительный баллъ, т. е. 7. Съ тяжелымъ чувствомъ пошелъ я на экзаменъ по „Исторіи фортификаціи" въ старшемъ классѣ академіи. Помню, мнѣ достался билетъ съ

описаніемъ крѣпости Кобленцъ, гдѣ была масса самыхъ ужаснѣйшихъ чертежей, и я уныло поплелся къ доскѣ. Но вдругъ профессоръ **Кюи**, читавшій этотъ предметъ, говоритъ мнѣ: „У васъ очень сложные чертежи, отвѣчайте по атласу“. Это совершенно измѣнило дѣло, и я, внимательно слушавшій увлекательныя лекціи профессора Кюи, отвѣтилъ прекрасно и получилъ 12 каковой баллъ и является моимъ окончательнымъ балломъ по Фортификаціи. Ну, какъ тутъ не вѣрить въ судьбу?!

Въ I-мъ выпускѣ „Сборника“ авторами помѣщенныхъ тамъ статей такъ полно обрисованы училищное и академическое начальство и профессора, что я не имѣю возможнымъ прибавить къ этому что-либо отъ себя, а потому я ограничусь только небольшими дополненіями къ описанію нѣкоторыхъ изъ юнкеровъ нашего выпуска, сдѣланному ген. Батюшинымъ, которому „особенно памятенъ своимъ умомъ и цѣльностью натуры юнкеръ **Андреевъ**“.

Ник. Фед. Богомолецъ, Конной артил. ген.-маіоръ. Выпуска 1893 г. Кавал. ордена св. Георгія 4-й степ.

Я всецѣло поддерживаю эту характеристику Андреева, тѣмъ болѣе, что я Андреева знаю не только по Училищу, но и по Корпусу, и по Академіи и встрѣчался съ нимъ послѣ Японской войны, когда онъ лѣчился отъ раны въ Петербургѣ и былъ съ нимъ въ перепискѣ до послѣдняго времени.

Единственно чѣмъ грѣшилъ Андреевъ, это, такъ сказать, избыткомъ оригинальности.

Такъ, напримѣръ, еще въ корпусѣ онъ изобрѣлъ „упрощенное правописаніе“, по которому фамилія „Андреевъ“ писалась приблизительно съ помощью 20-ти буквъ; въ Училищѣ выдумалъ изгнать изъ словъ суфиксъ „ир“, говоря вмѣсто „*маршировать*“ — „*маршовать*“. Мы же шутя приписали ему желаніе изгнать вообще слогъ „ир“ и увѣряли, будто онъ, вмѣсто „*міръ на весь міръ*“, говорилъ: „*м на весь м*“. Онъ часто помогалъ заниматься другимъ по математикѣ, но если его паціентъ оказывался недостаточно сообразительнымъ, онъ ему совѣтовалъ „треснуться лбомъ о стѣнку“. За подобныя и многія другія проявленія оригинальности онъ въ Училищѣ получилъ прозвище „Психа“ (хотя къ нему мы всѣ относились съ большимъ уваженіемъ и симпатіей), что письменно обозначалось такъ: $\psi(x)$. Это математически выглядѣло какъ „функція x“ (ψ греческая буква „пси“). Нѣсколько строкъ ген. Батюшина о томъ, какъ Андреевъ

давалъ въ долгъ и отмѣчалъ возвращеніе денегъ, было отмѣчено юнк. Чеботаревымъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Для поддержанья положенья
Среди своихъ служителей,
Завелъ Сережа отдѣленье
Въ расходной книжечкѣ своей:
Тамъ онъ не пишетъ, въ долгъ давая,
„Такой-то столько-то, вотъ, взялъ“,
А пишетъ такъ: „Седьмого мая
Я безвозвратно утерялъ“...
Когда-жъ въ бумажникъ возвращаетъ
Свой капиталъ обратно онъ,
То въ своей книжкѣ отмѣчаетъ —
„Сего числа мной рубль найденъ“.

Между прочимъ, въ этой же книжкѣ расходъ на поѣздку у него значился подъ рубрикой: „на перемѣщеніе центра тяжести“.

Далѣе ген. Батюшинъ упоминаетъ о юнкерѣ Л., которому Андреевъ помогалъ по математикѣ. Думаю, что подъ этою буквою „Л“ подразумѣвается Ларіоновъ. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ юнкерѣ я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Ларіоновъ былъ безобиднымъ существомъ, на которомъ мы изощряли свое остроуміе. Разсказывали, что Ларіоновъ утверждалъ, что гдѣ-то, когда то, сразу три генерала подали въ отставку; потомъ это число генераловъ увеличилось до 33 и даже до 333, и этими числами дразнили Ларіонова, котораго прозвали „Генераломъ“.

Иногда къ „Генералу“ обращались за разъясненіемъ какого-либо вопроса, и онъ очень охотно, ловясь на эту удочку, высказывалъ свой взглядъ на предложенный вопросъ; его выслушивали, а потомъ объявляли, что надо все понимать наоборотъ. Это называлось „генеральскимъ закономъ“.

У Ларіонова была еще та особенность, что по мѣрѣ того, какъ его изводили, онъ все больше и больше оттопыривалъ свою нижнюю губу, служившую, такимъ образомъ, какъ бы барометромъ его настроенія. Въ результатѣ явилось слѣдующее стихотвореніе:

Когда нашъ „Генералъ“ бодрится
И вретъ безъ всякихъ затрудненій,
Въ его глазахъ огонь свѣтится,
И весь онъ полонъ вдохновенья;
Себя онъ чувствуетъ прекрасно,
Губа показываетъ — *„ясно“*.
Когда-же вдругъ кто усумнится,
Не заврался-ль слишкомъ онъ,
Тогда на сцену появится
Давно подмѣченный законъ,
Тогда, повѣрьте, непремѣнно
Губа покажетъ — *„перемѣнно“*.
Когда-же „Генералу“ хоромъ
Кричатъ всѣ — 333,
Иль къ сапогамъ прибьютъ, вдругъ, шпоры*),

*) Это сдѣлали во время сна **Ларіонова**.

Тогда готовъ держать пари,
Что, оттопырившись ужасно,
Губа покажетъ вамъ — *„ненастно“*.

Изъ училищныхъ моихъ пріятелей могу упомянуть **Буняковскаго и Королькова,** отцы которыхъ, артиллерійскіе академики, были хорошо знакомы съ моимъ отцомъ, тоже окончившимъ нашу Академію.

Корольковъ вышелъ въ Кронштадтскую Крѣпостную Артиллерію и тамъ трагически погибъ отъ взрыва переснаряжаемаго подъ его наблюденіемъ снаряда.

Буняковскій устроился на Петербургскомъ патронномъ заводѣ; мы съ нимъ были знакомы семьями и часто бывали другъ у друга.

Пор. **Ив. Евген. Крузе** — II Уск вып., іюнь 1915 г. (9 тяж. арт. бр., летчикъ-наблюдат. XVII корпус. отр. и Сиб. отр. Казагранди. Нынѣ американскій инженеръ).

Во время Японской войны онъ былъ командированъ въ Австрію для пріема заказанныхъ тамъ патроновъ, но тамъ онъ простудился, заболѣлъ плевритомъ и умеръ. Странная его судьба: онъ всю жизнь прожилъ въ Россіи, но родился въ Лондонѣ, во время командировки туда его отца, а умеръ въ Вѣнѣ.

Въ Академіи я ближе всего сошелся съ **Померанцевымъ** и **Афанасьевымъ.** Я уже былъ женатъ и они часто у насъ бывали. Афанасьевъ, донской казакъ, послѣ Академіи вернулся къ себѣ на Донъ и скоро заболѣлъ горловой чахоткой и умеръ. Говорятъ, что онъ заболѣлъ оттого, что въ очень скверную погоду, не одѣвшись какъ слѣдуетъ, поѣхалъ за много верстъ за докторомъ для своего больного товарища. Его смерть всѣхъ насъ поразила, такъ какъ Афанасьевъ отличался завиднымъ здоровьемъ.

Померанцевъ передъ революціей былъ начальникомъ Хабаровскаго Арсенала. Послѣдній разъ я его видѣлъ во Владивостокѣ, въ 20-мъ году. Замѣчательно то, что онъ и въ Училищѣ уже имѣлъ большую лысину и былъ очень старообразенъ, но зато потомъ, въ 1920 г., онъ выглядѣлъ также, какъ и при окончаніи Академіи, въ 1898 г.

Въ Артиллерійскую Академію изъ нашего выпуска пошли въ 1894 г.: **Столбинъ, Макѣевъ, Чеботаревъ, Афанасьевъ, Пащенко, Башинскій, Андреевъ, Померанцевъ** и **Нарбутъ,** а затѣмъ позднѣе: **Куприяновъ, Ханжинъ, Лахтіоновъ.** Можетъ быть еще кто-нибудь, но я помню этихъ 12 человѣкъ, т.-е. 20 процентовъ нашего выпуска.

****

Сергѣй Иван. Лашковъ
полк., вып. Уч. — 1895 г., Ак.—1900 г.
Сибир. кадет. корп.

МИХАЙЛОВЦЫ ПОДЪ ДАШИЧАО.

Предисловіе. — На станціи Харбинъ, 23-го августа 1904 года, въ эшелонъ моей батареи, который я велъ на войну съ японцами, вошелъ командиръ 2-й батареи 9-й Вост. Сиб. стр. арт. бригады подполк. **Алексѣй Григорьевичъ Пащенко,** возвращавшійся на фронтъ послѣ лѣченія отъ раненія, и попросилъ разрѣшенія поѣхать съ эшелономъ. Съ особымъ удовольствіемъ я принялъ прославившагося на всю Россію героя боя подъ Дашичао, и вотъ тогда-то, въ вагонѣ, Алексѣй Григорьевичъ, подъ еще свѣжимъ впечатлѣніемъ, сообщилъ мнѣ подробности этого интереснаго и важнаго въ артиллерійскомъ отношеніи боя...

Подполк. **С. И. Лашковъ,** 1909 г., к-ръ 8-й бат. 28 арт. бриг.

Какъ извѣстно, два первыхъ боя на сухопутномъ фронтѣ—подъ Тюренченомъ (17—18 апрѣля 1904 г.) и подъ Вафангоу (1—2 іюня) мы проиграли, понеся большой уронъ, проиграли потому, что японцы имѣли значительно болѣе сильную численно артиллерію (подъ Тюренченомъ въ 5 разъ, подъ Вафангоу — больше, чѣмъ въ 2 раза), при чемъ ихъ батареи занимали закрытыя и маскированныя позиціи, а наши стояли открыто.

Телеграфное извѣстіе о неудачѣ подъ Тюренченомъ, съ потерей орудій, произвело въ Петербургѣ страшно тяжелое впечатлѣніе, и хотя подробности боя еще не были извѣстны, но уже пошли слухи, муссировавшіеся зловредными лицами, о томъ, что будто-бы наша артиллерія *„не умѣетъ“* стрѣлять по угломѣру и занимать закрытыя позиціи, оттого-то, молъ, японцы и имѣютъ успѣхъ.

Черезъ $1^1/_2$ мѣсяца второй бой, подъ Вафангоу, опять съ тяжелыми для насъ потерями, и эти слухи о „*неумѣніи*“ нашей артиллеріи и, напротивъ, объ искусствѣ — Японской, усилились и пошли по всей Россіи...

А между тѣмъ, главнѣйшей причиной, почему наши батареи въ первыхъ бояхъ занимали открытыя нозиціи, было несочувствіе этому войсковыхъ начальниковъ, которые не вѣрили въ возможность точной стрѣльбы по угломѣру, а занятіе *закрытыхъ* позицій называли иногда „игрой въ прятки“.

Какъ доказательство, приведемъ вкратцѣ разсказъ участника боя подъ Вафангоу, старшаго офицера 4-й батареи 9-й Вост. Сиб. стр. арт. бр. капитана Узунова (нынѣ полковника), что когда онъ выбиралъ для своей батареи *закрытую* позицію, то къ нему подъѣхалъ командиръ 1-го Сиб. корпуса ген. Штакельбергъ и узнавъ — что онъ дѣлаетъ, обвинилъ его въ трусости, поставивъ ему въ примѣръ другія батареи, уже стоявшія открыто. Объясненія кап. Узунова о новой тактикѣ скорострѣльной артиллеріи онъ просто не желалъ и слушать. Къ счастью, японская артиллерія открыла огонь, ген. Штакельбергъ со свитой немедленно уѣхалъ, батарея заняла закрытую позицію и, благодаря этому, вышла изъ боя благополучно, хотя самъ кап. Узуновъ былъ раненъ.

Но это былъ единичный примѣръ, оставшійся тогда для широкихъ круговъ неизвѣстнымъ.

И только бой подъ Дашичао, 11 іюля 1904 г., въ которомъ вся артиллерія 1-го Сибирскаго корпуса, съ разрѣшенія ген. Куропаткина, заняла закрытыя позиціи и, будучи вдвое слабѣе Японской, показала такое искусство въ выборѣ позицій и въ стрѣльбѣ, что подавила японскую артиллерію и не позволила японской пѣхотѣ даже двинуться въ атаку, только этотъ бой опровергъ ложные слухи о „неумѣніи“ нашей артиллеріи и положилъ начало тому, что въ дальнѣйшемъ наша артиллерія въ массѣ успѣшно занимала и дѣйствовала съ *закрытыхъ* позицій.

Главными дѣйствующими лицами при этомъ были два Михайловца — ген. Іосифъ Иван. **Мрозовскій** и подполк. Алексѣй Григ. **Пащенко**, а посему объ ихъ роли и участіи въ бою подъ Дашичао мы и разскажемъ младшимъ однокашникамъ, которые, вѣроятно, этого не знаютъ *).

Бой. — Послѣ неудачнаго боя подъ Вафангоу, 1-й Сибирскій корпусъ отошелъ къ Дашичао, на заранѣе укрѣпленныя саперами позиціи, которыя (какъ и позиціи подъ Вафангоу) были хорошо извѣстны китайцамъ ,а значитъ, и японцамъ...

Имѣя въ виду численное превосходство японцевъ, командиръ 9-й Вост.-Сиб. стр. арт. бригады ген.-маіоръ **Іосифъ Ивановичъ Мрозовскій**, назначенный къ тому-же начальникомъ средняго боевого участка, категорически отказался занять заранѣе подготовленныя на гребняхъ возвышенностей окопы, хотя ему даже угрожали

---

*) Матеріаломъ для этого, кромѣ разсказа А. Г. Пащенко, послужили: его статья о боѣ подъ Дашичао, переведенная на сербскій языкъ и напечатанная въ журналѣ „Ратник“ за 1907 г., письма ко мнѣ ген. Мрозовскаго въ 1934 г. и описаніе боя въ оффиціальной Исторіи Русско-Японской войны. *С. Л.*

отчисленіемъ отъ должности, а рѣшилъ поставить батареи на закрытыя позиціи. Мѣста этихъ избранныхъ позицій были только обозначены, для укрѣпленія же ихъ ничего не дѣлалось, чтобы, такимъ образомъ, не позволить китайцамъ узнать тѣ мѣста, которыя артиллерія займетъ для боя. Батареи расположились бивакомъ вблизи этихъ будущихъ позицій.

Дня за два до боя, позиціи объѣзжалъ командующій Манчжурской арміей ген. **Куропаткинъ**, въ сопровожденіи командировъ корпусовъ и большой свиты, и очень былъ удивленъ, увидавъ артиллеристовъ, обозначавшихъ окопы внизу, далеко позади линіи возвышенностей („сопокъ").

Ген. отъ арт. **Іосифъ Иван. Мрозовскій** (1901 г. въ чинѣ ген.-м. Кавалеръ орд. св. Георгія 3 и 4 степ.). Вып. Уч. 1877 г. Акад. — 1882 г. Полоцкой воен. гимназіи.

Обратившись къ ген. Мрозовскому, ген. Куропаткинъ спросилъ: *„Почему Вы не пользуетесь заранѣе подготовленной позиціей? Вотъ, напримѣръ, 4-хъ орудійная батарея на сгибѣ, съ 4-мя амбразурами!"*

Ген. Мрозовскій на это доложилъ: *„Эта батарея весьма слабая, я ее займу лишь по особому приказанію, такъ какъ она будетъ уничтожена въ нѣсколько минутъ, и заранѣе прошу о награжденіи оставшихся въ живыхъ георгіевскими крестами!* *) *Я предполагаю занять закрытыя позиціи!"*

Еще нѣсколько вопросовъ и на нихъ точные, опредѣленные отвѣты...

Суровый видъ ген. Мрозовскаго, настойчивость, рѣшительный и твердый тонъ его доклада оказали свое воздѣйствіе и ген. Куропаткинъ разрѣшилъ ген. Мрозовскому выборъ позицій по его усмотрѣнію, пренебрегая окопами, подготовленными саперами, сообщилъ о своемъ приказаніи артиллеріи стрѣлять по непріятельской пѣхотѣ, когда она двинется въ атаку, объ увеличеніи запаса снарядовъ до 1000 на батарею (вмѣсто 500) и уѣхалъ **).

10-го іюля наши батареи устроили окопы вблизи биваковъ, въ 250 саженяхъ за впереди лежащимъ гребнемъ; ночью на 11-е

*) Во время Русско-Японской войны, совершившихъ подвиги и затѣмъ убитыхъ, Георгіевскими крестами не награждали.

**) Вообще же ген. Куропаткинъ разрѣшилъ артиллеріи занимать закрытыя позиціи только послѣ изданія особой записки объ этомъ ген. Мрозовскаго, которая была напечатана въ видѣ „указаній".

іюля орудія были выведены на позицію и поставлены на интервалахъ въ 30 шаговъ.

Наблюдательные пункты ген. Мрозовскаго и командировъ батарей были избраны на переднемъ гребнѣ. Для передачи командъ, за неимѣніемъ телефоновъ, была поставлена цѣпь передатчиковъ.

На боевомъ участкѣ ген. Мрозовскаго сначала находились только 2-я и 3-я батареи 9-й Вост.-Сиб. стр. арт. бр.; послѣ полудня на лѣвый флангъ подошла 4-я батарея 1-й В.-С. С. А. Б., а къ вечеру на правый флангъ выѣхала 4-я б-ея 9. В.-С. С. А. Б.

Для пѣхоты по гребню возвышенностей саперами были устроены, соединенные ходами сообщеній, окопы двухъ родовъ: на переднемъ склонѣ — „*боевые*“, которые она должна была занять только въ случаѣ японской атаки, и на обратномъ склонѣ — „*выжидательные*“, **крытые**, въ которыхъ пѣхота сидѣла во время артиллерійскаго состязанія, почти не неся потерь...

Какъ утверждаетъ оффиціальная Исторія Рус.-Яп. войны 1904—5 г. г. Японцы противъ артиллеріи 1-го Сибирскаго корпуса, насчитывавшей 64 пѣшихъ *) и 12 конныхъ орудій, выставили 180 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій..

Изъ этой массы, противъ участка ген. Мрозовскаго были направлены 13 батарей, изъ коихъ 12 дѣйствовали противъ праваго фланга этого участка, т. е. противъ 2-й и 3-й батарей.

Около $5^1/_2$ час. утра Японцы открыли огонь мелинитовыми гранатами (*„шимозами“*) изъ трехъ открыто стоявшихъ батарей, находившихся, какъ оказалось потомъ, внѣ досягаемости нашей шрапнели (гранатъ тогда у насъ не было), чтобы вызвать огонь нашихъ батарей, чего и добились...

А примѣрно черезъ полчаса появились еще 10 батарей, расположенныхъ группами по 2 батареи, на фронтѣ около 6 верстъ, уже стоявшихъ на шрапнельной дистанціи и стрѣлявшихъ и гранатой и шрапнелью — съ закрытыхъ и маскированныхъ позицій.

Японцы очевидно были убѣждены, что наша артиллерія заняла тѣ окопы, которые были заранѣе приготовлены по гребнямъ высотъ, такъ какъ сконцентрировали на нихъ очень сильный огонь: по характерному выраженію ген. **Леша** **), „сопки съ заранѣе укрѣпленными позиціями представляли изъ себя огнедышащія горы отъ разрывовъ многочисленныхъ японскихъ снарядовъ.“

Сначала Японцы обстрѣливали самые окопы, потомъ стали обстрѣливать полосу въ 100 саженъ за ними. Видя, что сила огня нашихъ батарей не ослабляется, они начали переносить огонь вправо и влѣво и, наконецъ, осыпали снарядами весь задній склонъ, такъ что отдѣльныя гранаты падали даже на позиціяхъ батарей, но имъ вреда не принесли, страдали же отъ этого огня артиллеристы, находившіеся въ цѣпи передатчиковъ.

Наши 2-я и 3-я батареи смѣло вступили въ состязаніе съ 12 японскими батареями (16 орудій противъ 78), причемъ к-ръ 2-й

---

*) Нынѣшнія „л е г к і я“ орудія назывались тогда „п ѣ ш и м и“.

**) Нашъ „Михайловецъ“, вып., 1884 г., окончившій Акад. ген. шт. и отличившійся въ Русско-Япон. войну, какъ блестящій командиръ 1-го Вост. Сиб. стр. Его Величества полка.

батареи, подполк. **А. Г. Пащенко** отчасти руководилъ огнемъ и 3-ей батареи.

Широкое расположеніе Японскихъ батарей и ихъ численное превосходство заставили наши батареи дѣлать частые и скорые переносы огня, и вотъ тутъ-то подполк. Пащенко показалъ и высокое искусство стрѣльбы и большое мужество, ведя огонь подъ сильнымъ обстрѣломъ японцевъ...

Среди дня одна граната ударила подъ наблюдательный пунктъ подполковника Пащенко; силою взрыва онъ былъ подброшенъ, перевернулся въ воздухѣ и упалъ, получивши рану осколкомъ въ ногу и контузію; однако, послѣ перевязки, продолжалъ стрѣльбу...

Полк. **Алексѣй Григ. Пащенко.** Вып. Уч. 1892 г., Акад. — 1898 г. Полтав. кадет. корп. Кавал. орд. св. Георгія 4-й степ.

Постепенно огонь японскихъ батарей ослабѣвалъ: къ 3-мъ час. дня, изъ 12-ти, дѣйствовали уже только 7 батарей, остальныя молчали...

Видя мѣткій огонь нашей артиллеріи, не имѣя удобныхъ подступовъ по равнинѣ, японская пѣхота, не рѣшалась двинуться въ атаку безъ сопровожденія своихъ батарей, передвинуться же впередъ японцамъ не удавалось. Было замѣчено три попытки переѣзда впередъ: около 3 час. дня къ двумъ батареямъ у дер. Янцайцзы пробовали подъѣхать передки, но попали подъ страшный огонь нашей шрапнели, завернули дышла и въ безпорядкѣ ускакали далеко въ тылъ; около 5 час. дня выѣхала батарея къ дер. Чанситунь, на дистанцію 4 версты, и понесла серьезныя потери; наконецъ, около 8 ч. вечера японцамъ удалось выдвинуть батарею на окраину дер. Любайси, но такъ какъ дистанція и азимутъ этой деревни были точно извѣстны, то первыя же наши шрапнели сдѣлали огонь батареи безпорядочнымъ, въ деревнѣ вспыхнулъ пожаръ и японская батарея прекратила огонь...

Артиллерійское состязаніе продолжалось 15 часовъ; батарея подполковника Пащенко выпустила 4000 снарядовъ, т. е. по 500 шрапнелей на орудіе, — цифра до того времени неслыханная *). Прославленная нашими лѣвыми кругами Японская артиллерія, имѣя 186 орудій противъ нашихъ 76-ти, т. е. въ $2^1/_2$ раза больше, не только не достигла успѣха въ огнѣ, но потерпѣла серьезную неудачу и понесла тяжелыя потери, а ея пѣхота даже и не рѣшилась

*) Въ особенности, если принять во вниманіе, что за всю Русско-Турецкую войну 1877—78 гг. было выпущено по 200 снарядовъ на орудіе.

двинуться въ атаку по открытому полю; наша же пѣхота такъ и просидѣла весь день въ *„выжидательныхъ“* окопахъ, и 1-й Сибирскій корпусъ потерялъ всего 50 человѣкъ...

Это ли не успѣхъ нашей артиллеріи!!!

Оправдываясь въ неудачѣ, Японскій Главнокомандующій въ донесеніи своемъ о боѣ подъ Дашичао написалъ такъ:

„... Въ особенности умѣло использовала артиллерія (русская) *характеръ мѣстности и заняла такія укрытыя позиціи, что мы не могли установить мѣста нахожденія орудій .. Наша* (японская) *артиллерія жестоко пострадала отъ характера мѣстности и, не смотря на отважныя усилія нашихъ людей, намъ не удалось привести къ молчанію непріятельскія орудія ...“*

Наша больная литература того времени назвала этотъ бой 1-го Сиб. корпуса довольно пренебрежительно — *„артиллерійской дуэлью“*. Какая же это *дуэль* одного противъ двухъ, — а на участкѣ ген. Мрозовскаго сначала одного противъ 5-и, а потомъ противъ 3-хъ (16 ор-ій противъ 78, а потомъ 24 противъ 78)?! Нѣтъ, это не *дуэль*, а *борьба* — серьезная и жестокая, веденная съ нашей стороны весьма искусно...

Въ этомъ бою наша артиллерія доказала, что слухи о ея *„неумѣніи“* ложны...

Доблестный подполк. А. Г. Пащенко былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и сдѣлался извѣстнымъ всей Россіи.

Ген. І. И. Мрозовскій тоже былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, но объ немъ тогда много не писали, между тѣмъ, справедливость требуетъ сказать, что его заслуга несомнѣнна и велика, ибо, если-бы не проявленная имъ настойчивость и непреклонность, то, можетъ быть, опять наша артиллерія заняла бы хорошо извѣстныя японцамъ открытыя позиціи и, конечно, тогда потерпѣла бы неудачу, вѣдь орудія были безъ щитовъ...

Окончилась война съ Японіей и А. Г. Пащенко, уже въ чинѣ полковника, былъ привлеченъ Августѣйшимъ Генералъ-Инспекторомъ Артиллеріи Великимъ Княземъ Сергіемъ Михаиловичемъ къ разработкѣ вопросовъ по использованію боевого опыта въ артиллерійскомъ отношеніи; много работалъ, но, къ сожалѣнію, недолго и въ чинѣ генералъ-маіора скончался, кажется, въ 1908 году.

Генералъ же Мрозовскій во время Великой войны 1914-1917 г. сначала командовалъ Гренадерскимъ корпусомъ, а потомъ былъ Командующимъ войсками Московскаго воен. Округа и скончался въ 1934 г. въ эмиграціи, въ „Русскомъ Домѣ“, подъ Парижемъ...

Примѣчаніе. Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить ошибку въ моей статьѣ объ Училищѣ въ первомъ выпускѣ, а именно: на фронтонѣ зданія въ 1895 г. была надпись — **„Михайловская Артиллерійская Академія и Училище“**, что особенно подчеркивало неразрывность этихъ учебныхъ заведеній, а уже послѣ, въ 1899 г., надпись была измѣнена на: „Михайловскія Артиллерійскія Академія и Училище“.

Ник. Алекс. Герцо-Виноградскій
полк., вып. Уч. 1897 г.; 1 кадет. корпуса.
С.-Франциско.

ВОСПОМИНАНІЯ
„Михайловца“ выпуска 1897 г.

На берегу Невы, вдали отъ центра городского,
На Выборгской далекой сторонѣ,
Кто не знавалъ Училища родного,
Безсмертнаго въ Михайловской семьѣ?!.

Полк. **Н. А. Герцо-Виноградскій.**
К-ръ 2-го легк. морт. арт. див. — 1917 г.

Съ Невы — чугунная ограда,
Орлы двуглавые на ней,
Плацъ съ уголками въ видѣ сада
И пушки у входныхъ дверей...

Какъ много здѣсь мы пережили!
И многое намъ здѣсь дано,
Здѣсь мы учились и зубрили
И было это такъ давно!..
Нельзя не вспомнить безъ волненья
Всѣхъ тѣхъ, кто велъ насъ и училъ,
Не порастетъ травой забвенья
И духъ, что здѣсь тогда царилъ...

* * *

Мы были тотъ пріемъ послѣдній
Того Училища, когда
У насъ еще былъ курсъ трехлѣтній,
А батарея лишь одна.
Начальникъ нашъ, **„Демьяномъ“** [1]), звали,
Насъ, юнкеровъ своихъ, любилъ,
Но подмѣчалъ въ насъ и детали,
Которыхъ онъ не выносилъ.
Не долженъ юнкеръ быть горбатымъ
Иль мрачный духъ свой проявлять,
Онъ долженъ быть щеголеватымъ
И непремѣнно... танцевать.
Въ „полупальто“, поднявши плечи,
Онъ наставлялъ насъ и училъ,
И вспоминалъ — какія рѣчи
Кому и какъ онъ говорилъ!
Затѣмъ **„Петрило“** [2]) батарейный —
Могучій складъ, лихой ѣздокъ,
Всегда во всемъ прямолинейный
И былъ хорошій онъ стрѣлокъ.
Какъ „подойти“ къ нему — мы знали
И предъ балами, помню я,
Его толпою окружали,
Для танцевъ шпоры дать прося.
„Петрило“ „буркалъ“ и терялся,
А мы ему уже кричимъ,
Пока онъ въ мысляхъ разбирался,
— „Покорнѣйше благодаримъ!“
Нашъ „курсовой“ — **Аліевъ** бравый,
Свой кверху поправляя усъ,
Любилъ давать совѣтъ намъ здравый —
На „Невскомъ“ избѣгать „Марусь“.
Еще и **Мамонтовъ**, прелестный
Мой отдѣленный офицеръ,
Веселый нравъ, болтунъ извѣстный [3]),
Для насъ не знавшій строгихъ мѣръ.

---

[1]) Начальникъ Училища ген.-лейтенантъ Демяненковъ.
[2]) Ком. Бат. глубокоуважаемый полк. А. Н. Петраковъ.
[3]) За что и былъ прозванъ „Балалайкой“.

И это все моё „прямое“
Начальство, что вело меня,
А все же прочее другое
Лишь на дежурствахъ видѣлъ я.
А вотъ, и наша профессура:
Гукъ съ буквой „ша“ на мѣстѣ „эс“,
Гончаръ — согбенная фигура, —
Артиллеріи знатокъ чудесъ;
Будаевъ — „кса!“, — „ошиблись дверью!“
„ — Стремится „иксъ“-то, вѣдь, къ „нулю“,
„ — Не превзошли вы и Лукерью“,
„Кухарку старую мою!“
Ипатьевъ — „га!“ нашъ химикъ страстный,
Весь погруженный въ свой предметъ,
Былъ лекторъ онъ для насъ прекрасный,
Но строгъ на юнкерскій отвѣтъ.
Затѣмъ **Чернявскій** всѣмъ извѣстный,
„Массена“ [1]), **Іохеръ** и **Орловъ**,
И проповѣдникъ нашъ чудесный
Протоіерей отецъ **Петровъ**.
Цытовичъ (помните“ подъѣзды“?),
Онъ вѣроятностей знатокъ,
А за „подъѣздами“ — „отъѣзды“,
— Какъ орудійный передокъ.
А танцы! **Троицкій** учитель,
Его поклоны — „э-разъ, два, три“
Для нетанцующихъ — мучитель,
Но — ты „Михайловецъ“ — терпи!
Чуть не забылъ **Головина**,
Училъ старательно черченью,
А былъ онъ регентъ, и тогда
Училъ насъ хоровому пѣнью.
„Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ“,
А юнкера отъ нихъ страдаютъ,
Но имъ всю душу отдаютъ...
Не все-жъ, однако, мы зубрили
Бывало время и у насъ,
Когда мы весело кутили,
Забывши лекціи и классъ.
Такъ ошалѣвши отъ зубрежки,
Что-бъ освѣжить себѣ мозги,
Мы, прихвативъ съ собой по „трешкѣ“,
Шли въ погребокъ ѣсть шашлыки.
А то къ Даниловымъ [2]) подкатимъ,
Тамъ барышень былъ полный домъ,
Играемъ, веселимся, пляшемъ,
Кончаемъ ужиномъ съ виномъ.

---

[1]) Проф. ген. штаба ген. **Михневичъ**.
[2]) Иркутскій золотопромышленникъ.

А наши чудные балы,
Что трижды въ годъ у насъ бывали!
Тѣ, кто знавалъ ихъ, какъ и мы,
На нихъ безъ устали плясали.
Искусствомъ также увлекались,
Ходили въ оперу, въ балетъ
И предъ талантомъ преклонялись
Съ тѣхъ юнкерскихъ веселыхъ лѣтъ.
Любили строй, приборы, пушку,
Ѣзду въ орудіяхъ и стрѣльбу,
И ненавидѣли „Петрушку“ [1])
На Дудергофскомъ берегу.
Любили конныя ученья,
Лихой „заѣздъ“ и „поворотъ“,
И всѣ тѣ наши построенья,
Въ которыхъ скачетъ крайній взводъ.
Бывало „Ларчикъ“ съ „Интеграломъ“ [2])
Подхватятъ и несутъ тебя
И кончилось бы все скандаломъ,
Да корень держитъ ихъ шутя!
Но былъ и корень непутевый,
Готовый первый „разнести“,
То кони — „Змѣй“ и „Жеребьевый“ [3]),
Отъ нихъ лишь ноги уноси.
И носится орудіе по полю,
Стараясь встать лишь на вольты,
Теперь давай корнямъ ужъ волю
И поводомъ не рви имъ рты.
Любили также ѣзду въ смѣнѣ,
„Тянуть каблукъ“, брать въ „шенкеля“,
При перемѣнѣ направленій
Смотрѣть „посадку“ въ зеркала...
Кто не знакомъ съ конемъ „Егоркой“?!
Былъ „козероговъ“ онъ гроза,
Согнетъ бывало спину горкой
И вылетаешь изъ сѣдла.
А „Бригадиръ“! конь тряски рѣдкой,
Съ „Егоркой“ въ смѣнѣ онъ ходилъ,
Какъ не слетѣть съ него „за рѣпкой“,
Когда при тряскѣ онъ „козлилъ“?!
На старшихъ курсахъ лучше смѣны,
Не обойтись все-жъ безъ грѣха,
Когда дадутъ въ нихъ для замѣны
Такую лошадь, какъ „Звѣзда“.
Кобыла славная, большая,
Но „шпору“ — Боже упаси,
Въ отвѣтъ истерика такая,
Что вспомнишь „козерожьи“ дни.

---

[1]) Позывные сигналы лодкамъ.
[2]) Первый уносъ 1-го орудія.
[3]) Корень 4-го орудія.

Нельзя забыть коней и добрыхъ,
На поводъ мягкихъ, гибкихъ и въ боку,
Послушныхъ „шенкелямъ“, не вздорныхъ,
Уравновѣшенныхъ и легкихъ на ходу.
Такихъ коней мы много знали:
Конь „Ерофеичъ“, „Зундъ“, „Женихъ“...
Отъ нихъ мы „фокусовъ“ не ждали
И ловко ѣздили на нихъ.

. . . . . .

Ушли три года незабвенныхъ,
Оставивъ много дорогихъ
Воспоминаній, очень цѣнныхъ
И красочныхъ, какъ бытовыхъ.
Всего, однако, не припомнишь,
Нѣтъ времени и записать
Того, что даже ясно помнишь
И что хотѣлъ бы разсказать...

* * *

Теперь на берегу Невы училище другое,
Въ немъ нѣтъ ужъ прежней красоты,
Погибло все для насъ святое,
Слетѣли и двуглавые орлы.
Но вѣрю я — настанетъ время и иное,
Воскреснетъ Русская Земля
И съ ней Училище родное, —
Ему, Михайловцы, **„Ура!“**

Генералъ-лейтенантъ
Вас. Григ. Пащенко.

Старшій изъ 4-хъ братьевъ — Михайловцевъ, выдающихся артиллеристовъ-академиковъ. Выпуска изъ Училища 1888 г., Академіи — 1893 г. Полтавскаго кадет. корпуса Первый руководитель Крѣпостного Отдѣла Офицерской Артиллерійской школы; генералъ для порученій при Августѣйшемъ Генералъ-Инспекторѣ Артиллеріи и сотрудникъ его по реорганизации Крѣпостной и Тяжелой артиллеріи; Начальникъ Артиллеріи Либавской крѣпости; Комендантъ Свеаборга; Инспекторъ артиллеріи IV Кавказскаго армейскаго корпуса. Скончался въ Чехословакіи въ 1932 году.

Влад. Конст. Чернявскій
полков., вып. Уч. — 1897 г., Акад. — 1904 г
Алекс. кадет. корпуса.

Н. С. БУДАЕВЪ.

Какъ-то на одной изъ своихъ предобѣденныхъ бесѣдъ съ юнкерами Начальникъ Училища генералъ **Демяненковъ** говорилъ юнкерамъ, какъ онъ, поддерживая высокую научную репутацію Училища и Академіи, пополняетъ кадръ профессоровъ лицами, составившими себѣ имя въ наукѣ, при этомъ онъ выразился такъ: „*я стараюсь залучить большого осетра въ свои сѣти*“.

Влад. Конст. Чернявскій,
подполковникомъ.

Однимъ изъ такихъ „большихъ осетровъ“ былъ **Николай Сергѣевичъ Будаевъ,** профессоръ математики.

Имя Н. С. Будаева было связано съ Училищемъ и Академіей въ теченіе многихъ лѣтъ. Установить точно начало этой связи я не могу, но предполагаю, что онъ началъ читать математику въ Училищѣ и Академіи съ конца 60-хъ годовъ, а закончилась его дѣятельность въ 1902 г.

Кто изъ питомцевъ Училища и Академіи не вспоминаетъ съ большимъ уваженіемъ этого выдающагося математика, который не своею строгостью, а своимъ знаніемъ предмета, внушалъ тотъ трепетъ молодымъ юнкерамъ, который потомъ переходилъ въ глубокое къ нему уваженіе.

Слушатели Академіи выпуска 1904 года были свидѣтелями печальнаго событія: ухода этого знаменитаго артиста математики со сцены.

Всѣ мы, бывшіе его питомцы, хорошо помнимъ классныя доски, исписываемыя на лекціяхъ калиграфическимъ почеркомъ и сопровождаемыя немногосложными словесными объясненіями, съ ему свойственными сокращеніями „кса“, „зависима“, „независима“, и т. д. Никогда Будаевъ не ошибался, никогда не бралъ губки въ руки, что-бы стереть что-нибудь, написанное не такъ.

Помнимъ его записную книжечку, въ которой хранились отмѣтки за много-много лѣтъ, и нерѣдко Будаевъ, при неудачномъ

выступленіи юнкера, ставилъ въ примѣръ ему его-же отца, говоря: *„ксенъ Шекаразинъ, а Вашъ отецъ былъ умный человѣкъ."*

Да, это была личность въ высокой мѣрѣ выдающаяся и оригинальная, и печальное воспоминаніе о концѣ его профессорской дѣятельности живо еще въ моей памяти.

Въ 1902 году я былъ слушателемъ академіи. Въ этотъ день у насъ было по расписанію 2 часа лекцій Н. С. Будаева.

Какъ обыкновенно, Будаевъ вошелъ въ классъ, завернулъ тщательно мѣлокъ въ бумажку, и началъ писать на доскѣ какой-то сложный выводъ, сопровождая его очень немногочисленными объясненіями. Уже подходя къ концу, вдругъ мы увидѣли, что Будаевъ остановился, сталъ смотрѣть на доску, точно чего-то ища; взялъ въ руки губку и, чего съ нимъ никогда въ жизни не бывало, стеръ нѣсколько строкъ, но бѣдный старикъ не смогъ все-таки найти сдѣланной имъ гдѣ-то ошибки, прекратилъ минутъ на 10 раньше срока лекцію и вышелъ въ профессорскую комнату. Мы всѣ, молча, продолжали сидѣть, чувствуя и сознавая, что передъ нами разыгрывается драма человѣческой жизни.

М. Подтягинъ, капит. въ Академіи 1904 г. Выпуска Учил. 1897 г.

Послѣ 10 минутнаго перерыва, во время котораго мы видѣли, что Н. С. Будаевъ сидитъ въ профессорской комнатѣ, куритъ и смотритъ на какую-то бумажку, очевидно продѣлывая неудавшійся ему сложный выводъ.

Когда начался 2-й часъ, Н. С. Будаевъ вошелъ въ классъ, сѣлъ какъ-то бочкомъ на стулъ, не взялся за мѣлъ, а нѣсколько минутъ помолчалъ, а затѣмъ тихимъ голосомъ сказалъ: *„Кса, Будаевъ ошибся, запутался, состарился и больше не годится."* Всталъ и, кланяясь на ходу, вышелъ изъ класса.

Это была его послѣдняя лекція, и мы его послѣдній разъ видѣли въ живыхъ. Прошло не очень много времени и Н. С. сошелъ въ могилу, ибо жить безъ своей науки и безъ своей профессорской дѣятельности онъ не могъ, а продолжать ее не было уже силъ.

Такъ сошелъ со сцены великій артистъ.

Миръ праху твоему, незабвенный учитель!

Ник. Тимоф. Бѣляевъ
полков., вып. Уч. — 1899 г.,
Ак. — 1904 г., 2-го кад. корп

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

На помѣщенной дальше группѣ (стр. 78) сняты въ 1856 году четыре брата — **Бѣляевы**: *Александръ* — поруч. л.-гв. Конной артиллеріи, *Алексѣй* — поруч. л.-гв. 2 арт. бр. (въ формѣ адъютанта Штаба Округа), *Николай* — подпор. л.-гв. Егерскаго полка и *Тимофей* — кадетъ 1-го кадет. корп. (13 лѣтъ).

Полк. **Ник. Тимоф. Бѣляевъ** — 1937 г. (Вып. Уч. — 1899 г. Акад. — 1904 г.).

Сохранившаяся переписка между братьями рисуетъ тотъ періодъ Исторіи нашего Училища, когда его **Офицерскіе классы** были переформированы въ Михайловскую Артил. Академію (въ 1855 году).

Два старшіе брата въ 1850 году окончили 1-й кад. корпусъ, затѣмъ Офицерскіе классы Мих. Арт. Училища, и послѣ Александръ былъ профессоромъ Мих. Арт. Академіи, а Алексѣй — многолѣтнимъ редакторомъ Артиллерійскаго журнала; младшій изъ братьевъ *Тимофей Михайловичъ* (отецъ автора) тоже былъ въ Мих. Арт. Академіи 2 года, но ушелъ, не окончивъ, на Польскую кампанію 1863 года, — впослѣдствіи онъ долго командовалъ л.-гв. 1-й артил. бригадой, былъ Комендантомъ Кронштадта и Почетнымъ опекуномъ.

Изъ писемъ видно, что въ періодъ Крымской кампаніи, въ 1855 году, офицеры, состоявшіе при Академіи, были командированы на береговыя батареи, расположенныя по берегамъ Финскаго залива, напр. А. С. Платовъ — на Невско-Гутуевскую батарею, А. В. Гадолинъ — въ Свеаборгъ, а А. М. Бѣляевъ — на островъ Рѣзвый и въ Кронштадтъ. Преподаватели командовали батареями по защитѣ Петербурга и жили тамъ, а юнкера и офицеры жили въ Ораніенбаумѣ, куда первые ѣздили на занятія.

Все это время Александръ Мих. Бѣляевъ продолжалъ работать по своему любимому предмету — Механикѣ, и на него возлагались большія надежды, какъ въ товарищеской средѣ, такъ и со стороны начальства, и когда, въ 1857 г., пріѣхалъ въ Петербургъ новый Начальникъ Академіи и Училища ген. Ник. Андр. **Крыжановскій**, то онъ ему сказалъ: „Не смотря на молодость, Вы успѣли составить себѣ высокую репутацію. О Васъ неоднократно слышалъ я самые пріятные отзывы отъ всѣхъ, съ кѣмъ Вы имѣли дѣло".

Съ 1856 года А. М. велъ преподаваніе въ Академіи Практической Механики, а въ 1858 году онъ и Аксель Вильгельмовичъ **Гадолинъ** (бывшій репетиторомъ по Физикѣ) были командированы на 14 мѣсяцевъ заграницу, для пріобрѣтенія практическихъ свѣдѣній въ Бельгіи, Франціи и Англіи.

Александръ Михайловичъ направился сначала въ Карлсруэ, къ знаменитому профессору Редтенбахеру, бывшему тогда директоромъ Политехническаго института. Въ Январѣ 1859 г. А. М. пишетъ, что „Редтенбахеръ уже кончилъ курсъ паровыхъ машинъ, что модели машинъ для Училища отъ моделера Шреггера въ Дармштадтѣ получены, и что чертежи и записки для Академіи готовы". Гадолинъ, работавшій по Минералогіи и Физикѣ въ Дрезденѣ, нѣсколько разъ навѣщалъ А. М. и помогалъ ему въ разработкѣ чертежей и записокъ.

Осенью 1859 г. они вернулись изъ командировки, А. В. Гадолинъ былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Училища, А. М. Бѣляевъ приступилъ къ чтенію лекцій по Прикладной Механикѣ, а замѣщавшій его во время командировки Ив. Алексѣев. **Вышнеградскій** былъ командированъ къ Редтенбахеру для изученія деталей машинъ.

Съ начала 60-хъ годовъ А. М. Бѣляева стали все больше и больше привлекать къ разработкѣ техническихъ артиллерійскихъ вопросовъ, сначала въ Артиллерійскомъ Комитетѣ, а потомъ и въ VII отд. Г. А. У., что заставило его нѣсколько отойти отъ любимой имъ Механики и когда, въ 1862 г., Вышнеградскій вернулся изъ командировки, А. М. передалъ ему, на этотъ разъ уже окончательно, свою кафедру. Блестящія работы Вышнеградскаго по паровымъ и подъемнымъ машинамъ и по механической теоріи теплоты составили гордость русской науки и нашей М. А. Академіи.

Вскорѣ послѣ этого Александръ Мих. Бѣляевъ былъ назначенъ Начальникомъ Технической Артиллерійской Школы, которой посвятилъ много силъ и энергіи въ послѣдніе годы своей жизни. Скончался онъ въ 1872 г., отъ разрыва сердца.

Братья пережили его на много лѣтъ: Алексѣй Мих. скончался въ 1885 (въ чинѣ ген.-лейт.), Ник. Мих. — въ 1904 г. (ген.-штаба ген.-м.), а младшій — Тимоф. Мих. — въ 1915 году.

Можетъ быть интересно отмѣтить какъ-бы извѣстную семейственную связь съ наукой: Алекс. Мих. былъ женатъ на внучкѣ ген.-отъ-артил. **Дядина** („Дядинская" премія по Артиллеріи), который былъ 40 лѣтъ профессоромъ Артиллеріи. Старшая дочь А. М. Бѣляева вышла замужъ за горнаго инженера, металлурга Влад.

Анатол. Яковлева, который на Обуховскомъ Заводѣ замѣстилъ знаменитаго профессора Мих. Арт. Академіи — Дм. Конст. **Чернова** — *„отца металлографіи желѣза“*, какъ его назвали иностранцы.

Братья **Бѣляевы** — 1856 г.: Александръ, Алексѣй, Николай и Тимофей Михайловичи.

ОТЪ РЕДАКТОРА. Предъидущій краткій очеркъ о братьяхъ Бѣляевыхъ, такъ сказать, старшаго поколѣнія, навелъ меня на мысль, что необходимо упомянуть и о братьяхъ Бѣляевыхъ послѣдующаго поколѣнія, изъ коихъ двое составили себѣ почетное имя: это старшій — Сергѣй Тимофеевичъ и пятый изъ братьевъ — Николай Тимофеевичъ.

Тактика артиллеріи. Вспоминается мнѣ начало войны съ Японіей. Молодымъ капитаномъ пріѣхалъ я въ перемѣнный составъ Офиц. Арт. Школы и тамъ имѣлъ удовольствіе слушать блестящія лекціи Сергѣя Тимофеевича по Тактикѣ Артиллеріи.

Это былъ начальный періодъ жизни скорострѣльной артиллеріи, ея тогда многіе еще не знали, и не понимали, что этотъ новый видъ оружія требуетъ „новой тактики"; среди офицеровъ ген. штаба раздавались еще голоса, что никакой особой „Тактики Артиллеріи" и не существуетъ.

Лекціи Сергѣя Тимофеевича были построены, главнымъ образомъ, на теоретическихъ трудахъ француза Ланглуа и итальянца Аллассона, переведенныхъ имъ же на русскій языкъ, но особыя, исключительныя способности С. Т. къ анализу и систематикѣ и блестящій даръ слова дѣлали то, что его лекціи были насыщены содержаніемъ и захватывали слушателей яркостью и ясностью изложенія...

На первой же лекціи, мнѣ, какъ самому молодому слушателю и съ академическимъ значкомъ, С. Т. предложилъ вести за нимъ записки; такимъ образомъ я сдѣлался невольнымъ сотрудникомъ С. Т-ча и весной, по окончаніи курса, передалъ ему толстую тетрадь „Записокъ"...

Потомъ мы встрѣтились, и непосредственно соприкасались, черезъ 8 лѣтъ: С. Т. былъ назначенъ к-ромъ 29-й арт. бригады, а я былъ тогда Начальникомъ Полигона Вилен. Воен. Округа; чрезвычайно самолюбивый, онъ долго не могъ примириться съ тѣмъ, что я — младшій и его ученикъ — имѣлъ право критиковать подготовку къ стрѣльбѣ его батарей...

Тогда только что вышло „*Наставленіе для дѣйствія полевой артиллеріи въ бою*", авторомъ котораго, главнымъ образомъ, являлся ген. С. Т. Бѣляевъ.

Это прекрасное „Наставленіе" также было насыщено содержаніемъ, что особенно могли оцѣнить тѣ, кто имѣлъ возможность слушать удивительные по ясности и полнотѣ разборы каждаго параграфа самимъ Сергѣемъ Тимофеевичемъ.

Вообще надо сказать, что С. Т. Бѣляевъ былъ замѣчательнымъ **Тактикомъ-теоретикомъ,** но, къ сожалѣнію, онъ пошелъ не по своей дорогѣ: отвлеченный командованіемъ батареей въ К. А. У., потомъ дивизіономъ и бригадой, будучи къ тому-же чрезвычайно добросовѣстнымъ службистомъ, онъ не могъ отдать достаточно времени для письменной работы и не оставилъ послѣ себя капитальнаго труда. Правда, до нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ заполняютъ его статьи въ „*Артиллерійскомъ Журналѣ*" (кажется за 1907 г.) подъ названіемъ, если мнѣ память не измѣняетъ, — „*Вопросы Артиллерійской тактики*", которыя и сейчасъ могутъ представить жизненный интересъ, въ особенности отдѣлъ — „Тактика огня"...

С. Т. Бѣляевъ скончался въ Москвѣ въ 1923 г., тогда ходили слухи, что онъ застрѣлился...

Бессемеровская медаль. Имя Н. Т. Бѣляева, находящагося въ эмиграціи, уже упоминалось въ I-мъ выпускѣ, но теперь мы

снова о немъ говоримъ, такъ какъ Николай Тимофеевичъ получилъ міровую извѣстность, ибо ему въ 1937 году Лондонскимъ „Институтомъ по изученію желѣза и стали“ присуждена золотая „*Бессемеровская медаль*“, какъ выдающемуся ученику покойнаго профессора Чернова, — за совокупность обнародованныхъ, въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, работъ по вопросу *кристаллизаціи металловъ*, а особенно, стали.

Съ 1874 года медаль присуждалась 80 разъ, изъ нихъ иностранцамъ (не англичанамъ) 27 разъ и вотъ, въ 1937 году, въ первый разъ — Русскому ученому — **Ник. Тим. Бѣляеву**. (Предполагалось дать эту медаль въ 1915 году профессору **Чернову**, но война помѣшала съѣзду, намѣчавшемуся въ Петербургѣ).

Дмит. Конст. Черновъ, знаменитый профессоръ Металлургіи Мих. Арт. Академіи, „Отецъ металлографіи желѣза“.

По поводу этого награжденія во французскомъ журналѣ „Revue de la Soudure Autogène“ за іюнь 1937 г., за подписью „R. G.“, помѣщена статья подъ заглавіемъ „En l'honneur du Colonel N.-T. Belaiew“, выдержки изъ которой мы приводимъ ниже*).

„Мы уже сообщали, что извѣстный и знаменитый металлургистъ, полк. Н. Т. Бѣляевъ, сотрудникъ Института автогенной сварки (L'Institut de Soudure Autogène) получилъ отъ Института по изученію желѣза и стали (The Iron and Steel Institute) золотую Бессемеровскую медаль за 1937 годъ.

Это большое отличіе, которымъ были тронуты всѣ его друзья, такъ какъ оно награждаетъ знаменитаго металлурга, ученость котораго равна только его скромности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Н. Т. Бѣляевъ пожелалъ сдѣлаться добровольнымъ сотрудникомъ Института автогенной сварки, гдѣ онъ занимался съ огромнымъ интересомъ научными и техническими работами.

Ученикъ и послѣдователь Чернова, Осмонда и Ле Шателье, онъ особенно посвятилъ себя металлографическому изученію состава и структуры стали. Его трудъ „Кристаллизація металловъ“, изданный два года тому назадъ Институтомъ автогенной сварки, ставитъ его въ рядъ съ самыми великими металлографами этого вѣка.

Полк. Бѣляевъ пользуется въ научномъ и металлургическомъ

*) Въ переводѣ Н. С. Батюшина.

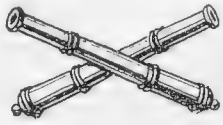
мірѣ высокимъ значеніемъ, обязаннымъ не только его большой цѣнности, какъ ученаго металлографа, но и качествамъ его ума и сердца и его удивительной скромности.

Институтъ Автогенной сварки чествовалъ своего сотрудника по случаю отличія, которое онъ получилъ. Идя навстрѣчу выраженному полк. Бѣляевымъ желанію, это торжество, дружескій завтракъ, носило совершенно интимный характеръ...

Во время тостовъ Л. де Сейнъ (предсѣдатель Института Автогенной сварки) принесъ полковнику Бѣляеву поздравленіе Института и благодарилъ за его сотрудничество въ работахъ этого учрежденія въ слѣдующихъ словахъ: „Вы, г. Полковникъ, хорошо знаете, что мы Вамъ глубоко признательны за все, что Вы сдѣлали для нашихъ молодыхъ кадровъ и учениковъ, съ той одушевленностью и абсолютной незаинтересованностью настоящаго ученаго, для котораго каждый ученикъ или сотрудникъ — это будущій членъ огромной семьи. Мы имѣли большую привиллегію знать Васъ ближе, чѣмъ кто-либо другой и видѣть Васъ осуществляющимъ ту формулу, которая сдѣлалась для Васъ девизомъ: „Передавать молодымъ поколѣніямъ въ еще большемъ объемѣ все то, что Вы получили отъ учителей Вашей юности“.

Проф. Портевэнъ, самъ отличенный Бессемеровской медалью въ 1935 году, сказалъ такъ: „Если мѣра, настойчивость, умъ и научная добросовѣстность являются отличіемъ Вашихъ трудовъ, согласно традиціи Вашихъ почившихъ учителей — Чернова, Осмонда и Ле-Шателье, то у Васъ есть и другія качества, которыя насъ больше всего трогаютъ. Я укажу только на одно изъ нихъ — Вашу скромность, соединенную съ уваженіемъ къ Вашимъ научнымъ друзьямъ, что заставляетъ Васъ стараться всегда выдвигать ихъ труды... Сегодня, въ свою очередь, разсѣянные по всему свѣту Ваши друзья выражаютъ удовлетвореніе и радуются той заслуженной высокой наградѣ, которая Вамъ дана“...

Полковникъ Бѣляевъ отвѣтилъ на эти привѣтствія рѣчью, въ которой снова подтвердилась его скромность. Своими познаніями, — сказалъ онъ — онъ обязанъ своимъ учителямъ — Чернову, Осмонду и Ле Шателье и своимъ друзьямъ — Шарпи, Портевэнъ, Шевенардъ... Онъ указалъ также, что „Промышленность это — тѣло, душой котораго является наука“...



Алексѣй Никол. Ефремовъ
полковникъ, выпуска 1902 г.
Буэносъ-Айресъ.

КОРПУСЪ — УЧИЛИЩЕ.

Экзамены по математикѣ прошли, остались словесные предметы, когда отдѣленный воспитатель собралъ выпускныхъ и объявилъ копію предписанія о составленіи списка на желающихъ быть записанными въ артиллерійское и Николаевское инженерное училища.

Полк. **А. Н. Ефремовъ**, снято въ эмиграціи.

Дрогнуло сердце — надо рѣшать — Николаевское кавалерійское или Михайловское, о пѣхотномъ не хотѣлось и думать. Всѣ мечты всегда были о Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, но... средства, а главное вѣдь и изъ Михайловскаго можно выйти въ Конную артиллерію, да еще и въ Туркестанъ, гдѣ регулярной кавалеріи не было; рѣшена участь — запишусь въ Михайловское, но вотъ попаду ли еще — вопросъ...

Промелькнули каникулы и только за недѣлю до отъѣзда изъ О. были получены списки и я, въ числѣ другихъ 7 человѣкъ, назначенъ въ Михайловское артиллерійское училище. Въ отпуску въ О. можно было встрѣтить юнкеровъ очти всѣхъ училищъ, пріѣхавшихъ въ отпускъ послѣ лагерныхъ сборовъ, но Михайловца — ни одного, не у кого и распросить толкомъ — гдѣ, что и какъ, а сколько вопросовъ возникло сразу, особенно, когда отпускные юнкера начали злорадствовать — „ну, попали, попадете въ цукъ ни чуть не легче Николаевскаго кавалерійскаго и пр. и пр... Слушаемъ, переглядываемся и начинаемъ ежиться — какъ-то будетъ!..

Посадка въ вагоны, пять дней пути, съ отпускомъ одного рубля въ день на довольствіе, родительскіе запасы на дорогу, встрѣча въ Самарѣ съ Сибиряками, визиты однихъ къ другимъ; хоровое пѣніе — объединило всѣхъ и дружной компаніей доѣхали до Москвы, гдѣ отъ насъ отдѣлились Александровцы. Проѣхали цѣлой компаніей въ Кремль, поднялись на колокольню Ивана Великаго, въ сопровожденіи гида съ галунами, на добрыя пожеланія котораго на дальнѣйшій путь, каждый далъ ему рубль на чай — за всѣхъ, какъ потомъ это выяснилось, каждый это дѣлалъ не предупредивъ остальныхъ...

Экономіи ради забрели въ экономическую столовую, гдѣ, заплативъ за тарелку щей и котлету съ соусомъ — 20 коп. — рѣшили еще разъ пообѣдать на вокзалѣ, т. к. даже послѣ 4-хъ часовой прогулки и при невзыскательномъ кадетскомъ вкусѣ — обѣдъ остался памятнымъ и по сей день.

Вечеромъ поѣздъ двинулся къ цѣли нашего путешествія — Петербургу, куда и прибыли на слѣдующій день — около 5 часовъ дня.

„Безконечный" корридоръ — 180 шаговъ.
(Изъ альбома 1909 г.).

Ну, что-же, если все правда, что мы слышали о цукѣ — не дадимъ себя въ обиду, цукать себя не позволимъ... съ этой мыслью, расплатившись съ извощикомъ, съ чемоданами въ рукахъ, мы входили въ парадный подъѣздъ Михайловской Артил. Академіи и Училища.

Почтеннаго вида швейцаръ указалъ на лѣстницу, по которой и повелъ насъ дежурный трубачъ. Не успѣли мы подняться на верхнюю площадку, какъ были встрѣчены своего же корпуса юнкерами, годомъ раньше кончившими корпусъ, которые, по принятой въ корпусѣ формѣ — со всѣми „на ты", — насъ расцѣло-

вали, и мы въ приподнятомъ отъ такой встрѣчи настроеніи уже весело отрапортовали дежурному офицеру, который распредѣлилъ по батареямъ, а въ батареяхъ по отдѣленіямъ.

Заняли кровати, умылись и черезъ часъ пошли къ ужину. А почему не строемъ? Къ завтраку и вечернему чаю ходимъ безъ строя и садимся по своимъ столамъ — своими компаніями и лишь на утреннюю молитву, а послѣ нея къ чаю и на обѣдъ строятся и становятся по столамъ по расчету и по ранжиру.

Входимъ въ столовую — въ нижнемъ этажѣ — предвкушая хорошо поѣсть — сказалось нервное настроеніе и отсутствіе аппетита въ ожиданіи пріѣзда въ Петербургъ... Но... блестящее блюдо съ вензелемъ „М“ и короной, но на немъ строго выравнено всего десять котлетъ — по числу юнкеровъ, блестящій соусникъ, хорошая посуда, хлѣбъ, чай... но развѣ этого достаточно? — Да, въ послѣдующіе дни мы не только ѣли вкусно и сытно, но и послѣ производства часто вспоминали и... не получали къ супу пирога, который юнкеромъ получалъ ежедневно...

Старшіе насъ не оставляютъ, водятъ, показываютъ, учатъ и на вопросы о цукѣ — смѣются.. Да и было отчего и намъ посмѣяться, такъ какъ азіаты, какъ насъ здѣсь оказывается окрестили, въ тотъ же день чуть-чуть не загнули салазки своему же учителю...

Вотъ шпоръ, оказывается, не полагается — жаль, ждали, но когда выѣзжаешь въ отпускъ за предѣлы Петербурга, по традиціи, долженъ одѣть и на балы то-же... Перекличка въ Конференцъ-Залѣ — 1-я батарея, и мы, утомленные массой впечатлѣній, немедля улеглись спать.

Утро — звонокъ въ 6 ч. 45 м., и труба трубача. Пришелъ нашъ старшій въ отдѣленіи — старшій портупей-юнкеръ **Хрущовъ**, преподалъ въ чисто товарищеской формѣ нѣкоторыя указанія, объявилъ время, когда медицинскій осмотръ, пригонка обмундированія и пр... и, жизнь пошла своимъ чередомъ...

Какъ въ доброй хорошей семьѣ, всѣ слились воедино. Дружественно-товарищеское единеніе юнкеровъ, заботливо-братское отношеніе училищныхъ офицеровъ, самихъ же бывшихъ **Михайловцевъ**, отеческое — со стороны командировъ батарей и высшаго учебнаго персонала, опровергло всѣ страхи о цукѣ и ложное представленіе другихъ о взаимоотношеніяхъ въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ, а въ дальнѣйшемъ, не только не вызывало сожалѣнія о назначеніи въ Артиллерійское Училище, но и выпускъ — вмѣсто конной — въ крѣпостную артиллерію — вызывалъ гордость сознанія, что хоть и въ крѣпости, но изъ **Михайловскаго Артиллерійскаго Училища.**

Алекс. Ник. Потаповъ
капитанъ, выпуска 1910 г.
Суворов. кадет. корп.

„М“ съ короной.

(1907—1910 гг.).

Хочется вѣрить, что мое искреннее желаніе подѣлиться моими воспоминаніями о дорогой нашей школѣ, искупитъ недостатки изложенія и смягчитъ строгій судъ читателя.

А. Н. Потаповъ (1914 г. — пор. Кавк. Гренад. Арт. бриг.).

Останавливаясь, главнымъ образомъ, на строевомъ дѣлѣ, внутреннемъ укладѣ и разныхъ событіяхъ жизни Училища, долженъ оговориться, что возможны ошибки во времени, ибо не мало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили стѣны родного Михайловскаго Артиллерійскаго Училища. Эти невольныя ошибки прошу мнѣ простить.

1907 годъ.

Нашему выпуску 1907 года изъ кадетскихъ корпусовъ приказано было явиться въ училище 1 іюля — для отбытія лагернаго сбора. Послѣ мѣсяца усиленныхъ строевыхъ занятій, въ началѣ августа, мы были уволены въ отпускъ, уже присягнувшими молодыми юнкерами, по училищному прозвищу *„козерогами“*. Явиться изъ отпуска мы были должны 1 сентября. Къ этому дню прибыли и поступившіе изъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, по конкурснымъ испытаніямъ, 30 молодыхъ людей, которые должны были и нагонять насъ въ строевыхъ занятіяхъ и принимать присягу отдѣльно отъ насъ — своихъ однокурсниковъ. Это было признано неудобнымъ и уже въ 1908 году всѣ поступившіе въ Училище прибывали 1 сентября. Такимъ образомъ кадеты выпуска 1907 года были послѣдними, отбывшими въ Училищѣ четыре лагерныхъ сбора.

Ко дню нашего поступленія Начальникомъ Училища былъ генералъ-маіоръ **Вахарловскій**; командиръ 1-й батареи полк. **Бодиско**, 2-й батареи — полк. **Мамонтовъ**; командиры полубатарей 2-й батареи — капитаны **Говорѣцкій** и **Леонтовскій.** Курсовые офицеры, принявшіе отдѣленія младшаго класса, были: въ 1-й батареѣ — 1 отдѣленія кап. **Коноваловъ**, 2 го — шт.-кап. **Марцинкевичъ**, 3-го — шт.-кап. **Голубинцевъ**; во 2-й батареѣ 4-го — кап. **Купріяновъ**, 5-го — шт.-кап. **Коверскій** и 6-го шт.-кап. — **Поповъ.**

1 сентября начался нашъ первый учебный годъ. Лекціи и репетиціи чередовались со строевыми занятіями. Рабочій день начинался въ 7 часовъ и заканчивался въ 16 часовъ, когда юнкера обѣдали. Въ свободное время — до переклички, которая производилась въ 21 часъ и послѣ нея до 24 часовъ, когда уже всѣ должны были быть въ постеляхъ, юнкера могли готовиться къ репетиціямъ или же располагать временемъ по своему желанію. Ежедневно было три часа строевыхъ занятій и четыре часа лекцій. Расписаніе репетицій объявлялось на полгода. Начинались онѣ обыкновенно въ 18 часовъ; если же профессоръ не приходилъ къ $18^1/_4$, то репетиція *„закладывалась“*.

Учебный отдѣлъ состоялъ въ вѣдѣніи инспектора классовъ ген.-маіора **Брикса**; помощникомъ его былъ, тогда еще капитанъ, **Гродскій**, одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ математиковъ. Въ права помощника инспектора классовъ входило разрѣшеніе отложить, по училищному выраженію *„заложить“*, репетицію, если юнкеръ почему-либо къ ней не приготовился; полк. Гродскій почти всегда давалъ это разрѣшеніе, но если юнкеръ, случайно или намѣренно, просилъ „заложить“, да еще „аналитику“ (вмѣсто аналитической геометріи), то сначала обязательно изгонялся изъ кабинета (см. снимокъ стр. 57).

Всѣ главные предметы читали у насъ извѣстные профессора Академіи и Училища. Вѣроятно, старѣйшимъ изъ нихъ былъ генералъ отъ артиллеріи **Гукъ**, читавшій въ младшемъ классѣ Артиллерію; его расположеніе духа иногда зависѣло отъ привычки вертѣть въ рукахъ линейку, которую и не слѣдовало забывать класть на столъ передъ репетиціей. Артиллерію читали также полковники **Майдель** и **Микеладзе**; химію — полковники **Ипатьевъ** и **Сапожниковъ**, капитаны **Солонина** и **Бѣляевъ**; механику и математику — милѣйшій полк. **Цытовичъ**; физику — ген. **Корольковъ**, кап. **Гуранда** и полк. **Купріяновъ**, худой, высокій, строгій и подчасъ придирчивый, по прозвищу „гвоздь“; математику — полк. **Фроловскій**, братья — полк. и кап. **Петровичи**, страшно другъ на друга похожіе, да еще всегда одинаково одѣтые; различали ихъ по погонамъ и по прическѣ, которая у старшаго брата была немного рѣже. Тактику и фортификацію читали офицеры генеральнаго штаба и военные инженеры. Изъ „тактиковъ“ вспоминаются: высокій и плотный полк. **Скобельцынъ** и высокій и тощій полк. **Шильдбахъ**, любившій, когда юнкера на репетиціи были хорошо одѣты и подтянуты и не терпѣвшій бушлатовъ. Былъ у насъ и штатскій преподаватель, проф. Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ **Борисовъ**; „Его Превосходительство“ никогда не ставилъ имениннику неудовлетворительный баллъ, а потому въ критическихъ случаяхъ юнкера изъ „Ѳомы“ крестились въ „Ерему“.

Воспоминанія о нашихъ наставникахъ, посвятившихъ себя дѣлу подготовки русскихъ офицеровъ-артиллеристовъ, всегда проникнуты чувствами глубокаго уваженія и искренней благодарности.

Всю чисто строевую подготовку вели наши курсовые офицеры съ крайней серьезностью и настойчивостью; подчасъ и заѣдала насъ „матеріальная часть", но зато, уже будучи офицерами, мы могли только съ чувствомъ глубокой благодарности и удовлетворенія оцѣнить ихъ настоянія, такъ какъ дѣйствительно мы являлись на службу во всеоружіи знанія. Выдающійся вообще составъ учебнаго и строевого персонала давалъ Училищу заслуженную извѣстность серьезной школы.

Зима 1907 года, въ самомъ началѣ нашей юнкерской жизни, ознаменовалась большимъ событіемъ. Въ день Училищнаго праздника, 25 ноября, традиціонный балъ не состоялся. Исторія этого событія такова. Генералъ-Инспекторомъ артиллеріи въ 1907 году былъ отданъ приказъ о самомъ строгомъ соблюденіи формы одежды; этотъ приказъ тяжело отразился на Училищѣ изъ-за ношенія шпоръ. Эта традиція Училища стала подвергаться особеннымъ преслѣдованіямъ. Юнкерамъ было объявлено, что и на балу въ шпорахъ будутъ не всѣ юнкера, какъ это по традиціи было всегда, а только тѣ, кому онѣ по званію полагаются. Среди юнкеровъ немедленно стало извѣстно мнѣніе старшихъ Михайловцевъ, что при такихъ условіяхъ балъ состояться не можетъ, хотя это и будетъ отмѣчено въ столицѣ, какъ событіе большой важности, потому что балы Училища были очень популярны не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи, откуда съѣзжались близкіе и знакомые юнкеровъ. Конечно, всѣ юнкера, какъ строгіе хранители традицій, раздѣляли мнѣніе своихъ старшихъ однокашниковъ. Несмотря на всѣ переговоры, требованія свыше и даже извѣстные нажимы, глухой отпоръ юнкеровъ сломленъ не былъ. Генералъ **Чернявскій** въ одномъ изъ своихъ собесѣдованій съ юнкерами по этому поводу заявилъ, что балъ устроятъ офицеры — слушатели Михайловской Артиллерійской Академіи. Но офицеры-академики, поддерживая юнкеровъ въ ихъ защитѣ училищной традиціи, согласія на это не дали. Такъ былъ „заложенъ" балъ въ 1907 году. Чтобы не возвращаться больше къ баламъ Училища, отмѣчу, что нашъ выпускъ такъ и не видѣлъ ни одного нашего бала. Въ 1908 году балъ не состоялся по той-же причинѣ, а въ 1909 году его не было по случаю траура по Великомъ Князѣ Владимірѣ Александровичѣ.

Затронувъ здѣсь, въ связи съ баломъ, одинъ изъ традиціонныхъ вопросовъ Училища, невольно хочется остановиться немного подробнѣе на традиціяхъ училища вообще. Носителями ихъ являлись старшіе юнкера и подъ ихъ вліяніе, благодаря правилу назначенія „правящаго" — портупей-юнкера въ каждое отдѣленіе всѣхъ классовъ, сразу попадали всѣ молодые юнкера. Традиціи, главнымъ образомъ, воспитательнаго характера, требовали отъ юнкера прежде всего самаго бережнаго отношенія къ имени Училища и внѣ и въ стѣнахъ его. Отношеніе юнкеровъ между собой и старшихъ къ младшимъ всегда было доброжелательное, безъ грубости и безъ

фамиліярности. Грубая ругань вообще никогда не раздавалась въ стѣнахъ Училища. Дисциплинарной властью старшіе юнкера по традиціи не пользовались, но ихъ замѣчаніе было много дѣйствительнѣе яюбого наказанія. Юнкеръ Училища нигдѣ и ни при какихъ обстолтельствахъ не смѣлъ показаться „подъ градусомъ"; это, конечно, не значило, что юнкера всегда сидѣли на „сухомъ режимѣ", но значило, что юнкера всегда помнили, что они Михайловцы. Въ Училище, также по традиціи, запрещалось приносить спиртные напитки и, конечно, этого никогда и не было. Только въ одномъ случаѣ въ жизни Училища разрѣшалось традиціей проглотить „по одной", но объ этомъ дальше.

Со стороны офицеровъ Училища отмѣчалось такое же бережное отношеніе къ имени и традиціямъ училища.

Надо замѣтить только, что „шпорный вопросъ", въ связи съ приказомъ, о которомъ ранѣе говорилось, внесъ извѣстную струю разлада между офицерами училища: съ одной стороны — сторонниками традиціи, съ другой — сухими толкователями правилъ, желающихъ выслужиться. Этотъ же приказъ былъ настолько строгъ, что предусматривалъ даже увольненіе юнкера изъ Училища вольноопредѣляющимся въ часть. Такой случай едва не имѣлъ мѣста въ нашу бытность въ Училищѣ. Если бы юнкера не отстояли, то получилось бы странное обстоятельство: по прибытіи въ часть, онъ, по своему званію, былъ бы фейерверкеромъ и надѣлъ бы нашивки и шпоры, за которые пострадалъ въ Училищѣ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ закончилось первое учебное полугодіе и опредѣлились *„декабристы"*, т. е. тѣ юнкера, которые не выдержали тяжести наукъ и перевелись въ другія училища; ихъ мы уже не застали, вернувшись въ Училище послѣ Рождественскаго отпуска.

1908 годъ.

Второе полугодіе учебнаго года пролетѣло также быстро за напряженной работой, чередовавшейся съ отдыхомъ и развлеченіями, которыя намъ давала столица въ видѣ театровъ, музеевъ, вечеровъ и простого отпуска; имъ юнкера младшаго класса пользовались по праздникамъ и разъ въ недѣлю, въ день по своему выбору.

Повѣяло весной. Училище заканчивало зимнія занятія и готовилось къ выходу въ лагерь.

Въ лагерь Михайловское Артиллерійское Училище всегда выступало 5 мая. Старшій и средній классъ шли походнымъ порядкомъ въ конномъ расчетѣ, а свободные отъ наряда и младшій классъ отправлялись на пароходахъ по Невѣ и Фонтанкѣ до Лермонтовскаго проспекта, оттуда на Балтійскій вокзалъ, гдѣ ихъ уже ждалъ отдѣльный поѣздъ. Они прибывали въ лагерь раньше и тамъ встрѣчали конный расчетъ.

Лагерная жизнь по своему порядку дня рѣзко отличалась отъ зимняго періода. Подъемъ былъ въ 6 часовъ, и съ 7 ч. до 11 и отъ $13^1/_2$ до $15^1/_2$ час. велись строевыя занятія; обѣдъ былъ въ 11 час.; въ 16 ч. полдникъ, послѣ чего до вечерней зари и пере-

клички — свободное время; въ 23 часа въ лагерѣ жизнь замирала. Въ дни стрѣльбы порядокъ измѣнялся.

Зимой всегда къ утреннему чаю, обѣду и ужину ходили строемъ; въ лагерѣ же въ столовую строемъ не ходили; столы составлялись по группамъ, потому что, вмѣсто подаваемыхъ зимой прекрасныхъ приборовъ, лѣтомъ на трехъ человѣкъ полагалась общая деревянная миска и такія же ложки. Въ свободное время юнкера могли быть гдѣ угодно въ районѣ лагеря; къ услугамъ была прекрасная библіотека, перевозившаяся въ лагерь, музыкальная и фотографическая комнаты и спортивныя площадки.

На Дудергофскомъ озерѣ, на высокомъ берегу котораго былъ расположенъ лагерь Училища, находилась наша купальня и стояла

Открытіе навигаціи. 1909 г.

парусная и гребная флотилія. Паруснымъ плаваньемъ вѣдалъ шт.-кап. **Аврінскій**, который и производилъ испытанія юнкеровъ и отмѣчалъ ихъ право ходить на томъ или иномъ парусномъ „кораблѣ". Открытіе навигаціи происходило вскорѣ послѣ прихода въ лагерь. На двухмачтовый „Кондоръ", подарокъ Училищу Великаго Князя Михаила Александровича, ставилась горная пушка и онъ отходилъ отъ берега; за нимъ въ кильватерной колоннѣ „Граната", „Шрапнель", „Картечь" и другія парусныя и гребныя шлюпки. Выстрѣлъ съ „Кондора" давалъ знакъ свободнаго плаванія. На берегу стояла мачта, на которой часто поднимался сигналъ той или иной шлюпкѣ „къ берегу", когда юнкера „ловчились" забраться въ камыши, чтобы встрѣтиться съ „нимфами" озера. Непосредственное вѣдѣніе флотиліей было въ рукахъ стараго матроса **Поликарпа**, который былъ первымъ наставникомъ въ дѣлѣ парусного плаванія; зимой же онъ опекалъ арестованныхъ, исполняя обязанности сторожа у карцеровъ.

Нельзя обойти молчаніемъ нашъ лагерный буфетъ **Шувалова**, по училищному прозвищу **„Шакала"**, съ его замѣчательными

„двойными“ бутербродами *) и мороженщика по фамиліи **Родись-хлѣбъ**, съ его вкуснѣйшими сортами мороженаго и несравненнымъ пломбиромъ.

Лагерный сборъ, для насъ „козероговъ“, проходилъ въ усиленной подготовкѣ къ первой боевой стрѣльбѣ; занятія въ паркѣ при орудіяхъ шли непрерывно. На стрѣльбу младшій классъ ходилъ въ пѣшемъ строю, средній классъ давалъ орудійный, а старшій классъ — конный расчетъ.

День первой боевой стрѣльбы младшаго класса назывался „*козерожьимъ праздникомъ*“. Символически въ этотъ день у „*козероговъ*“ отпадалъ „*козерожій хвостъ*“ изъ 365 позвонковъ, и они, окрещенные первой стрѣльбой, становились уже настоящими юнкерами. Если не ошибаюсь, то съ этимъ днемъ связывалось полученіе юнкерами младшаго класса фейерверкерскаго званія. Въ день „козерожьяго праздника“ баракъ младшаго класса украшался зеленью, а въ баракѣ по койкамъ лежали, приготовленные старшими, различные сюрпризы въ родѣ карикатуръ, стихотвореній, графическихъ изображеній прозвищъ и т. д. По прибытіи со стрѣльбы младшій классъ выстраивался передъ баракомъ и командиръ батареи, въ присутствіи старшихъ юнкеровъ, поздравлялъ „козероговъ“ съ крещеніемъ. Послѣ этого всѣ, конечно, бросались въ баракъ смотрѣть приготовленные „подарки“, вызывавшіе подчасъ много смѣха; затѣмъ всѣ отправлялись на улучшенный обѣдъ.

Въ концѣ іюня или въ началѣ іюля младшій классъ увольнялся въ отпускъ. Черезъ нѣкоторое время разъѣзжался и средній классъ, а въ лагерѣ оставался одинъ старшій, въ ожиданіи производства въ офицеры.

Къ 1 сентября прибыли мы въ Училище, въ Петербургъ, уже старыми, обстрѣлянными юнкерами средняго класса и принялись усиленно за зимнія занятія и работы.

По пріѣздѣ встрѣтили насъ новости: ушелъ изъ Училища всѣми уважаемый и любимый, традиціонеръ и лихой командиръ 2-й батареи полк. **Мамонтовъ**. За свою быструю рѣчь онъ носилъ прозвище „Балалай“. Вмѣсто него батарею принялъ полк. **Леонтовскій**, командовавшій до того времени полубатареей; 4-е отдѣленіе принялъ, послѣ шк.-кап. **Ланге**, который имъ вѣдалъ очень короткое время, шт.-кап. **Кобылинъ**; 5-е отдѣленіе, вмѣсто назначеннаго завѣдывать конскимъ составомъ нашего тишайшаго и добрѣйшаго шт.-кап. Коверскаго, принялъ кап. **Купріяновъ**, полный, огромнаго роста, добрый и спокойный человѣкъ, преданный Училищу и его традиціямъ; прозвище его за вѣсъ и ростъ было „Мортира“. Въ 1-й батареѣ, вмѣсто кап. Коновалова, 1-е отдѣленіе принялъ шт.-кап. **Козловскій.**

Юнкерамъ средняго класса разрѣшалось ходить въ отпускъ въ праздникъ, наканунѣ его и въ день по своему выбору. Отпускъ съ ночевкой, зимою, разрѣшался лишь къ родителямъ; лѣтомъ же и къ тѣмъ лицамъ, заявленія которыхъ были даны объ этомъ, съ согласія родителей, въ Училище. Отпускъ до окончанія спектакля

*) Въ наше время назывались — „на два капта“ (Прим. Ред.).

разрѣшался до часу ночи; и вотъ иногда, когда юнкеру хотѣлось посидѣть у знакомыхъ подольше, прибѣгали къ помощи „контрамарки", ее получали у капельдинера „Александринки" за двугривенный и предъявляли, по возвращеніи изъ отпуска, дежурному офицеру. Конечно, не слѣдовало предъявлять контрамарку въ „постный день", когда спектаклей нѣтъ, и не слѣдовало также забывать названіе шедшей въ театрѣ пьесы.

На дверяхъ одной изъ комнатъ около „Бѣлаго" зала останавливала вниманіе надпись: редакція журнала **„Михайловецъ"**. Журналъ этотъ редактировали и издавали сами юнкера. Въ немъ сотрудничали также профессора и офицеры Академіи и Училища; печатались научныя статьи, очерки училищной жизни и другія литературныя произведенія. Въ нашу бытность редакторами журнала были: портупей-юнкера **Дудышкинъ, де-Лазари** и **Тесленко.**

Нельзя не вспомнить нашу „Донну Анну", много лѣтъ торговавшую сладостями въ кіоскѣ на плацу Училища. Всѣхъ юнкеровъ она знала или по фамиліи или по прозвищу, лично ею данному тѣмъ, кому она особенно симпатизировала; вспоминается нашъ красивый **Гриневичъ**, котораго „Донна Анна" прозвала „Груней".

Приближалось время Рождественскаго отпуска; уже нетерпѣливо считались дни и трудно становилось сдавать репетиціи, особенно въ день или наканунѣ отъѣзда. Здѣсь нѣкоторыхъ выручала возможность попросить преподавателя поставить баллъ на „честное слово"; такъ какъ къ этой просьбѣ прибѣгали очень рѣдко, то отказа не встрѣчалось, но ужъ зато юнкеръ обязанъ былъ слово сдержать и сдать репетицію послѣ Рождества такъ, какъ это ему, по поставленному баллу и данному слову, полагалось.

Безъ особенныхъ событій подошли и встрѣтили мы 1909 годъ.

1909 годъ.

Второе полугодіе учебнаго года требовало по нѣкоторымъ предметамъ напряженной работы, такъ какъ баллы за нихъ шли въ зачетъ выпускныхъ отмѣтокъ или же учитывались при окончательномъ выводѣ, а также вліяли и на будущія производства въ портупей-юнкера.

Но въ общемъ, все проходило подъ знакомъ скораго выступленія въ лагерь. Какъ всегда, походъ былъ 5 мая. Мы уже въ этомъ году шли въ орудійномъ расчетѣ. Передъ выходомъ изъ города, у Нарвской заставы, юнкерами были сдѣланы нѣкоторые запасы жидкостей въ бутылкахъ, быстро скрывшихся во вьюкахъ и кобурахъ. На большомъ привалѣ у Лигова для офицеровъ были накрыты столы, а юнкера расположились у своихъ запряжекъ, куда имъ принесли обѣдъ, во время котораго и были уничтожены взятые запасы. Это и есть тотъ единственный случай, когда Михайловцы могли выпить въ Училищѣ. Никто изъ офицеровъ, конечно, къ запряжкамъ не подходилъ, а когда это попробовалъ сдѣлать одинъ изъ только-что прибывшихъ въ Училище офицеровъ, то еще съ дороги былъ отозванъ старшими офицерами.

Во время лагернаго сбора намъ, среднему классу, на стрѣльбу пришлось всегда давать орудійный расчетъ. Всѣ другія строевыя

занятія, вмѣстѣ съ практической уборкой лошадей, ковкой и иными работами, связанными съ будущей дѣятельностью, шли своимъ чередомъ; наряды по батареѣ, по кухнѣ, по конюшнѣ и караулъ неслись юнкерами. Съемки и тактическія работы велись подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Особенно напряженно шла подготовка къ призовой стрѣльбѣ, на которую номера при орудіяхъ назначались отъ средняго класса. Стрѣльба въ этомъ году велась уже изъ орудій образца 1902 года, но безъ панорамныхъ прицѣловъ. Орудіе 2-й батареи, въ составѣ юнкеровъ **Лукинскаго, Кирсанова, Есимонтовскаго** и, если не измѣняетъ память, **Подвысоцкаго** — всѣ 6-го отдѣленія, которымъ вѣдалъ кап. Поповъ, — выбило **„фельдцейхмейстерскій призъ“.**

Баракъ младшаго класса въ день первой стрѣльбы.

Призъ этотъ состоялъ изъ золотыхъ часовъ, биноклей и особыхъ нагрудныхъ значковъ номерамъ; батарея же получила почетную доску съ изображеніемъ мишени и попаданій.

Въ этомъ году „козерожій праздникъ“ былъ отмѣченъ личнымъ участіемъ командира батареи полк. Леонтовскаго, который, послѣ прибытія со стрѣльбы, поздравилъ молодыхъ и, подъ крики „ура“, собственноручно оборвалъ *„козерожій хвостъ“*, составленный изъ 365 колпачковъ отъ дистанціонныхъ трубокъ, по числу *„позвонковъ“* хвоста, отросшихъ за годъ; баракъ былъ традиціонно украшенъ и полонъ сюрпризовъ.

Въ концѣ іюля средній классъ, разъѣхался на лѣтніе каникулы.

Сборъ юнкеровъ на зимній періодъ, въ который мы вошли уже юнкерами старшаго класса, былъ, какъ всегда, 1 сентября.

Не застали мы уже курсовымъ офицеромъ кап. Купріянова, принявшаго полубатарею; его отдѣленіе принялъ шт.-кап. **Утиловъ.**

Ушелъ полк. **Бодиско** и вмѣсто него 1-ю батарею принялъ полк. **Микеладзе**. Встрѣтили насъ: новый фельдфебель 2-й батареи Николай **Беренсъ** и старшіе портупей-юнкера Евгеній **Гарабурда** и др.

Къ торжественному дню присяги молодыхъ юнкеровъ въ этомъ году уже мы готовили конный расчетъ. Присяга происходила въ Старомъ манежѣ, передъ фронтомъ 4-хъ орудійной батареи. Послѣ присяги конный расчетъ производилъ показное „нѣмое" ученіе. Готовились къ нему усиленно; въ этотъ день манежъ всегда былъ полонъ высокихъ начальствующихъ лицъ и гостей, и въ ихъ присутствіи сдѣлать какую-нибудь ошибку было большимъ скандаломъ. Отъ капитана Попова не разъ во время подготовки приходилось слышать напоминанія объ этомъ и прибавленія неизмѣннаго выраженія его, то добродушнаго, то сердитаго, *„хрѣнъ валъ въ лобъ"*.

Однимъ изъ волнующихъ событій этой зимы было распоряженіе выпускать по 3-му разряду, т. е. вольноопредѣляющимся на шесть мѣсяцевъ, тѣхъ юнкеровъ, которые получатъ на выпускныхъ экзаменахъ неудовлетворительный баллъ по какому-нибудь предмету. Для нашего выпуска была исходатайствована отмѣна этого распоряженія.

Учебный годъ проходилъ въ самыхъ напряженныхъ занятіяхъ. Многіе такъ усиленно занимались по вечерамъ въ аудиторіяхъ, гдѣ запрещался всякій шумъ и разговоры, что дали основаніе юнкеру 4-го отдѣленія Константину **Кобордо** утверждать, что отъ температуры *„каленія"* можетъ зажечься электрическая лампочка и что въ доказательство этого имъ будетъ помѣщенъ въ *„зубрилку"* изобрѣтенный имъ-же приборъ *„зубримѣтръ"*. „Опытъ" былъ произведенъ и, къ общему удовольствію всѣхъ собравшихся передъ стеклянными дверями аудиторіи, въ томъ числѣ даже и дежурнаго по училищу офицера, электрическая лампочка зажглась и доказала правоту изобрѣтателя, остроумно использовавшаго въ приборѣ тяжесть маленькаго, подвѣшеннаго на коромыслѣ, ведрышка, въ которое постепенно набиралась вода изъ воронки.

Послѣдній разъ провели мы юнкерами Рождественскіе праздники. Грядущій годъ сулилъ намъ производство.

1910 годъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ состоялось погребеніе Великаго Князя **Михаила Николаевича**, скончавшагося въ Ниццѣ, въ декабрѣ 1909 года. Тѣло Великаго Князя прибыло въ Севастополь, куда отъ артиллерійскихъ училищъ и шефскихъ частей ѣздили депутаціи для сопровожденія гроба въ Петербургъ. Съ Николаевскаго вокзала на лафетѣ отъ 2-й Великаго Князя Михаила Николаевича батареи Гвардейской конно-артиллерійской бригады, въ сопровожденіи наряда отъ частей гарнизона и среди шпалеръ войскъ, гробъ былъ перенесенъ въ соборъ Петропавловской крѣпости. Когда лафетъ прибылъ къ собору, то **Государь Императоръ** лично, съ назначеннымъ нарядомъ, внесъ гробъ Великаго Князя въ соборъ. Въ этотъ нарядъ были назначены: 20 человѣкъ отъ 2-й Великаго Князя батареи, два юнкера Константиновскаго и два юнкера Ми-

хайловскаго училища; отъ нашего Училища въ этомъ нарядѣ привелось быть: отъ 1-й батареи юнкеру **Халютину**, а отъ 2-й батареи *мнѣ*.

Учебный годъ приближался къ концу. Послѣдній день лекцій въ Училищѣ былъ ознаменованъ традиціоннымъ „отбоемъ". Всѣ трубачи Училища во всѣхъ помѣщеніяхъ играли *„отбой"*, а въ курительной комнатѣ читался соотвѣтствующій приказъ и были развѣшены рисунки на злобу дня, стихотворенія и прочія произведенія, характеризующія событія училищной жизни. Трубачи получили за „отбой" вознагражденіе отъ юнкеровъ, т. к. сыграть сигналъ въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ, находившихся подъ запретомъ, было связано съ извѣстнымъ рискомъ взысканія. Протрубилъ намъ въ послѣдній разъ „отбой" и старшій швейцаръ, бывшій нашъ штабъ-трубачъ, прослужившій въ Училищѣ на этой должности 25 лѣтъ.

Наступила волнующая и для многихъ судьбоносная пора выпускныхъ экзаменовъ.

Она ознаменовалась еще болѣе волнующимъ и важнымъ событіемъ училищной жизни — посѣщеніемъ Училища **Государемъ Императоромъ.** Радостная вѣсть мгновенно облетѣла Училище и только выраженное **Его Величествомъ** желаніе, ничѣмъ не прерывать происходившихъ въ этотъ день экзаменовъ и общаго порядка дня, удержало всѣхъ на мѣстахъ. Обходя классныя помѣщенія, **Государь** интересовался работами юнкеровъ и выражалъ имъ пожеланіе успѣха въ предстоящихъ испытаніяхъ; тамъ же, гдѣ уже шли экзамены, **Его Величество** задерживался дольше, выслушивая отвѣты юнкеровъ. Въ моментъ отбытія **Государя** удержать кого-либо и дальше на мѣстахъ было уже невозможно — рѣшительно всѣ бросились провожать Августѣйшаго Посѣтителя. Эти восторженныя чувства, всѣхъ тогда охватившія, понятны и дороги тому, кто ихъ не разъ переживалъ и испытывалъ въ присутствіи и подъ обаяніемъ личности Государя.

Вскорѣ закончились испытанія и будущихъ офицеровъ не безпокоили больше длинныя химическія формулы и тощіе крючки интеграловъ.

Послѣдніе дни передъ выступленіемъ въ лагерь мы широко пользовались правами старшаго класса на отпускъ: въ праздникъ, наканунѣ его и два дня по выбору юнкера. Къ тому же начались уже и пріятныя хлопоты съ заказами офицерскаго обмундированія и мы охотно и много времени удѣляли поставщикамъ.

Пришло традиціонное 5 мая, когда мы, уже въ конномъ расчетѣ, выступили въ лагерь отбывать нашъ послѣдній передъ производствомъ и самый интересный сборъ. Всѣ строевыя занятія велись, главнымъ образомъ, въ полѣ, практически; почти ежедневно производились конныя ученія, развѣдка, съемки и подготовка къ стрѣльбѣ.

Стрѣльбы проходили для старшаго класса очень интересно, т. к. каждый юнкеръ долженъ былъ отбыть боевую стрѣльбу, къ которой, конечно, приступалъ не безъ трепета. Очередныя стрѣльбы офицеровъ училища проходили далеко не всегда благо-

получно и удачно, т. к. заслужившаго „подкатъ“ офицера преслѣдовали „журавли“ въ небѣ или глубоко зарывавшіеся „клевки“, не давая ему пристрѣляться. Однимъ изъ такихъ постоянныхъ „счастливцевъ“ былъ, сравнительно недавно прибывшій въ училище, шт.-кап. **Шкапскій**, особенно рьяно преслѣдовавшій юнкеровъ за шпоры. Очень рѣдко удавалось пристрѣляться и полковнику Микеладзе, несмотря на его ученые труды и статьи по теоріи стрѣльбы въ журналѣ **„Михайловецъ“**.

Приближался день Царскаго смотра. Уже не въ первый разъ намъ, отбывавшимъ лагерные сборы въ училищѣ, приходилось на немъ присутствовать, но раньше мы не участвовали въ парадѣ, куда ходилъ только конный расчетъ, а теперь это выпадало на нашу долю. Незабываемое впечатлѣніе. И теперь еще охватываетъ волненіе, когда вспоминаешь то особенное чувство, которое вливало невѣроятный подъемъ и желаніе быть наилучшимъ въ каждое живое существо въ моментъ прохожденія передъ Государемъ.

Нельзя не вспомнить маленькій эпизодъ. Обыкновенно, незадолго до дня смотра, войска лагернаго сбора собирались по тревогѣ къ Царскому валику. Одинъ изъ офицеровъ 2-й батареи случайно узналъ, когда будетъ тревога. Батарея заранѣе приготовилась и, какъ только взвилась сигнальная ракета, пошла полевымъ галопомъ къ мѣсту сбора въ полной увѣренности, что честь прибытія первыми — за ней. Каково же было разочарованіе, когда батарея застала у Царскаго валика Павловское училище, несравненныхъ нашихъ *„Павлоновъ“*, въ строю. Оказалось, что и у нихъ стало извѣстно о тревогѣ, и они, подъ прикрытіемъ темноты, блестяще произвели перебѣжку.

На призовую стрѣльбу въ этомъ году вышли съ панорамными прицѣлами. Интересно отмѣтить вліяніе этихъ точныхъ прицѣловъ на исходъ стрѣльбы. Нѣкоторыя орудія, давшія радіусъ разсѣиванія въ 17″ и расчитывавшія на призъ, зная призовыя попаданія предыдущихъ лѣтъ до 60″, такового вообще не получили. Конному расчету пришлось даже на этотъ разъ отказаться отъ традиціи прокатить домой не получившихъ приза по всѣмъ камнямъ и ухабамъ, а наоборотъ бережно ихъ доставить въ лагерь.

Посѣтилъ лѣтомъ училище Китайскій принцъ и ему 2-я батарея показывала конное ученіе въ полномъ расчетѣ батареи. Принцъ въ сѣромъ, обтягивающемъ его тоненькую фигуру, мундирѣ, сѣрыхъ длинныхъ брюкахъ, въ лакированныхъ сапожкахъ съ золотыми шпорами и въ сѣрой шапочкѣ съ золотымъ шарикомъ, подъѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи свиты русскихъ начальствующихъ лицъ и двухъ мандариновъ въ черныхъ халатахъ, съ блестящими шариками на шапочкахъ, къ строю батареи и громко произнесъ что-то въ родѣ „тра-та-та“. Только мелькнувшая шашка командира батареи вызвала дружный отвѣтъ на это „здравствуйте юнкера“. По отзывамъ лицъ свиты, ученіе подъ командой лихого командира полковника Леонтовскаго, закончившееся остановкой развернутаго строя, шедшаго широкимъ полевымъ галопомъ, передъ группой начальниковъ, было проведено блестяще и оставило отличное впечатлѣніе.

Въ этомъ же году были возобновлены состязанія въ фигурной орудійной ѣздѣ по препятствіямъ, и мнѣ пріятно вспомнить, что наша запряжка, въ составѣ: фейерверкера **А Павлова** и уносовъ — передняго **С. Базилевскаго**, средняго **Ф. Межинскаго** и корня — *меня*, не сдѣлавшая вообще никогда ни одной заступки и участвовавшая во всѣхъ церемоніяхъ и парадахъ, и на этотъ разъ взяла призъ.

Изъ обычаевъ лагерной жизни надо еще вспомнить „*собаку*“, т. е. угощеніе, которое долженъ ставить часовымъ начальникъ караула. Такъ какъ это былъ иногда расходъ весьма значительный, то нѣкоторыя отдѣленія въ теченіе года собирали средства, изъ которыхъ и оплачивалась „собака“ караульнаго начальника.

Прошла уже разборка вакансій и наступила пора маневровъ, какъ признакъ приближающагося дня производства.

5 августа, наканунѣ производства, мы вернулись съ послѣдняго ночного маневра и лихорадочно готовились къ волнующему событію слѣдующаго дня. Вечеромъ намъ, „офицерамъ“, былъ сдѣланъ Начальникомъ Училища генераломъ Вахарловскимъ пріятный сюрпризъ: лучшій военный оркестръ, Л. Гв. Финляндскаго полка, доставилъ намъ много удовольствія своимъ исполненіемъ чудесныхъ произведеній русской музыки.

Былъ исполненъ и вальсъ „*Стонъ крѣпаковъ*“, какъ въ наше время называли юнкера вальсъ „*На сопкахъ Манджуріи*“. Играли его тѣмъ тридцати юнкерамъ, которые должны были взять обязательныя вакансіи въ крѣпостную артиллерію.

Въ незабываемый для насъ день, 6 августа 1910 года, жизнь въ лагерѣ началась чуть свѣтъ. Около 9 часовъ старшій классъ училища въ строю отправился на переднюю линейку Главнаго Красносельскаго лагеря, гдѣ всѣ училища и выстроились, въ ожиданіи прибытія Его Величества.

Государь Императоръ лично поздравилъ насъ офицерами.

Трудно описать тѣ чувства, которыя волновали тогда души молодыхъ офицеровъ; ихъ ликованіе, восторгъ и горделивое сознаніе, что они вступаютъ на путь отвѣтственной службы Царю и Родинѣ, — вылилось отчасти въ громовомъ „ура“.

Необходимо отмѣтить здѣсь одну изъ традицій училища: послѣ производства всѣ остальныя училища немедленно оставляютъ строй и расходятся или разъѣзжаются по своимъ лагерямъ, лишь наше училище остается въ строю: командиры батарей командуютъ „*г. г.офицеры, направо, шагомъ, маршъ.*“ Строемъ приходитъ училище въ лагерь и, послѣ скромнаго торжества поздравленія произведенныхъ офицеровъ начальникомъ училища и командирами батарей, бросаются молодые офицеры по баракамъ, чтобы надѣть сіяющія зарею новой жизни звѣздочки.

Перевернулась тогда страница нашей жизни, но и теперь, послѣ многихъ лѣтъ, лѣтъ тяжелыхъ испытаній, страница эта также свѣтла, также наша душа согрѣта чувствами неизмѣнной любви и преданности къ нашей выдающейся во всѣхъ отношеніяхъ школѣ — **Михайловскому Артиллерійскому Училищу**, и также крѣпка наша вѣра, что вспыхнетъ снова яркимъ огнемъ, теперь намъ символически сіяющій, **вензель “М“ съ Короной**.

Борисъ Авдѣевичъ Долгово-Сабуровъ
капитанъ, выпуска 1911 года.
С.-Франциско.

ПРИВѢТЪ КЪ 110-й ГОДОВЩИНѢ.

Твое рожденье, Твой юбилей въ сто десять лѣтъ справляю я, Училище родное, на берегахъ чужихъ... за тридевять земель.

Я шлю Тебѣ привѣтъ, желаю возрожденья.

О, какъ хочу увидѣть вновь Тебя и вспомнить все, что было... и пережить опять тѣ лучшіе года, ту молодую радость, которая ушла навѣки,... навсегда!

Юнк. Б. А. **Сабуровъ,** вып. 1911 г.

Но это лишь мечты. Я не могу вернуться въ далекія, теперь чужія,... странныя мѣста, на берега Невы, которая одна на фонѣ буйныхъ лѣтъ, осталась неизмѣнною и гордой, какъ тогда.

И развернувъ альбомъ, мой спутникъ постоянный, я вспоминаю...

И вижу вновь фасадъ, смотрящій свысока въ просторъ Невы широкой, и уходящій вдаль Литейный длинный мостъ и плацъ съ десяткомъ чахлыхъ ольхъ и небольшой аллейкой, гдѣ я гулялъ съ учебникомъ въ рукахъ.

Вотъ, пушки, входъ и лѣстница крутая ведетъ на верхъ... площадка, телефонъ и мѣсто для „мосье“ (а можетъ быть и нѣмца?), который бралъ перчатки и чистилъ ихъ... за гривенникъ всего.

А дальше... залъ, въ немъ лѣстница стояла,... турникъ... шесты, висѣли кольца, лежалъ матрацъ, чтобы смягчать паденье, упавшихъ невзначай. Отсюда... дверь къ „дежурной“, куда являлся я, чтобъ отпускъ получить иль выслушать разносъ отъ капитана „Моро“.

Налѣво... „дѣтская“, въ четыре ряда койки, портреты по стѣнамъ героевъ прежнихъ лѣтъ, заслуженныхъ усатыхъ генераловъ, въ медаляхъ и крестахъ.

Здѣсь коротали время... и „ставили собаки“ (халву и шоколадъ), что набирали въ долгъ у „нашей донны Анны“, хохлушки среднихъ лѣтъ.

Тутъ... камора для младшихъ, тутъ для старшихъ, а дальше... „камеры“ для всѣхъ: для модниковъ и франтовъ въ собственныхъ мундирахъ, покроя „чортъ меня возьми“, съ рейтузами, прилипшими въ обтяжку и съ сапогами отъ „Гозе“; для безпокойныхъ, нерадивыхъ и тѣхъ, кто на Морской, во мглѣ нависшаго тумана не вдругъ могучую „Мортиру“ различилъ, съ усмѣшкой бросившаго взоръ на кожаный темлякъ и шпоры.

А вотъ... красавецъ, изящный „Бѣлый залъ“, нарядный, какъ невѣста, слѣпившій тысячью блистающихъ огней,... рояль въ углу, вдоль стѣнъ — портреты, скамейки мягкія, турникъ,... на немъ Оскаръ, а можетъ Отто? даетъ урокъ: „Ви дэлай такъ“!

Внизъ... лѣстница, ведущая къ столовой, — печальный эпизодъ случился здѣсь со мной, — я до звонка къ обѣду тихо крался, чтобъ первому въ столовую попасть, какъ вдругъ, лицомъ къ лицу, наткнулся... на „Шабаку“.

Вотъ классы... длинные столы, зеленые большіе абажуры,— они уютъ вносили, — и было такъ пріятно и тепло, закрывшись съ головой, въ нихъ помечтать... А иногда, раскрывши книгу, разлечься на столѣ: надменный видъ бездушныхъ интеграловъ въ унынье приводилъ, глаза слипались; я свѣтъ тушилъ и, абажуръ спустивши, подъ нимъ дремалъ до чаю, подъ болтовню и шутки юнкеровъ.

А лекціи! Среди учителей, талантливыхъ и заслужившихъ имя, я вспоминаю многихъ... **Ипатьевъ** и **Сапожниковъ**, солидные мужи, въ трудахъ скрѣпленные другъ съ другомъ такъ прочно, какъ сахаръ и вода въ загадочной глюкозѣ, какъ... „О“ съ „Ашъ два“ въ молекулѣ воды.

Полковникъ **Гродскій**, **Гнучевъ**... влюбленные друзья, постигшіе всю глубину науки, всю прелесть функцій, стремящихся къ нулю, какъ къ своему далекому, далекому предѣлу. Меня они не поняли и разговоръ со мной вели обычно кратко, голосомъ въ которомъ слышалась глубокая тоска. „Чушь! Ахинея! Вздоръ!“— вотъ тѣ слова, подъ звукъ которыхъ „плавалъ“ я, стараясь разгадать предѣлъ для „Пси большого“.

И вспоминается блестящаго ума и рѣдкихъ знаній **Петровичъ** старшій, его чудесная манера говорить и рѣдкій даръ такъ ясно излагать, что даже я — „крѣпакъ на грани“, — могъ понимать и чувствовать и даже осязать секретъ... „кривыхъ второго рода“.

Серьезный химикъ, съ тонкимъ теноркомъ *„моолекула“* **Бѣляевъ; Семека,** штатскій душка, влюбленный въ Пушкина и не дурной ораторъ; священникъ **Альбовъ...** онъ часто говорилъ о безутѣшномъ львѣ, ронявшемъ слезы надъ трупомъ человѣка, пустынника-аскета.

Бѣляевъ, но другой — артиллерійскій тактикъ... полковникъ былъ тогда... незаурядный лекторъ! На лекціяхъ его едва хватало мѣста. Въ волненіи мы слушали, какъ онъ разсказывалъ

о подвигахъ и жертвахъ, о бояхъ въ Японскую войну и... о жестокихъ, но заслуженныхъ урокахъ.

Полковникъ **Майдель,** пылкій и живой... и видный, статный **Микеладзе,** они могли донять меня почти до слезъ „кривой Персена", которая, какъ думается мнѣ, была не очень ясна ея создателю — ученому французу.

Чудакъ полковникъ **Лоренцъ,** передъ отвѣтомъ на доскѣ — всегда удачнымъ — мы къ дочери его... вдругъ загорались страстью и посылали ей цвѣты, и шоколадъ, и... клюкву въ сахарѣ. Никто не видѣлъ эту дочку и не зналъ, но каждый проявлялъ о ней всегдашнюю заботу и о ея здоровьи — мы все пеклись и... съ папой жили въ мирѣ.

На маневрахъ: „вольно— оправиться" на позиціи. (Пушка обр. 1902 г.).

И многіе другіе проходятъ предо мной... вотъ длинный *„Гвоздь",* гроза для слабонервныхъ, на генераторѣ запутавшій меня въ конецъ. На лекціяхъ его, — тягучихъ и унылыхъ, какъ панихида въ ненастный и дождливый день, — такъ спать хотѣлось!

Профессоръ **Корольковъ,** похожій на іерея съ большимъ приходомъ въ уѣздномъ бойкомъ городкѣ.

„Его Превосходительство" ветеринаръ, магистръ и докторъ **Лавриновичъ,** былъ нервенъ, совсѣмъ какъ мышь, попавшая въ ловушку. Малѣйшій шумъ его тревожилъ, а яркій свѣтъ отъ лампъ могъ вызвать вспышку гнѣва. На репетиціяхъ его мы двигались, какъ тѣни, въ неясномъ мягкомъ свѣтѣ китайскихъ фонарей изъ розовой бумаги, что къ репетиціямъ готовили его.

Василій Тимофеичъ!.. нашъ генералъ!.. какъ дубъ столѣтній, кряжистый и крѣпкій, очаровательный чудакъ! Разставивъ ноги, и руки заложивъ назадъ иль за сюртучный бортъ, въ занятной рѣчи онъ жаловался намъ, что измѣнились люди, что *„юнкеръ ужъ не тотъ".*

Полковникъ **Леонтовскій...** (я „Балалайку“ не засталъ) простакъ, упрямецъ, милѣйшій человѣкъ, по виду — типъ забубеннаго казака-запорожца, съ усами длинными, свисавшими на ротъ.

— „А не угодно ли!“ — генштабъ полковникъ **Шильдбахъ,** надушенный „моментъ“ и безупречный франтъ, онъ тактику читалъ. Въ Германскую войну, какъ слышалъ я потомъ, командуя полкомъ... Лейбъ-Гвардіи Литовскимъ, онъ оказался доблестнымъ, умѣлымъ офицеромъ и заслужилъ почетъ...

И многое другое, я вспомнилъ о Тебѣ, Училище мое... Безъ муштры, и безъ лишняго стѣсненья, безъ лишней строгости, въ Твоихъ стѣнахъ велась серьезная работа для подготовки вѣрныхъ слугъ, „отличныхъ офицеровъ“, — защитниковъ Россіи въ ея невзгоды часъ...

Ты укрѣпляло въ нихъ понятіе о долгѣ и научило ихъ достоинство блюсти, не выходить изъ правилъ чести, поддерживать традиціи Твои — заботиться о томъ, чтобъ имя юнкера **Михайловца-артиллериста** примѣромъ было всѣмъ...[1]).

Къ 25-му ноября 1937 г.[2])

И сегодня, какъ раньше, мы собрались семьей, чтобы вспомнить далеко ушедшее: милыхъ сердцу людей, молодую безпечную радость, и пріютъ и забаву родного гнѣзда, гдѣ мелькнули счастливые, лучшіе годы.

Зовы прошлаго сильны... и межъ нами и тѣ, кто бѣжалъ отъ людей и отъ свѣта, — на сегодня они измѣнили себѣ и пришли. Здѣсь питомцы далекихъ годовъ той единственной школы, что дала многихъ доблестныхъ воиновъ и... почтенныхъ, ученыхъ мужей — гордость нашей науки. И питомцы послѣднихъ часовъ, дѣти въ юнкерской формѣ, очевидцы кровавыхъ безумствъ и... заката Училища зрители. Всѣ пришли; не взирая на возрастъ, на дальность, разницу вкусовъ, различье въ трудѣ. Здѣсь не сборище лицъ, не случайная встрѣча за пищей... И при полномъ несходствѣ, мы одинъ общій признакъ имѣемъ, то — печать нашей школы. Ею мы скрѣплены и въ единствѣ другъ къ другу приближены.

И сегодня, въ 117-й годъ зарожденья, мы почтимъ юбиляра, припомнимъ былое, и прочтемъ подивясь, какъ вѣрны, три строки изъ альбома:[3])

„Тамъ стѣны, воздухъ — все пріятно!..
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминанія о томъ, что не возвратно!“...

---

1) Это звучное „стихотвореніе въ прозѣ“ уже было напечатано въ „Артил. журналѣ“ за 1930 годъ, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи опять напечатать его, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ внесъ нѣкоторыя исправленія.

2) Это привѣтствіе, написанное въ С.-Франциско Б. А. Долгово-Сабуровымъ, случайно тамъ, за обѣдомъ, не было прочтено...

3) Стихъ Грибоѣдова, помѣщенъ подъ жетономъ на первой страницѣ Альбома видовъ Училища — изд. 1909 г. (*Ред*).

Алекс. Ник. Щербининъ
шт.-капитанъ, выпуска 1913 г.

НАШЪ БАЛЪ.

25 ноября 1912 года, въ день своего Училищнаго праздника, Михайловцы устраивали балъ.

Каждый годъ на нашъ праздникъ со всѣхъ концовъ Россіи съѣзжались въ Петербургъ многіе офицеры-артиллеристы, бывшіе питомцы Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, чтобы присутствовать на этомъ праздникѣ. Пріѣзжіе гости обходили все помѣщеніе столь дорогого имъ и ихъ Училища, радостно вспоминая то счастливое время, когда и они были юнкерами и они жили и учились здѣсь также, какъ вотъ эти юнцы, встрѣчающіеся имъ всюду въ ихъ гимнастеркахъ защитнаго цвѣта. Особенно много въ этотъ день было заслуженныхъ генераловъ, мундиры которыхъ были украшены множествомъ боевыхъ орденовъ и появленіе этихъ стариковъ-Михайловцевъ въ нашихъ каморахъ невольно вызывало въ насъ нѣкоторый трепетъ, но эти добрѣйшіе старики просто и мило здоровались съ нами, какъ со своими пріятелями, обнимая и цѣлуя близъ стоящихъ къ нимъ юнкеровъ, также мило бесѣдовали съ нами, были въ весьма радостномъ настроеніи, указывали другъ другу на кровати, которыхъ и они когда-то были хозяева; вспоминали и тѣ дни, когда и они сидѣли въ карцерѣ и оттуда въ окно любовались весь день подъѣздомъ Финляндскаго вокзала и т. д. и т. п. Вотъ теперь каждый изъ насъ понимаетъ радость тѣхъ, болѣе счастливыхъ — чѣмъ мы, Михайловцевъ.

А. Н. Щербининъ
(Юнк. ср. кл., V отд.; 2-й батарей — 1912 г.).

Ко дню своего бала всѣ юнкера готовились двѣ недѣли, украшая обширное помѣщеніе Училища.

Трудно описать всё то, что отличало этотъ торжественный день отъ нашихъ повседневныхъ буденъ, — это надо видѣть, чтобы представить себѣ ту талантливость Михайловцевъ, которой восхищались присутствующіе на этомъ балу.

Итакъ, съ 8 час. вечера начали съѣзжаться къ Михайловскому Артилерійскому Училищу приглашенные гости; главный подъѣздъ былъ соотвѣтствующе задрапированъ и украшенъ нашимъ иниціаломъ, который ярко сіялъ отъ составлявшихъ его электрическихъ лампочекъ, а кромѣ того съ противоположной стороны рѣки Невы, какъ говорили изъ Пулковской Обсерваторіи, весь фасадъ училища освѣщался ослѣпительными лучами сильнаго прожектора, что придавало торжественный видъ этой части нашего зданія, которое было отлично видно съ другого конца Литейнаго моста; особенно величественными казались на фонѣ, освѣщеннаго прожекторомъ зданія, всѣмъ намъ знакомыя четыре бронзовыя пушки, украшавшія собою изстари главный фасадъ зданія академіи и училища. Это тѣ самыя пушки, у которыхъ мы такъ любили сидѣть во время отдыха на послѣобѣденной прогулкѣ. Мы всѣ знали, что эти пробабушки русской артиллеріи въ свое время весьма удачно усмирили мятежъ „декабристовъ". Гдѣ-же Вы теперь — эти славныя и дорогія всѣмъ Михайловцамъ пушки?.. Очень жаль, что въ Ваше время Васъ видимо было не такъ много, — иначе не страдала бы никогда наша невиноватая Россія, да и Вы — безмолвные памятники артилерійской вѣрности Царю и Родинѣ до сей поры отдыхали бы на Вашихъ пьедесталахъ, украшая собою, достойныя Васъ Михайловскія Академію и Училище!..

Длинная вереница санокъ и автомобилей тянулась къ нашему парадному подъѣзду, подвозя приглашенныхъ на балъ, которые по широкой ковровой дорожкѣ входили въ вестибюль, у входныхъ дверей котораго важно стояли два швейцара въ своихъ парадныхъ ливреяхъ съ булавами въ рукахъ, а тамъ дальше суетились трубачи, желая услужить каждому вошедшему гостю.

По лѣстницѣ, ведущей на второй этажъ, стояли шпалерами юнкера, а при входѣ въ классный корридоръ академіи оба фельдфебеля училища преподносили каждой дамѣ букетъ живыхъ цвѣтовъ, а барышнямъ бутоньерки такихъ же цвѣтовъ. Эти цвѣты были выписаны изъ Ниццы на средства, собранныя юнкерами между собою. Дивныя, мохровыя гвоздики своимъ ароматомъ наполнили все помѣщеніе училища, а владѣтельницамъ ихъ придавали еще болѣе праздничный видъ и настроеніе. Каждый юнкеръ встрѣчалъ здѣсь свою даму и слѣдовалъ съ нею дальше, стараясь до открытія бала, познакомить свою спутницу съ тѣмъ убранствомъ помѣщенія училища, которое такъ пріятно отмѣчало сегодняшній, праздничный день.

Въ одной изъ академическихъ аудиторій былъ устроенъ дивный зимній садъ, прохладный, съ широкими аллеями, освѣщенный какъ бы луною и даже въ этомъ саду щебетали и пѣли птички, — это гдѣ-то въ соснахъ были подвѣшены двѣ клѣтки съ канарейками, которыя здѣсь весьма охотно пѣли. Въ чертежной аудиторіи академіи была устроена комфортабельная гостинная.

Малый залъ, какъ мы его называли—академическій, былъ уже готовъ къ танцамъ, сверкая своимъ бальнымъ паркетомъ. Въ этомъ залѣ офицеры-академики устраивали почти каждое воскресеніе свои танцевальные вечера, а мы — юнкера — иногда съ завистью посматривали на танцующихъ изъ своего безконечнаго корридора, направляясь часовъ въ 10 вечера изъ какой-либо „калилки“ или „мертвецкой“ въ свои каморы на ночлегъ.

И сегодня нашъ „безконечный корридоръ“ не измѣнилъ своего вида, развѣ только казался еще безконечнѣе при болѣе медленномъ прохожденіи его подъ руку со своей дамой. Въ концѣ этого корридора, большая проходная комната или залъ, какъ уже ее правильнѣе назвать не знаю, откуда идетъ входъ въ нашу церковь и кабинетъ начальника училища, она всегда была ничѣмъ не занята, сегодня же и она принаряжена, представляя изъ себя гостинную.

А вотъ и нашъ широкій классный корридоръ; позволю и себѣ здѣсь остановиться дольше, такъ какъ всѣ наши гости именно здѣсь то и задерживались, — центромъ ихъ вниманія была панорама „Кавказъ“. Я не ошибусь, утверждая, что ни одинъ изъ столичныхъ театровъ на своей сценѣ не представилъ бы такъ естественно ущелья кавказскихъ горъ, какъ это изобразили юнкера-Михайловцы въ этой панорамѣ. Одна изъ классныхъ комнатъ и была въ это время какъ бы сценой, на которую публика могла смотрѣть изъ корридора. Всѣ гости весьма долго и съ большимъ удивленіемъ и восхищеніемъ любовались нашимъ „Кавказомъ“, гдѣ открывался видъ на темное ущелье высокихъ горъ, верхушки которыхъ, слегка покрытыя снѣгомъ, еще освѣщались лучами заходящаго солнца; внизу же, уже въ полумракѣ, надъ обрывомъ, видны были силуэты трехъ горцевъ въ ихъ пушистыхъ папахахъ и длинныхъ буркахъ: двое сидѣли, а одинъ стоялъ у костра, всматриваясь куда то въ даль; слабое пламя этого костра временами освѣщало весьма естественныя позы этихъ горцевъ. Этотъ, какъ бы живой огонекъ и вызывалъ въ зрителѣ недоумѣніе, — дѣйствительное ли это пламя костра или мастерски изображенное, — второе и было правильнымъ. Костеръ былъ искуственный: — подъ хворостомъ находилась оранжеваго цвѣта электрическая лампочка и прилѣпленныя тамъ же соотвѣтственныя полоски папиросной бумаги, изображавшія огненные языки, выбивающіеся изъ-подъ хвороста, которыя, при помощи вентилятора, колыхались подобно огню костра, въ чемъ издали зрителю дѣйствительно было трудно разобраться.

Японскій посланникъ, который намъ былъ весьма симпатиченъ въ его богатомъ парадномъ мундирѣ, при его японскомъ ростѣ, такъ онъ отъ нашего „Кавказа“ пришелъ въ неописуемый восторгъ и, забавно говоря по-русски, отдалъ должное талантливости юнкеровъ-Михайловцевъ.

Всѣми, безъ исключенія, смотрѣвшими эту дивную панораму, чувствовалось, что изъ ущелья вѣетъ на нихъ прохладнымъ, какъ бы сырымъ воздухомъ. Совершенно вѣрно Эту тонкость впечатлѣнія на зрителя предвидѣли творящіе этотъ „Кавказъ“, для чего за полотнищемъ задняго плана и были открыты всѣ четыре форточки въ окнахъ этого класса.

Великій Князь **Сергѣй Михайловичъ,** въ сопровожденіи ген. Чернявскаго, ген. Карачана и другихъ, долго и молча любовался „Кавказомъ", затѣмъ, обращаясь къ своей свитѣ, сказалъ: *„талантливы наши Михайловцы"*.

Другая панорама Египетской пустыни была представлена тоже художественно; здѣсь также играло главную роль удачно подобранное и изображенное красками освѣщеніе, передавая зрителю характерность колорита африканской пустыни, съ ея пирамидами и двумя тощими пальмами вдали необъятнаго простора сыпучихъ, раскаленныхъ солнцемъ песковъ.

Третья классная комната въ этомъ же корридорѣ была преображена въ „китайскую комнату", которая вся, съ потолкомъ вмѣстѣ, была затянута дивными коврами, съ низкими, тоже ковровыми тахтами и подушками для сидѣнія и всюду были развѣшены, освѣщающіе эту комнату, китайскіе фонари, а посреди ея красовался, мастерски украшенный живыми цвѣтами, фонтанъ изъ духовъ, ароматомъ которыхъ была пресыщена эта, весьма уютная, гостинная, украшенная еще громадными китайскими вазами, наполненными живыми цвѣтами. Устройство этой „китайской комнаты" было поручено какому-то мебельному магазину.

Поруч. **А. Н. Щербининъ.** (1918 г. — Лет.-наблюдат. XXVII Корп. авіац. отр.)

Въ этомъ же корридорѣ, по концамъ его, величественно красовались 6-дм. орудія, сдѣланныя юнкерами изъ картона и эта ихъ картонность дамами выяснялась весьма нелегко, — они дѣйствительно были сработаны мастерски. Но особенно заинтересовала всѣхъ гостей 10-дм. мортира, занимавшая своей громоздкой установкой, почти всю площадку между „Бѣлымъ заломъ" и каморами юнкеровъ I батареи; здѣсь все время наблюдались группы зрителей, въ числѣ которыхъ было много старыхъ артиллеристовъ, любовавшихся и детально осматривавшихъ эту талантливую и весьма сложную работу юнкеровъ; все вѣдь было сдѣлано изъ картона, но размѣры и всѣ детали этихъ трехъ орудій были выполнены точно въ ихъ натуральныя величины.

Открыты для публики были и камеры юнкеровъ II батареи, гдѣ наши кровати стройно стояли подъ спеціальными бѣлыми покрывалами съ громадными, почти во всю кровать, красными вензелями нашего погона, что, конечно, придавало этимъ каморамъ весьма нарядный видъ.

А вотъ еще не лишнимъ будетъ упомянуть объ избушкѣ: это кіоскъ, тоже сдѣланный изъ картона, художественно выполненный въ русскомъ стилѣ, изъ котораго гостямъ предлагались прохладительныя напитки. Кіосковъ этого назначенія было три, но я хорошо запомнилъ вотъ эту небольшую русскую избушку, которая гостямъ такъ нравилась, что она одна привлекала къ себѣ всѣхъ жаждущихъ, въ виду чего два юнкера, обитатели на сей вечеръ этой замѣчательной избушки, просто, какъ говорится, сбились съ ногъ, едва успѣвая — обязательно черезъ единственное окошечко съ расписными ставеньками — угощать жаждущихъ вкуснымъ сравнительно холоднымъ, лимонадомъ.

Наконецъ, грянулъ оркестръ военной музыки, своимъ воодушевляющимъ маршемъ, ровно въ 9 час. вечера, призывая гостей на танцы, первымъ изъ которыхъ былъ полонезъ (муз. Огинскаго) — этотъ танецъ и его музыка до сихъ поръ сохранились въ моей памяти; въ первыхъ двухъ парахъ шествовали важно съ своими дамамм оба фельдфебеля нашего Училища, открывая балъ, а за ними, также граціозно выступала цѣлая колонна танцующихъ. Сколько граціи и красоты въ этомъ старинномъ, традиціонномъ для большого бала, танцѣ; не то, что въ нынѣшнее время!

Итакъ, балъ начался. Все какъ-то сразу оживилось. Пара за парой носятся въ вихрѣ вальса, но не въ силахъ пройти полнаго тура въ нашемъ громадномъ „Бѣломъ залѣ“. Блестящіе офицерскіе мундиры всѣхъ родовъ оружія и нарядные дамскіе туалеты, все это въ танцахъ сливалось въ общую картину рѣдкаго зрѣлища. Да, — любоваться въ то время было чѣмъ.

Великій Князь **Сергѣй Михайловичъ** долго стоялъ съ своей свитой и съ восторженнымъ лицомъ, при Его выгодномъ ростѣ, обозрѣвалъ весь Бѣлый залъ, наполненный танцующей веселой молодежью. Нашъ высокій Гость и Хозяинъ тоже любовался. Бѣлый залъ, второй въ Петербургѣ по размѣрамъ своей площади, вмѣщалъ большую часть танцующихъ, а другая часть танцевала въ меньшемъ, академическомъ залѣ, при второмъ оркестрѣ тоже военной музыки.

На нашемъ балу присутствоваи, какъ я уже упоминалъ, Великій Князь **Сергѣй Михайловичъ**, со своей свитой, затѣмъ почти весь генералитетъ и адмиралитетъ столицы, представители всѣхъ иностранныхъ посольствъ, а также представители всѣхъ военныхъ училищъ и женскихъ институтовъ и приглашенные юнкерами гости, — словомъ всего было гостей около 5 тысячъ. Нетанцующіе гости, сидя въ Бѣломъ залѣ, любовались танцующими, дополняя собою общую красоту столичнаго большого бала. Принявъ во вниманіе богатое освѣщеніе зала его четырьмя громадными люстрами, со множествомъ яркихъ лампіоновъ, и весьма нарядныхъ уже пожилыхъ и заслуженныхъ сидѣвшихъ тамъ гостей, читатель ясно представитъ ту красоту, которую можно видѣть на балахъ, подобныхъ нашему.

Наконецъ, дошло время и до котильона, чего обычно такъ ожидаютъ танцующія дамы, которымъ ихъ кавалеры преподносятъ прекрасный котильонный значекъ въ видѣ жучка, бабочки и

пр. въ память настоящаго бала. Вотъ здѣсь еще разъ наши милые гости убѣдились въ мастерствѣ, изобрѣтательности и искреннемъ желаніи хозяевъ бала доставить имъ истое удовольствіе и восхищеніе отъ этого вечера. Юнкера, въ лицѣ присутствующихъ на ихъ балу, какъ-бы благодарили этимъ, всѣхъ вообще за тѣ симпатіи, которыми издавна пользовались Михайловцы въ обществѣ русскихъ людей всей Россіи.

Въ разгаръ этого танца, изъ двери Бѣлаго зала, со стороны II батареи, медленно выѣзжаетъ отлично сдѣланный изъ картона броневой автомобиль въ полномъ своемъ вооруженіи, — дойдя до середины зала, даетъ залпъ изъ двухъ своихъ орудій, направленныхъ высоко въ противоположный уголъ зала; моментъ легкаго испуга отъ выстрѣла смѣнился удивленіемъ и восторгомъ гостей и, подъ громъ аплодисментовъ, изъ обстрѣленнаго угла зала, медленно спланировалъ пораженный аэропланъ, спускаясь на середину зала. Всѣмъ стало ясно, что этотъ аэропланъ принесъ танцующимъ на своихъ крыльяхъ множество разнообразныхъ котильонныхъ значковъ. Отважный броневикъ, сдѣлавъ свое артиллерійское дѣло, вернулся во-свояси, а всѣмъ танцовавшимъ дамамъ ихъ кавалеры преподнесли по одному и по два, въ зависимости отъ ловкости кавалера, значка, снятаго съ только что сбитаго непріятельскаго аэроплана. Опорожненный аэропланъ убирается и начатый танецъ продолжается; всѣ веселы, лица ихъ сіяютъ, они довольны только что случившимся неожиданнымъ для нихъ событіемъ.

Этотъ небольшой и тоже картонный аэропланъ былъ еще наканунѣ бала подвѣшенъ въ самомъ углу высокаго потолка зала и, конечно, не былъ даже и замѣченъ гостями, а если кто и видѣлъ его, то не зналъ его назначенія, что и произвело на всѣхъ соотвѣтствующее впечатлѣніе. Цѣлая система точно размѣренныхъ веревочекъ и дала возможность этому аэроплану плавно спланировать точно на середину зала. Удачей этого планированія всѣ мы были весьма довольны, такъ какъ веревочки были тонкими, за прочность ихъ никто не ручался А въ бронированный автомобиль былъ запрятанъ юнкеръ безъ сапогъ, который и везъ безшумно по скользящему паркету этотъ автомобиль: юнкеръ былъ невидимъ для публики, такъ какъ броня автомобиля закрывала его ноги.

Въ нашей столовой былъ устроенъ буфетъ съ весьма разнообразнымъ и богатымъ угощеніемъ, а кромѣ того, въ одномъ изъ классовъ широкаго корридора находилась, какъ мы ее называли, „сладкая комната“, гдѣ гостямъ предлагались свѣжіе фрукты, пирожныя, конфекты и пр.

Всюду царилъ образцовый порядокъ, благодаря умѣлой распорядительности юнкеровъ, роли которыхъ заранѣе были распредѣлены; всюду наши гости встрѣчали вниманіе и радушіе юнкеровъ-хозяевъ.

Конецъ бала предполагался въ 1 часъ ночи, но начальникъ нашего Училища ген.-м. **Карачанъ**, по просьбѣ нашихъ фельдфебелей, продлилъ веселье до 2-хъ часовъ ночи, послѣ чего, подъ звуки марша, гости начали расходиться, а любители танцевъ

даже и подъ этотъ маршъ успѣли протанцовать еще одинъ вальсъ, чѣмъ и закончили нашъ балъ.

Юнкерамъ было разрѣшено проводить своихъ дамъ до ихъ дома.

Занятій на слѣдующій день, кромѣ дежурствъ, никакихъ не было и мы весь этотъ день отдыхали и дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями нашего бала, а вечеромъ на повѣркѣ юнкеровъ присутствовалъ Начальникъ Училища, котораго наши фельдфебеля, отъ лица всѣхъ юнкеровъ, благодарили за доставленное имъ вчерашнее удовольствіе, а Его Превосходительство благодарилъ своихъ юнкеровъ и отъ имени Генералъ-Инспектора Артиллеріи — Великаго Князя **Сергѣя Михайловича** за тотъ образцовый порядокъ и за ту работу, которую юнкера показали на вчерашнемъ праздникѣ и балу.

Полк. **Ник. Фердин. Рафаловичъ,** завѣд. обуч. въ Акад. офиц.—1904.

При описаніи бала, попутно мнѣ вспомнились всѣ три года, проведенные въ Училищѣ. Это были самые счастливые годы жизни моей и моихъ однокашниковъ, такъ какъ вскорѣ вспыхнула Великая Война, съ ея увѣчьями, неволею и смертью, но на это мы не роптали, мы знали, что страдаемъ, защищая Вѣру, Царя и Отечество, и дѣйствительно русскіе артиллеристы съумѣли врагу показать свою храбрость, талантъ и знанія, что явно признала, еще воюя съ нами, Германія (изъ записокъ начальника нѣмецкаго Главнаго Генеральнаго Штаба генерала Людендорфа). Артиллеристы умѣли быть лучшими на своихъ балахъ и первыми въ бояхъ, чѣмъ всѣ мы обязаны своему, воистину славному и дорогому, Михайловскому Артиллерійскому Училищу.

Великія и тяжкія испытанія выпали на долю нашей одинокой и несчастной Россіи, но Богъ милостивъ и эти страданія сердобольнаго русскаго народа близятся къ концу. Россія, наша Царская, Великая, богатая Россія скоро опять будетъ такой же, а мы — **Михайловцы** приложимъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы, дорогое намъ, наше **Михайловское Артиллерійское Училище** было возстановлено на томъ же самомъ мѣстѣ, съ тѣми же нашими порядками и традиціями и съ тѣми же отличными знаніями и балами.

Въ этомъ и будетъ цѣль дальнѣйшей жизни стараго Михайловца.

****

Всеволодъ Евг. Милодановичъ
шт.-капитанъ; выпуска 1912 года.

ГЕН. С. Л. МАРКОВЪ ВЪ МИХ. АРТ. УЧИЛИЩѢ.

Въ 1911 году въ старшемъ классѣ Михайловскаго Училища былъ впервые введенъ курсъ Исторіи русской арміи. Преподавателемъ былъ приглашенъ **Марковъ.** Мы увидѣли худощаваго, весьма элегантнаго подполковника генштаба, съ рѣзкими движеніями, съ нервнымъ и блѣднымъ лицомъ. Эту блѣдность еще болѣе подчеркивала черная бородка и черный сюртукъ, который носился въ генштабѣ „тоннягами". И Марковъ казался такимъ „тоннягой", типичнымъ „моментомъ", съ котораго Егоръ Егоровъ могъ-бы писать портретъ своего „полковника Миноносцева". Всѣ его манеры, жесты, выраженія, все отвѣчало такому представленію и вносило диссонансъ въ атмосферу Михайловскаго Училища. Онъ и былъ „констоперъ" и не имѣлъ ничего общаго съ духомъ и традиціями нашего „заведенія", ими не интересовался и называлъ насъ „военнымъ" училищемъ, что „противорѣчило существовавшимъ законоположеніямъ" и задѣвало почти-что всѣ 100% слушателей. Отношенія между новымъ преподавателемъ и аудиторіей не приняли поэтому сердечнаго характера.

Предметъ былъ новый, въ программу его всунули съ трудомъ; для лекцій объединяли нѣсколько отдѣленій въ химической аудиторіи. Читалъ Марковъ очень хорошо (это признавали и наиболѣе убѣжденные химики и математики), хотя и не могъ соперничать въ краснорѣчіи съ ген. **С. Т. Бѣляевымъ** или съ с. с. **Семекой.** Химическая аудиторія дала одинъ изъ поводовъ къ тому, чтобы была затронута святая святыхъ правовѣрныхъ „михайловцевъ".

Передъ лекціей Маркова читалъ свою ген. **Ипатьевъ** и нагромождалъ вокругъ себя такое множество химическихъ препаратовъ, что лаборанты не успѣвали въ теченіе перерыва очистить поле для „генеральнаго штаба". Марковъ приходилъ въ ярость.

„Уберите эти колбы!" кричалъ лаборантамъ, и съ отвращеніемъ въ лицѣ хваталъ самъ какой-нибудь предметъ и отбрасывалъ его подальше отъ себя.

„Это называется военное училище!" восклицалъ, обращаясь къ юнкерамъ: „Восемь часовъ химіи въ недѣлю! А для военной исторіи нашелся только одинъ часъ въ двѣ!.."

Хотя химія и не пользовалась популярностью, все же большинство видѣло въ заявленіи новаго лектора „покушеніе къ ниспроверженію".

„Не зубрите!" продолжалъ Марковъ: „Вы гонитесь за отмѣтками и тотъ, кто имѣетъ средній балъ на 0,1 больше, чѣмъ другой,

считаетъ себя умнѣе его! Вздоръ! Ваше старшинство не останется навсегда, жизнь передѣлаетъ все! Я кончилъ военную академію хоть и по 1-му разряду, но безъ права преподованія въ военныхъ училищахъ. И вотъ — читаю лекціи не только у Васъ, но и въ той-же военной академіи!"

„И я когда-то смотрѣлъ на вещи такъ, какъ теперь смотрите вы: я кончилъ артиллерійское... Константиновское Училище („хорошо, что хоть поправился!" ядовито шептали юнкера, не признававшіе за константиновцами званія артиллеристовъ) и могъ бы выйти въ офицеры безъ дополнительнаго курса. Но нѣтъ-же!.. Старшій портупей-юнкеръ... остался на дополнительный. Я былъ бы уже полковникомъ, если бы не сдѣлалъ этой глупости!"

Химическая аудиторія. (Свящ. о. Григорій Петровъ и выпускъ 1896 г.).

Въ желаніи Маркова „быть уже полковникомъ" публика усматривала дерзость: вѣдь ему было всего 35 лѣтъ! Это отсутствіе скромности и было тѣмъ, что раздражало большинство юнкеровъ. По общему мнѣнію, Марковъ долженъ бы былъ быть счастливъ, что удостоился чести быть преподавателемъ не гдѣ-нибудь, но въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ! Какъ новый преподаватель онъ долженъ былъ сразу выразить намъ это чувство, долженъ былъ подчеркнуть, что онъ всегда къ этому стремился и что, наконецъ, его мечта исполнилась! Однако, какъ „констоперъ", онъ ничего подобнаго, конечно, не сказалъ, и началъ съ критики.

Образовались двѣ партіи: за Маркова и противъ. Къ первой принадлежали тѣ, которые собирались „измѣнить артиллеріи" и пойти по „моментской" дорогѣ, а также тѣ, которымъ военная Исторія нравилась больше, чѣмъ химія. Но тѣ, которые „чаяли своего второго пришествія въ академію „зубрильную" или тѣ, которые хотя и не

имѣли такого намѣренія, но просто считали нужнымъ „поддерживать традиціи“ — были противъ, и ихъ было значительное большинство.

Однажды Марковъ появился въ полной парадной формѣ. Колодка съ орденами едва умѣщалась на его груди, теряясь концами въ кистяхъ эполетъ. Половина орденовъ были иностранные, остальные съ мечами за японскую войну.

„Ну, конечно!“ говорили юнкера: „Нахваталъ въ штабахъ! Посмотрѣли бы мы на него на войнѣ!“ — „Но, вѣдь, былъ же!“ возражали сторонники Маркова, успѣвшіе обзавестись его книжкой „Еще о Сандепу“ и проштудировать ее. „Да“, отвѣчали первые скептически: „Въ штабѣ I Сибирскаго корпуса!“

Борьба была неравная! Вѣдь обыкновенно такъ бываетъ, что люди весьма яркіе въ мирное время, какъ-то удивительно тускнѣютъ на войнѣ! Юнкера, хотя и не имѣли никакого опыта, но чувствовали это инстинктивно, и никто не могъ доказать, что именно Марковъ является такимъ блестящимъ исключеніемъ!

Начались репетиціи. Юнкера подзубрили то, что успѣли записать на лекціяхъ (учебника еще не было) и считали, что подготовились. Не тутъ-то было! Ждалъ новый сюрпризъ.

„Вы — быстрота“, сказалъ Марковъ, обращаясь къ стоящимъ у доски юнкерамъ: „Вы — „глазомѣръ“, а Вы — „натискъ“, и прочтя на лицахъ всѣхъ трехъ полное разочарованіе, добавилъ: „Ну да! Вы ждали, что будете мнѣ разсказывать своими словами то, что записали за мной на лекціяхъ! Это былъ-бы „юнкерскій“ отвѣтъ! Я такихъ отвѣтовъ слышать не желаю и хочу васъ научить думать надъ тѣмъ, что вы прочли“.

Началось „плаванье“ и, какъ результатъ, странныя послѣдствія: люди, имѣвшіе средній баллъ 11 съ дробью, вдругъ получали 9, 8 и даже 6 по такому второстепенному предмету, какимъ была „Исторія русской арміи“. И наоборотъ, юнкеръ, никогда не оцѣнившій разницы между альдегидомъ и кетономъ, вдругъ украшался полнымъ балломъ! Ропотъ усилился...

„Я не остановлюсь передъ тѣмъ, чтобы на выпускномъ экзаменѣ поставить кому нибудь „ноль“, совершенно не интересуясь тѣмъ, сколько онъ имѣетъ по дифференціальному исчисленію!“ угрожалъ Марковъ...

„Отдѣльные егерскіе баталіоны были впервые употреблены съ большимъ успѣхомъ у Румянцева при осадѣ Кольберга“, началъ на одной репетиціи юнкеръ свой отвѣтъ.

„А гдѣ по Вашему мнѣнію этотъ самый Кольбергъ находится?“ перебилъ его Марковъ. Юнкеръ не зналъ.

„Видите?“ сказалъ Марковъ: „это типично: готовится человѣкъ и совершенно не интересуется тѣмъ, что зубритъ! А Вы?“ обратился къ слѣдующему въ очереди юнкеру **Ордынскому,** химику не меньшему, чѣмъ самъ Ипатьевъ.

„Въ Помераніи“, отвѣтилъ „химикъ“. Марковъ былъ пораженъ, видимо не ожидалъ и какъ-то призадумался. Пауза была сейчасъ-же использована: „Онъ, какъ-будто, и самъ хорошенько не знаетъ: раздумываетъ, дѣйствительно-ли въ Помераніи? Ай, да „хабатъ“ (Ордынскій былъ Александровскаго корпуса)! Нарѣзалъ!

На репетиціяхъ Марковъ курилъ. Самъ особенный — и папиросы курилъ какія-то особенныя: коричневыя, толстыя и безъ мундштуковъ (вставлялъ ихъ въ мундштукъ янтарный). Куренье, конечно, никому не мѣшало, но тоже казалось посягательствомъ на традиціи: вѣдь никто другой этого себѣ не разрѣшалъ!

Итакъ, противъ Маркова накопилось такъ много, что юнкера обратились за „моральной поддержкой“ къ инспектору классовъ проф. ген.-м. **А. А. Бриксу.** На лекціи механики, не помню ужъ по какому поводу, зашла рѣчь о Марковѣ.

„Онъ называетъ насъ *„военнымъ училищемъ“*, началъ осторожно одинъ юнкеръ. „Онъ себя ведетъ, какъ будто-бы находился въ Павловскомъ училищѣ“, добавилъ другой. „Или во 2-мъ военномъ Константиновскомъ“, съязвилъ третій. Старый михайловецъ Бриксъ искренно опечалился.

„Онъ говоритъ, чтобы мы наплевали на химію!“ продолжались жалобы: *„И на механику!“* Бриксъ былъ задѣтъ. *„Онъ куритъ въ классѣ!“* не унимались юнкера. — „Неужели? изумился Бриксъ. „Такъ точно, куритъ! Какія-то коричневыя цигаретки, обыкновенныя, вѣроятно, не годятся для генеральнаго штаба“.

„Господа“, сказалъ Бриксъ: *„Когда у васъ будетъ слѣдующая репетиція? Я приду посмотрѣть“!*

И вотъ репетиція. Марковъ уже въ классѣ. Входитъ Бриксъ и садится за первый столъ. Воздухъ набитъ электричествомъ. Пока что репетиція идетъ обычнымъ чередомъ. Бриксъ тихо ждетъ и юнкера съ нимъ. Марковъ ходитъ вдоль линіи вызванныхъ къ доскѣ.

Вотъ, наконецъ, достаетъ футляръ съ мундштукомъ, вынимаетъ мундштукъ, закрываетъ футляръ и вкладываетъ его обратно въ карманъ. Потомъ вынимаетъ портсигаръ, достаетъ папиросу, вставляетъ ее въ мундштукъ, закрываетъ портсигаръ и отправляетъ его на мѣсто...

Двадцать паръ глазъ, съ глазами Брикса во главѣ, напряженно наблюдаютъ за каждымъ его движеніемъ, но Марковъ, увы, не подозрѣваетъ ничего — и достаетъ коробку спичекъ! Открываетъ ее и вынимаетъ спичку, потомъ беретъ мундштукъ въ ротъ и готовится спичкой черкнуть, но вдругъ какъ бы вспоминаетъ о присутствіи молчаливаго генерала, небрежно цѣдитъ черезъ плечо:

„Разрѣшите, Ваше Превосходительство?“ и, не дожидаясь отвѣта, зажигаетъ спичку.

„Здѣсь курить нельзя!“ выпаливаетъ свирѣпо приподнявшійся Бриксъ. Марковъ дѣлаетъ рѣзкое движеніе правымъ плечемъ и взмахомъ руки гаситъ спичку. А потомъ вынутые предметы „обращаетъ въ первобытное состояніе“.

„Сеансъ“ оконченъ! Химія и механика торжествуютъ! Но юнкерамъ становится неловко за почтеннаго генерала, такого вообще смирнѣйшаго и безобиднѣйшаго человѣка! Вѣдь и онъ тоже въ своемъ родѣ „готовился“ къ репетиціи и не нашелъ ничего болѣе удачнаго, какъ огрызнуться на подполковника въ нашемъ присутствіи. Почему онъ не могъ предупредить Маркова раньше? Нѣтъ, онъ пришелъ съ „заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ „срѣзать“

Маркова за то, что онъ путаетъ Михайловское Училище съ „военными“, что, конечно, было со стороны Маркова нехорошо, но не заслуживало такого жестокаго наказанія...

Въ концѣ-концовъ юнкера болѣе или менѣе привыкли къ методамъ Маркова, случаи съ Кольбергомъ не повторялись и „шестерки“ перестали получать тѣ, которые по „интеграламъ“ имѣли 12. Но, всетаки, отвѣчать ему было трудно. Онъ былъ нетерпѣлвый и постоянно перебивалъ. Поэтому тотъ, кто получалъ какой-нибудь короткій и сгущенный вопросъ, напримѣръ, какой-нибудь бой, былъ въ огромной выгодѣ по сравненію съ тѣмъ, на долю котораго выпало „переливаніе изъ пустого въ порожнее“, напримѣръ „Движеніе Россіи на востокъ, приведшее къ столкновенію съ Японіей“. Ко времени экзаменовъ мы уже имѣли литографированный курсъ и упомянутое „движеніе“ въ немъ занимало 70 страницъ.

„Вѣдь не дастъ же Марковъ говорить!“ жаловался я передъ экзаменомъ коллегамъ. „Только бы не этотъ билетъ!“ И какъ водится, вытянулъ именно его.

„Уже съ Ермака“, началъ было свой отвѣтъ...

„Оставимъ археологію!“ сейчасъ-же перебилъ Марковъ: „Впрочемъ, когда жилъ Ермакъ?“ Я далъ исчерпывающій отвѣтъ и умолкъ, раздумывая о томъ, въ которомъ столѣтіи кончается „археологія“? Рѣшить было трудно; пришлось обратиться къ Маркову съ непріятнымъ чувствомъ, что „12“ улетѣло!

„Начните съ Японско-китайской войны“, сказалъ Марковъ и слушалъ противъ ожиданія довольно терпѣливо.

„Но отчего же Японія должна была объявить Россіи войну именно въ 1904 году?“ спросилъ, когда я поставилъ точку. Я перечислилъ причины.

„Все это совершенно вѣрно, но можно сказать короче. Помните такое образное выраженіе генерала Симанскаго“? Увы, ничего подобнаго я не помнилъ.

„Пока русскій паровозъ не задымилъ у Корейской границы“! отчеканилъ Марковъ: „Садитесь“!

Курсовой офицеръ гв. шт.-капитанъ **Коверскій**, наклонившись къ Маркову, что-то шепталъ. Сидѣвшіе за нимъ услышали: ...„весьма интересуется военной исторіей...“

Да, думалъ я, возвращаясь на свое мѣсто, „археологія мнѣ обойдется въ одинъ баллъ, а генералъ Симанскій пожалуй что и въ два!“ И сталъ искать въ учебникѣ злополучную фразу. Была тамъ, но безъ малѣйшаго намека на авторство Симанскаго! Не знаю, насколько дѣйствительной оказалась защита Коверскаго: я получилъ 10.

На экзаменѣ Марковъ привелъ въ исполненіе свою угрозу „влѣпить кому-нибудь ноль“. Получилъ его юнкеръ Б. и долженъ былъ-бы выйти по 3-му „запалу“. Начальство, конечно, не допустило такого скандала! Юнкеръ Б. былъ объявленъ „переутомленнымъ“ и получилъ переэкзаменовку, на которой Марковъ не присутствовалъ. Вышелъ по 1-му разряду.

П. Туруханскій
свящ. Уфимскаго Гусарскаго полка.
(Не Михайловецъ).

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ П. Е. ГЛУДКИНЪ.

„Ты чести своей никому не отдалъ,
Завѣты храня Адмирала.
И много ты выпесъ, и много страдалъ
Храня чистоту идеала".
(Изъ пѣсни, посвященной ген. Глудкину).

„Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсни"...

Генералъ Петръ Ефимовичъ Глудкинъ родился въ нынѣшней Литвѣ, въ мѣстечкѣ Дусятахъ, Ковенской губерніи, 29 іюня 1895 года, въ семействѣ народнаго учителя. Окончилъ Поневѣжское реальное училище въ 1912 г. и Михайловское Артиллерійское Училище въ 1915 г., откуда былъ выпущенъ въ чинѣ подпоручика. Сразу же изъ училища былъ отправленъ на германскій фронтъ.

Пылкій и неустрашимый, онъ не разъ отличался въ бояхъ, и въ Августовскихъ лѣсахъ былъ дважды раненъ. Онъ имѣлъ слѣдующія награды: орденъ Станислава, Анны III степени, англійскій серебряный крестъ и Георгіевское оружіе. Командуя батареей, онъ отошелъ со своей частью къ Ригѣ.

Здѣсь застала его „великая безкровная". Желаніе поддержать порядокъ и дисциплину въ своей части вызвало недовольство большевиковъ, и штабсъ-капитанъ Глудкинъ былъ арестованъ.

Но смѣлымъ Богъ владѣетъ, и шт.-капитанъ Глудкинъ совершаетъ дерзкій побѣгъ изъ подъ ареста Черезъ объятую большевицкимъ пламенемъ, необъятную матушку Россію, Глудкинъ благополучно пробирается на югъ въ ряды Добровольческой арміи. Здѣсь онъ получаетъ „секретное порученіе" отправиться въ Москву для вербовки офицеровъ въ армію ген. Деникина.

Шт.-капитанъ Глудкинъ нелегально пробирается въ Москву, съ опасностью для жизни завязываетъ сношенія съ рядомъ лицъ, но латышъ, поручикъ Скуэпикъ, оказывается провокаторомъ и въ одинъ далеко не прекрасный день Глудкинъ попадаетъ въ Бутырскую тюрьму.

Какимъ-то чудомъ Петру Ефимовичу удается доказать свою невинность, и онъ снова на свободѣ. Но эта свобода хуже неволи. „Взятый подъ сумлѣніе" онъ не можетъ оставаться въ Первопрестольной, гдѣ чекисты наблюдаютъ за каждымъ его шагомъ.

Раздобывъ соотвѣтствующій документъ, подъ чужимъ именемъ и фамиліей, Глудкинъ появляется въ Смоленскѣ — въ родной семьѣ.

Но въ Смоленскѣ то-же самое, что и въ Москвѣ. Чека неистовствуетъ: обыски, аресты, разстрѣлы, національзація, соціализація...

Атмосфера невыносимая. Каждую минуту ожидаетъ арестъ и расправа „въ два счета".

Три дня лежитъ Глудкинъ, не покидая кровати, душою и тѣломъ отдыхая отъ пережитаго кошмара, окруженный вниманіемъ,

Штабъ ген. Глудкина. 1-й р я д ъ—прап. Коченгинъ, шт.-кап. Сапунковъ; 2-й р я д ъ—полк. Александровъ, ген. **П. Е. Глудкинъ** (Мих.), полк. Доможировъ; 3-й р я д ъ — полк. Гамнеръ, шт.-кап. Семенюкъ.

тепломъ, лаской и любовью родной семьи, въ которой съ малыхъ лѣтъ онъ появляется лишь на короткое время рѣдкимъ гостемъ.

Родные распрашиваютъ объ обстоятельствахъ его ареста и суда въ Москвѣ, но Глудкинъ, не желая разстраивать родныхъ, ограничивается самымъ краткимъ, поверхностнымъ разсказомъ, обѣщая повѣдать все потомъ, въ нормальныхъ условіяхъ жизни, въ наступленіе которыхъ онъ твердо вѣритъ и за которыя онъ готовъ биться не на животъ, а на смерть. На четвертый день рѣшеніе принято, планъ готовъ, обдуманъ во всѣхъ деталяхъ...

„Родина зоветъ... Онъ не можетъ сидѣть на печкѣ, когда Родина нуждается въ каждомъ бойцѣ“... Послѣдній поцѣлуй, послѣднее „прости“ роднымъ и шт.-кап. Глудкинъ уходитъ въ неизвѣстность... Глудкину снова удается пробраться въ Добровольческую армію. Здѣсь онъ получаетъ командировку, вмѣстѣ съ полковникомъ Лебедевымъ, въ Сибирь, въ армію адмирала Колчака. Какъ и какими путями, съ какими приключеніями они переходятъ красно-бѣлый сибирскій фронтъ, для насъ осталось неизвѣстнымъ.

Въ Сибири шт.-капитанъ Глудкинъ получаетъ важную и отвѣтственную должность Командира Отдѣльнаго Баталіона охраны Ставки Верховнаго Главнокомандующаго и Верховнаго Правителя освобожденныхъ отъ большевиковъ мѣстностей Россіи, нынѣ покойнаго адмирала Колчака...

Лѣто 1919 г. было особенно труднымъ для бѣлой Сибирской арміи. Раскинувшаяся на необъятныя пространства, Сибирь мало населена. Все, способное носить оружіе, находится на фронтѣ. Резервовъ нѣтъ. Фабрикъ и заводовъ для производства военнаго снаряженія нѣтъ. Каждый патронъ нужно оплачивать золотомъ — нашимъ, такъ называемымъ, союзникамъ. Черезъ Сибирь пролегаетъ только одна желѣзно-дорожная магистраль, поэтому снабженіе арміи всегда запаздываетъ.

Такъ удачно начавшееся наступленіе бѣлыхъ на Вятку и Волгу пріостанавливается. Сѣверная армія, состоящая въ подчиненіи у чешскаго генерала Гайды, распропагандированная эсъ-эрами, позорно оставляетъ фронтъ и только Уфимская группа сохраняетъ порядокъ, отходитъ планомѣрно, отбиваясь и мѣстами переходя въ наступленіе.

При спускѣ съ Уральскихъ горъ на Западно-Сибирскую равнину, подъ городомъ Челябинскомъ происходятъ упорные бои, но силы неравны, и бѣлые вынуждены къ отступленію вглубь Сибири. Въ сентябрѣ бѣлые снова пытаются остановить красный потокъ и побѣдоносно гонятъ красныхъ верстъ 200—250 отъ Ишима за рѣку Тоболъ. Въ виду отсутствія резервовъ, Верховный Правитель посылаетъ на фронтъ свой личный конвой. Отдѣльный Егерскій отрядъ охраны Ставки, подъ командой произведеннаго въ подполковники Глудкина, храбро сражается на Тоболѣ...

Затѣмъ начинается ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНІЕ, ВЕЛИКІЙ СИБИРСКІЙ ЛЕДЯНОЙ ПОХОДЪ. Стоитъ 30—40 градусный морозъ. Армія совершаетъ двухтысячноверстный походъ, плохо одѣтая, разутая... Эс-эры, чехи и большевики производятъ въ тылу возстанія въ Новониколаевскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Владивостокѣ... Въ Красноярскѣ власть захватываютъ большевики. Бѣлая армія въ мѣшкѣ. 24 декабря 1919 г., подъ Красноярскомъ, окруженная со всѣхъ сторонъ Бѣлая Сибирская армія силою оружія пробиваетъ себѣ дальнѣйшій путь на востокъ. Часть арміи сдается краснымъ въ плѣнъ. Подполковникъ Глудкинъ черезъ тайгу и горы благополучно выводитъ свой отрядъ въ Забайкалье и производится въ полковники.

Весь 1920 годъ Глудкинцы ведутъ борьбу съ красными въ Забайкальѣ. Затѣмъ армія вынуждена отступить на китайскую территорію. Китайцами отданъ приказъ о сдачѣ оружія, нѣкоторыя части оружіе сдали, но Глудкинъ приказываетъ своимъ частямъ:

„оружія не сдавать“, и Глудкинцы съ оружіемъ въ рукахъ появляются въ Приморской области.

Въ 1921 г. бѣлые захватываютъ Владивостокъ, и Глудкинъ производится въ генералъ-маіоры. Въ арміи начинаются распри между Каппелевцами и Семеновцами. Каппелевцы возмущаются быстрымъ чинопроизводствомъ, практикуемымъ атаманомъ Семеновымъ. Чтобы положить конецъ спорамъ и показать примѣръ другимъ, генералъ Глудкинъ **слагаетъ съ себя два чина**, полученные послѣ паденія адмирала Колчака, и остается въ чинѣ подполковника...

Кап. **Алекс. Алекс. Тихонравовъ,**
III уск. вып. 1915 г., юнкеромъ.

Иннокентій Алекс. Тихонравовъ,
II уск. вып. 1915 г., прапорщикомъ.

Послѣднее бѣлое правительство братьевъ Меркуловыхъ во Владивостокѣ вызвало недовольство Народнаго Собранія и нѣкоторыхъ частей арміи. Глудкинъ остается до конца вѣренъ правительству. Онъ пытается вывести свою бригаду во Владивостокъ для поддержки правительства, но командованіе арміей приказываетъ разоружить Глудкинцевъ. Во время этого разоруженія, 2 іюня 1922 г., въ Никольскъ-Уссурійскѣ, въ помѣщеніе, гдѣ находился Глудкинъ, брошена бомба. Глудкинъ схватилъ ее и выбросилъ за окно. Второю бомбою онъ былъ раненъ, но не смертельно, хотя получилъ 22 раны. Темные люди врываются въ помѣщеніе Глудкина и добиваютъ его выстрѣломъ изъ револьвера...

Послѣ ухода сына изъ Смоленска въ 1918 г., до 1935 г. родители ген. Глудкина ничего не знали о судьбѣ своего сына. Въ 1935 г. друзья покойнаго прислали родителямъ Глудкина его рубашку, а впослѣдствіи и **Грамоту.**

ГРАМОТА

Командира и чиновъ I Отдѣльной Стрѣлковой Бригады войскъ Пріамурскаго Края, 1-го Егерскаго полка, 2-го Уральскаго Стрѣлковаго полка, 1 Конно-Егерскаго полка и 1 Отдѣльнаго Артиллерійскаго Стрѣлковаго Дивизіона.

СЕМЬѢ СВОЕГО КОМАНДИРА.

Чтя свѣтлую память своего горячо любимаго, боевого Командира и большого русскаго человѣка, отдавшаго на алтарь служенія своей великой Родины — Матушки Россіи все, до своей жизни включительно, мы приносимъ Вамъ, отцу, матери и братьямъ почившаго героя выраженія нашего глубокаго и искренняго соболѣзнованія въ постигшей Васъ безвременной утерѣ Вашего сына и брата — Петра, а нашего Командира — Подполковника **Петра Ефимовича Глудкина.**

Свѣтлая память покойнаго, убіеннаго раба Божія Петра свято чтится не только нами — его бывшими подчиненными, боевыми друзьями и соратниками, нѣтъ, его имя на Дальнемъ Востокѣ всегда являлось и является синонимомъ чести, доблести, вѣрности и безкорыстности въ служеніи своему Отечеству.

Въ далекую Вамъ Сибирь сынъ Вашъ прибылъ въ началѣ 1919 г., пробравшись туда степями съ Юга Россіи, изъ Добровольческой Арміи.

Въ чинѣ штабсъ-капитана, въ должности Командира Отдѣльнаго Баталіона Охраны Ставки Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго, нынѣ покойнаго Адмирала Александра Васильевича Колчака, началъ сынъ и братъ Вашъ службу Отчизнѣ въ рядахъ возраждавшейся молодой Русской Арміи.

Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ-маіоръ Дмитрій Антоновичъ Лебедевъ справедливо оцѣнилъ Петра Ефимовича и возвысилъ его.

Въ тяжелыя минуты Омска, осенью 1919 г. подполковникъ Глудкинъ, стоя во главѣ Отдѣльнаго Егерскаго отряда Охраны Ставки — отряда равнаго стрѣлковой бригадѣ, доблестно сражается съ красными на поляхъ Западной Сибири.

Въ дни тяжкаго, трагическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и героическаго Великаго Сибирскаго Ледяного Похода, подполковникъ Глудкинъ горными и таежными тропами, въ сторонѣ отъ арміи, выводитъ свой отрядъ въ Забайкалье, за что и производится Главнокомандующимъ Арміями Восточнаго фронта, генералъ-лейтенантомъ Войцеховскимъ въ чинъ полковника.

Весь 1920 годъ проводитъ Глудкинъ, и его егеря, въ Забайкальѣ, въ борьбѣ съ красными партизанми, борьбѣ, доставившей новые лавры, широкую извѣстность и славу и Командиру и его полку.

По отходѣ арміи въ Приморье, утомленные бойцы начинаютъ какъ-будто бы сдавать, но Петръ Ефимовичъ остается въ числѣ немногихъ, вѣрныхъ себѣ и Родинѣ. Онъ готовится снова къ борьбѣ. Уральскій Стрѣлковый полкъ и Отдѣльный Уфимскій,

имени генерала Корнилова, артиллерійскій дивизіонъ присоединяются къ егерямъ, — такъ рождается I-ая Отдѣльная Стрѣлковая бригада.

Труды Петра Ефимовича не были напрасны: 26 мая 1921 г. Владивостокъ переходитъ въ руки бѣлыхъ, а самъ герой, приказомъ Главнокомандующаго вооруженными силами Восточной Россійской Окраины генералъ-лейтенантомъ и Атаманомъ Семеновымъ производится въ чинъ генералъ-маіора.

Однако, скоро вспыхиваетъ братоубійственная война каппелевцевъ и семеновцевъ. Одинъ генералъ Глудкинъ, со своей бригадой не принимаетъ въ ней участія. Подавая примѣръ истиннаго служенія Отечеству, онъ уводитъ свои части въ Спасскъ, на рубежѣ съ совѣтами. Но это не дѣйствуетъ на безумныхъ. Тогда, подчеркивая свое безкорыстіе и идейность служенія, Вашъ сынъ и братъ *снимаетъ съ себя два чина*, полученные имъ по смерти непререкаемаго авторитета — Главы Всероссійскаго Правительства, Верховнаго Правителя Адмирала Колчака.

Но доблесть, безкорыстіе и самопожертвованіе Петра Ефимовича, создавая десятки тысячъ поклонниковъ подполковнику Глудкину, съ другой стороны еще болѣе разжигаютъ темныя страсти мелкихъ людишекъ: 2 іюня 1922 г. надежда Бѣлаго Приморья — подполковникъ Глудкинъ падаетъ отъ гранаты, брошенной презрѣнной и преступной рукой изъ-за угла въ окно помѣщенія, гдѣ находился Петръ Ефимовичъ.

Безъ почестей, тайкомъ зарыли преступники тѣло героя, но Великъ, Справедливъ и Многомилостивъ Господь Богъ: Правитель Пріамурскаго Края и Воевода Земской Рати, генералъ-лейтенантъ Дидерихсъ отдалъ приказъ разыскать тѣло героя. Оно было найдено, открыто и съ честью погребено 12 іюля 1922 г. во Владивостокѣ.

Войска и тысячи гражданъ обоего пола провожали тѣло безвременно погибшаго, убіеннаго раба Божія Петра къ мѣсту послѣдняго его упокоенія на гарнизонное Владивостокское кладбище на Чуркиномъ мысу.

Героя нѣтъ больше съ нами. Сынъ и братъ Вашъ, а нашъ любимый Командиръ спитъ вѣчнымъ сномъ, но память о немъ продолжаетъ ярко горѣть въ сердцахъ не только его бывшихъ соратниковъ, друзей-сослуживцевъ и подчиненныхъ, но многіе десятки тысячъ истинно русскихъ людей, свидѣтелей беззавѣтнаго служенія своей Родинѣ покойнаго Петра Ефимовича Глудкина, свято чтутъ его память. Въ числѣ этихъ лицъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Начальникъ Россійской Духовной Миссіи въ Китаѣ, Преосвященный Викторъ, епископъ Пекинскій и Китайскій, а за нимъ слѣдуютъ духовные, военные и гражданскіе вожди, руководители и просто дѣти, кому приходилось соприкасаться или даже просто наблюдать Петра Ефимовича. Миръ праху его.

Хвала, честь и слава родителямъ и семьѣ, возрастившимъ и воспитавшимъ такого сына.

Командующій I-ой Отдѣльной Стрѣлковой Бригадой
Полковникъ **Н. Александровъ.**

Шанхай 1936 г. Сентябрь.

Затѣмъ слѣдуетъ 87 подписей.

Вадимъ Всеволодов. Щавинскій
подполк.; вып. 1915 г., 1 уск.

ПЕРВЫЕ ПРАПОРЩИКИ.

Передъ войной. 31 мая 1914 года въ 7 кл. 3 Московскаго Императора Александра II кадет. корпуса закончились послѣдніе экзамены. Съ радостными криками и въ торжественной обстановкѣ, съ самодѣльнаго стѣнного календаря была сорвана долгожданная страница съ цифрой 1, т. е. корпусъ оконченъ.

В. В. Щавинскій — 1 Уск. вып., май 1915 г. VI отд. 2-й батареи.

На слѣдующій день строевая рота со знаменемъ, подъ звуки своего оркестра, съ винтовками, скатками и вещевыми мѣшками на плечахъ, изъ Лефортова, пройдя черезъ всю Москву, подходила къ Ходынкѣ къ лагерю 6 гр. Таврическаго полка, гдѣ она должна была провести, впервые введенный, лагерный сборъ.

Быстро прошли эти дни и числа 8 іюня 7-й классъ построился на плацу 3-й роты корпуса для прощанія со знаменемъ и послѣдняго своего парада. Глубоко запали въ наши сердца слова Директора ген.-л. Лобачевскаго, говорившаго о предстоящей службѣ Государю и Родинѣ, о чести нашего корпуса, и никто тогда на думалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ большинство уже станутъ офицерами, а нѣкоторые и отдадутъ свою жизнь.

Послѣ трогательнаго прощанья съ друзьями, мы стали покидать корпусъ, гдѣ такъ несправедливо говорила наша „Звѣріада“:

„Семь лѣтъ промчались, какъ мгновенье,
Но много пережили мы
И съ цѣлымъ роемъ впечатлѣній
На свѣтъ мы вырвались изъ тьмы...“

Черезъ всю Москву извозчикъ отвезъ меня въ С. Хорошово, гдѣ на берегу рѣки Москвы стоялъ лагеремъ 11 гр. Фанагорійскій полкъ. Начались самые длинные кадетскіе каникулы, до 1 сентября, т. е. до начала занятій въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ, куда я вышелъ.

Стояла чудная погода, дня фактически не хватало, появлялся дома, какъ метеоръ, чтобы поѣсть и поспать, а затѣмъ снова на футболъ, теннисъ, какое-нибудь интересное строевое занятіе съ братомъ, или танцевальный вечеръ... И казалось ничто не могло нарушить этотъ обычный и мирный образъ жизни, какъ вдругъ раздался Сараевскій выстрѣлъ. На горизонтѣ появились тучи, грозность которыхъ для обывателя вначалѣ скрывалась за красивыми описаніями визита въ Россію Президента Пуанкарэ. 12 іюля Государь неожиданно произвелъ, раньше срока, въ офицеры всѣхъ юнкеровъ старшихъ классовъ военныхъ училищъ и уже опредѣленно стало пахнуть войной.

15 іюля — днемъ въ полку поднялась тревога. Часа черезъ три уже не было видно моря бѣлыхъ палатокъ и одна рота за другой выстраивались на серединѣ полка. Подъ звуки полкового марша, появилось Георгіевское знамя Суворовскихъ Чудо-богатырей, любимцевъ Генералиссимуса. Все поле было покрыто семействами офицеровъ, дачниками и мѣстными крестьянами. Торжественно звучали слова напутственнаго молебна, послѣ котораго подъ крики „ура“ собравшихся и звуки своего марша, вытянулись въ колонну 16 ротъ Фанагорійцевъ, взявъ направленіе на Москву, въ свои зимнія квартиры.

Далѣе уже событія шли съ головокружительной быстротой, мобилизація и 19 іюля Высочайшій Манифестъ о войнѣ. Всѣ расчеты сбиты. Казалось вся Россія, забывъ мелкія распри, встала какъ одинъ на защиту Отечества и вѣчно въ памяти сохраняется незабываемая картина манифестацій рабочихъ съ Царскими портретами, Гимномъ, восторженныя привѣтствія и качанія встрѣчавшихся офицеровъ.

Всѣ дни я проводилъ съ братомъ, получившимъ роту, имѣя уже въ карманѣ предписаніе Начальника Училища явиться туда 29 іюля. 25 и 26 іюля, одинъ за другимъ, пять эшелоновъ родного полка, гдѣ я выросъ и гдѣ прошли мои кадетскіе годы, покинули Москву. Наконецъ наступило 28 іюля. Около 16 час. мы пріѣхали на Николаевскій вокзалъ, гдѣ встрѣтили много юнкеровъ и кадетъ, спѣшившихъ въ С. Петербургъ. Появился, конечно, юнкерскій вагонъ, въ немъ уже сидѣла большая группа донскихъ кадетъ, среди которыхъ нѣсколько человѣкъ, во главѣ со своимъ вахмистромъ, то-же Михайлоны. Поѣздъ полонъ военныхъ и масса провожающихъ. Вскорѣ раздались звонки и поѣздъ сталъ медленно отходить.

Какъ-то, крѣпко сжалось сердце, одна за другой промелькнули картины кадетской жизни и вспомнился послѣдній куплетъ „Звѣріады“:

„Пора кончать намъ Звѣріаду,
Ужъ поѣздъ тихо отъѣзжаетъ,
Ура! мы больше не кадеты,
Мы юнкера!.. Мы юнкера!..“

Вотъ въ какой обстановкѣ исключительнаго момента Исторіи нашей Родины, началась военная служба, а съ нею и юнкерскіе годы нашего выпуска...

На младшемъ курсѣ. *Въ лагеряхъ.* Черезъ какой-нибудь часъ, весь вагонъ былъ друзьями; начались оживленные разговоры, разсказы и предположенія о будущемъ, которое для насъ начиналось не совсѣмъ въ нормальной обстановкѣ.

29 іюля, часовъ въ десять утра поѣздъ подходилъ къ Николаевскому вокзалу. Непривѣтливымъ показался намъ, москвичамъ, огромный С. Петербургъ: изъ сотенъ фабричныхъ трубъ валилъ дымъ, окутывавшій городъ какъ-бы во мглу; всюду кипѣла жизнь и чувствовалась война. По незнакомымъ улицамъ извозчикъ подъѣхалъ къ Училищу, гдѣ насъ встрѣтилъ почтительно швейцаръ, доложивъ, что „г. г. юнкерамъ надо ѣхать на Царскосельскій вокзалъ", т. к. Училище въ лагеряхъ.

Часа черезъ два-три, на лодкахъ, мы пересѣкли Дудергофское озеро и съ училищной пристани насъ направили въ караульное помѣщеніе, гдѣ явились дежурному офицеру, размѣстившему всѣхъ въ баракѣ 1-ой батареи. Въ Училищѣ жизнь кипѣла во всю, старшіе юнкера занимались, вновь прибывшіе бродили по всему расположенію, съ любопытствомъ разсматривая всѣ уголки. Всюду бѣлѣли рубашки кадетъ, ходившихъ выводками по корпусамъ, и разнообразныя формы студентовъ, гимназистовъ, реалистовъ и просто штатскихъ. Кадетскій пріемъ былъ сплошнымъ съ нашивками, однихъ фельдфебелей только около 20. Кромѣ того, нѣсколько юнкеровъ другихъ училищъ: Чугуевскаго, Топографическаго и Арт. Техническаго, перешедшихъ тамъ на старшій курсъ, но желающихъ въ дальнѣйшемъ служить въ артиллеріи.

Передъ обѣдомъ насъ разыскали старшіе однокашники и нашего корпуса собрались: п.-юн. Лачиновъ, Младовъ и еще нѣсколько, на среднемъ одинъ лишь Хорото и восемь насъ молодыхъ: фельдфебель Ткаченко и в. у. о. Викторовъ, Емельяновъ, Ливенцевъ, Милюковъ, Савченко, я и Щербовъ. Вечеромъ наши старшіе привѣтствовали своихъ „козероговъ" первой училищной „собакой".

30 іюля, послѣ повѣрки и утренняго чая, началась наша служба. Старшіе курсы отправились на занятія, насъ же всѣхъ выстроили и, произведя повѣрку по спискамъ, стали разбивать по батареямъ, а въ батареяхъ по отдѣленіямъ. Я получилъ назначеніе въ 2-ю батарею или „Кобуру", какъ насъ звала первая, и въ первое ея отдѣленіе т. е. шестое. Шт.-капитанъ Коверскій — отдѣленный офицеръ, назначивъ старшимъ въ отдѣленіи фельдфебеля Ярославскаго кад. корпуса Рупшинскаго, повелъ отдѣленіе въ цейхгаузъ, гдѣ мы переодѣлись, въ юнкерскую форму, оставивъ все кадетское для отправки въ корпусъ. Затѣмъ онъ отвелъ отдѣленіе въ баракъ и каждый получилъ свою кровать.

Три барака 2-ой батареи выходили на переднюю линейку, находясь влѣво отъ караульнаго помѣщенія, нашъ же былъ самымъ лѣвымъ, непосредственно примыкавшимъ къ Николаевскому кав. Училищу. Бараки 1-й батареи находились вдали отъ передней линейки, около крытой столовой.

Послѣ завтрака отдѣленіе вышло въ поле, передъ паркомъ и шт.-кап. **Коверскій** обратился къ намъ со словомъ. Говорилъ онъ хорошо; всѣ внимательно слушали и его слова глубоко запали въ наши сердца. Онъ обрисовалъ тотъ исключительный моментъ, говорилъ о необходимости особенно внимательно относиться къ занятіямъ, ибо каждая ошибка въ будущемъ будетъ искупаться кровью; говорилъ о славныхъ традиціяхъ въ артиллеріи вообще и въ Училищѣ въ частности; о чувствѣ товарищества, которое никогда не должно переходить границы амикошонства; о томъ, что Училище — это не корпусъ, серьезный проступокъ — фейерверкеромъ въ часть; наконецъ о внутреннихъ правилахъ жизни, обязанностяхъ и традиціяхъ, среди которыхъ: въ строю отвѣчать не по чинамъ, а „Ваше Высокоблагородіе“ и въ расположеніи Училища всему его начальствующему составу становиться во фронтъ. Наконецъ онъ кончилъ и раздалась, столь удивившая насъ, кадетъ, и въ то же время показывающая, что мы уже взрослые — команда: „оправиться; можно покурить“. Вспомнился корпусъ съ запрещеніемъ и преслѣдованіемъ куренія.

Со слѣдующаго дня начались регулярныя строевыя занятія. Начальникомъ былъ ген.-м. **Карачанъ** и въ Училище входило двѣ батареи: 1-ая — полковникъ **Новогребельскій** или „Новогребъ“ и 2-ая, которую только получилъ капитанъ **Авринскій,** своей наружностью напоминавшій Государя. Юнкера раздѣлялись на три курса или класса: Старшій — на училищномъ языкѣ „г.г. офицеры или подпоручики“, пріемъ 1912 года; Средній — „фоксы“, пріемъ 1913 года, оба курса въ 6 отдѣленіи, по 3 въ каждой батареѣ, нормальнаго штатнаго состава мирнаго времени и наконецъ — Младшій, нашъ пріемъ — „козероги“, 10 отдѣленій, по 5 въ каждой батареѣ, со среднимъ составомъ въ 30—35 юнкеровъ въ отдѣленіи. Курсовыми офицерами въ другихъ отдѣленіяхъ младшаго курса нашей батареи были: 7 — шт.-к. **Братчиковъ,** 8 — шт.-к. **Высоцкій,** 9 — шт.-к. **Шкапскій** и въ 10 — небольшого роста шт.-к. **Поповъ,** какъ его звали *„безъ хрѣна“*, въ отличіе отъ болѣе высокаго нашей же батареи старшаго курса — шт.-к. **Попова,** прозваннаго *„съ хрѣномъ“*. Фельдфебелемъ нашей батареи былъ **Левашевъ,** фельдфебель 2 кад. корпуса, прекрасный строевикъ, представительный и внушавшій намъ большое уваженіе.

Впервые въ исторіи Училища число кадетъ (40%) было меньше числа поступившихъ со стороны или „полтинниковъ“, какъ ихъ звали. Это объясняется тѣмъ, что выпускъ кадетъ былъ принятъ еще до войны, по штатному расчету, со старыми строгими требованіями средняго балла — 9. Большинство же молодыхъ людей, была такая же зеленая молодежь, какъ и мы — кадеты, кончившіе въ этомъ-же году съ золотыми медалями сред. уч. заведенія, но и была порядочная группа студентовъ и даже лицъ съ законченнымъ высшимъ образованіемъ, гораздо старше насъ, отъ 25 до 30 лѣтъ, что указывало, очевидно, на удлиненіе возраста для поступленія въ Училище.

На старшемъ курсѣ шли усиленныя занятія, имъ оставалось нѣсколько недѣль до производства, почему къ нимъ пріѣзжали

изъ города лектора и усиленно шилось офицерское обмундированіе, на среднемъ и младшемъ — занятія чисто строевыя.

День былъ занятъ полностью. Съ утренняго чая и до завтрака, затѣмъ, послѣ небольшого перерыва, снова до обѣда — 16 час., мы находились въ паркѣ и въ баракахъ. Первые дни: пѣшее ученіе, повороты и отданіе чести, дабы обучить поступившихъ со стороны, а затѣмъ: гимнастика, уставы, занятія при орудіяхъ, начало правилъ стрѣльбы и матеріальная часть. Большое вниманіе обращалось на верховую ѣзду, вначалѣ волтижировка, а потомъ ѣзда смѣнная

У „шакала". (Альбомъ 1909 г.).

безъ стремянъ. Большинство никогда не ѣздило верхомъ и первые уроки были для многихъ, въ особенности болѣе старшихъ, мученіемъ. По заведеннымъ правиламъ, старшій ѣздовой смѣны передавалъ старшему отдѣленія списокъ лошадей, которыя по опредѣленной очереди и съ извѣстнымъ коэффиціентомъ, разбирались къ приходу отдѣленнаго офицера, юнкерами. Такимъ образомъ, каждый юнкеръ ѣздилъ, какъ на лучшихъ, такъ и на худшихъ лошадяхъ. Сейчасъ изъ памяти вышли всѣ названія лошадей, среди которыхъ было нѣсколько такихъ, которыя своей горячностью и боязнью бича приводили въ бѣшенство не только юнкеровъ, но и офицера, а иногда бичъ попадалъ и по юнкеру, въ отвѣтъ на что, курсовой офицеръ бралъ руку къ козырьку и говорилъ: „простите".

Кормили въ лагеряхъ чудно и сытно. На завтракъ горячее блюдо съ гарниромъ, чаемъ и хлѣбомъ; обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ, постоянно — пирога съ супомъ, который подавали въ мискахъ на 4 человѣкъ и изъ нихъ ѣли деревянными ложками, затѣмъ мясного

второго съ гарниромъ и, наконецъ, кондитерскихъ пирожныхъ, какъ третье; ужинъ — горячее мясное и чай Послѣ обѣда многіе, набравъ хлѣба, шли въ батарейныя конюшни, гдѣ уже лошади, зная часъ, ржали, ожидая нашего прихода и угощеній.

Воздухъ, много занятій и молодость вызывали у всѣхъ большой аппетитъ, поэтому послѣ обѣда, а главнымъ образомъ вечеромъ, большинство отправлялось къ *„шакалу“* находящемуся въ шагахъ ста отъ столовой. „Шакалъ“ — это училищная лавка, хозяинъ ея имѣлъ буквально все, начиная отъ письменныхъ принадлежностей. Тамъ пили чай и молоко съ бутербродами, прохладительные напитки, ѣли мороженое, конфекты, пирожныя и т. д... Все стоило очень дешево и почти каждый юнкеръ хоть разъ въ день тамъ бывалъ. Вскорѣ стали устраиваться „собаки“ — большія, когда старшіе привѣтствовали младшихъ, а затѣмъ наоборотъ, корпусныя и отдѣленныя; наконецъ и малыя — объединяющія небольшія группы друзей.

Черезъ нѣсколько дней мы познакомились съ Начальникомъ Академіи и Арт. Училищъ ген.-отъ-артиллеріи **В. Т. Чернявскимъ**. Генералъ бывалъ у насъ очень часто, пользовался уваженіемъ и особеннымъ, ибо каждый зналъ, что золотое оружіе имъ полученно въ Турецкую войну 1877—1878 гг. за отбитіе атаки черкесовъ на батарею вытяжными трубками. Но въ то же время его юнкерская молва обвиняла въ излишней симпатіи къ Константиновцамъ, за что онъ и получилъ прозваніе *„Васьки Константина“*. При первой встрѣчѣ съ нами онъ обратился съ рѣчью, которую традиціонно закончилъ: *„У насъ есть три Училища и никакой разницы между ними нѣтъ, развѣ одно на Невѣ, другое на Фонтанкѣ и третье на Черномъ морѣ“*.

Отпускъ для младшаго курса не разрѣшался, а поэтому все свободное время и праздники мы проводили въ лагеряхъ, при чемъ въ нашемъ распоряженіи было масса удовольствій. Обыкновенно послѣ обѣда и нѣсколькихъ порцій мороженнаго у „шакала“, всѣ спѣшили въ читальню, помѣщающуюся въ баракѣ караульнаго помѣщенія, гдѣ съ жадностью набрасывались на газеты и сводки съ Театра военныхъ дѣйствій. Кто послѣ отдыхалъ въ баракѣ, на чудныхъ и мягкихъ кроватяхъ; кто спѣшилъ заняться спортомъ, футболомъ или теннисомъ, для чего имѣлось три площадки. У меня была своя ракетка, поэтому я все время тамъ и проводилъ.

Въ началѣ августа, когда еще было тепло, купались въ училищной купальнѣ на озерѣ и катались на лодкахъ. При катаніи соблюдались строгія правила, съ запрещеніемъ ѣздить въ камыши, и съ флотскими командами для отданія чести, какъ-то: „суши весла“, „весла на воду“ и т. д. На озерѣ всегда встрѣчались съ другими Училищами и иногда устраивали купанья Пажамъ, съ которыми почти всѣ не были въ хорошихъ отношеніяхъ. Офицерское собраніе Училища находилось на берегу озера, на его верандѣ стояла стереотруба Цейса и дежурный офицеръ, время отъ времени, наблюдалъ за исполненіемъ правилъ катанія и иногда въ рупоръ раздавалось приказаніе: *„Лодка № 2 Мих. Арт. Учил. къ берегу“*. Дежурный по пристани юнкеръ докладывалъ фамиліи и озерное путешествіе заканчивалось для экипажа лодки довольно печально.

Вечера мы проводили почти всегда у „шакала“, а иногда ходили въ гости къ сосѣдямъ 1-й батареи — Константиновцамъ. Помню однажды, встрѣтившись со своими однокашниками по корпусу, мы рѣшили пройти къ Павлонамъ, сосѣдямъ Константиновцевъ справа. Уже прошли почти все расположеніе ихъ Училища, какъ вдругъ навстрѣчу показалась фигура дежурнаго офицера; всѣ вытянулись, мы же Михайловцы, забывшись, что не у себя, встали во фронтъ. Дежурный офицеръ сразу догадался и, продолжая свой путь проронилъ: *„Михайловцевъ прошу идти къ себѣ“*.

24 августа, старшій курсъ былъ вызванъ Государемъ, произведенъ въ подпоручики и отправленъ на фронтъ. Новаго пріема не было и съ этого дня Училище перешло на два курса: *младшій* и *старшій*, на который и былъ переведенъ средній. Послѣдніе дни августа стало хуже и холоднѣе и къ числу 30-му насъ перевели въ городъ. Старшій курсъ съ орудіями шелъ походнымъ порядкомъ, мы же по жел. дорогѣ, а затѣмъ черезъ весь городъ въ пѣшемъ строю, съ пѣснями. Шт.-кап. Коверскій получилъ полубатарею и наше отдѣленіе принялъ шт.-капитанъ Голубинцевъ. Въ батареяхъ фельдфебелями назначались: въ 1-й **Бибиковъ**. а во 2-й—**Иртель**.

Въ Училищѣ — на Выборгской сторонѣ. Съ прибытіемъ въ городъ началось наше новое знакомство съ обширнымъ зданіемъ Училища. Прежде всего насъ размѣстили въ спальняхъ или „Каморахъ“, гдѣ были хорошія кровати, съ пружиннымъ матрацомъ и двумя мягкими тюфяками, со шкафчикомъ для каждаго и съ табуретками въ ногахъ, для складыванія бѣлья. Каморы обѣихъ батарей начинались съ корридора, гдѣ была дежурная комната и читальня, наша вправо отъ нея, и обѣ каморы выходили къ лѣстницамъ, ведущимъ въ классы второго этажа и столовую перваго. Между ними былъ обширный Бѣлый залъ, окна котораго выходили на Симбирскую улицу. Младшій курсъ въ нашей батареѣ начинался съ маленькой каморы, соприкасающейся съ корридоромъ дежурной комнаты, при чемъ моя кровать была первая у самыхъ дверей. Такая-же камора первой батареи, совмѣстно съ коридоромъ дежурной комнаты и нашей, составляли третій этажъ главнаго фасада зданія съ его подъѣздомъ. Съ нами помѣщалась часть 7-го отдѣленія, затѣмъ камора подъ прямымъ угломъ поворачивала и шла по внутреннему двору Училища. Между нами и старшимъ классомъ помѣщалась чистилка, умывалка, уборная, коридоръ ведущій на 4-й этажъ, гдѣ былъ цейхгаузъ и наконецъ небольшая комната, гдѣ стояла осѣдланная и зааммуниченная деревянная лошадь. Здѣсь изучали аммуницію, сѣдло и дѣлали ножницы. Камора старшаго курса соприкасалась съ Бѣлымъ заломъ, гдѣ стояли гимнастическіе приборы. Надъ Бѣлымъ заломъ: комнаты фехтованія, а надъ каморой 1-ой батареи лазаретъ, во главѣ котораго стоялъ докторъ **Чистовичъ**.

Сразу же въ обѣихъ батареяхъ въ нашъ курсъ были назначены правящіе, т. е. порт.-юнкера старшаго курса. Въ 1-й батареѣ ст. п-юнк. **Сойминовъ** изъ кадетъ, а въ нашей ст. п.-юнк. **Коленко** со стороны, вышедшій позднѣе въ Конную артиллерію; его помощникомъ мл. п.-юнк. **Захаровъ**. Помѣстился онъ въ каморѣ

нашего отдѣленія на правомъ флангѣ, имѣя въ головахъ у себя нашего старшаго Рупшинскаго. На слѣдующій день онъ собралъ всѣ отдѣленія и обратился съ рѣчью, въ которой самымъ подробнымъ образомъ ознакомилъ насъ съ традиціями и правилами жизни. Говорилъ о высокой чести быть въ Мих. Арт. Училищѣ; объ уваженіи къ старшимъ юнкерамъ; о желательности, чтобы каждый юнкеръ имѣлъ бы собственные сапоги и безкозырку; о необходимости въ отпуску быть въ шпорахъ и съ темлякомъ, на что не имѣлъ права козерогъ; о мелочахъ внутренняго распорядка и, наконецъ, о *традиціяхъ*: отдачи всѣмъ первыми чести; запрещеніи пить, играть въ карты, сквернословить, появляться въ обществѣ легкихъ женщинъ и списывать во время отвѣтовъ.

По традиціи ни фельдфебель, ни портупей-юнкера никакой властью не пользовались по отношенію къ рядовымъ юнкерамъ и, за все свое пребываніе въ Училищѣ, не помню ни одного случая нарушенія нашихъ традицій или неуваженія къ старшимъ.

Открытіе при Училищѣ лазарета для раненыхъ и увеличенный составъ юнкеровъ заставили начальство сдѣлать кой-какія измѣненія и первую недѣлю мы даже мѣняли раза два классы. Вскорѣ 6-ое отдѣленіе заняло классъ, сосѣдній съ классной кладовой, гдѣ выдавались пособія и тетради. Академія прекратила занятія и ея три класса, выходящіе на второй этажъ главнаго подъѣзда, были заняты тремя отдѣленіями старшаго класса нашей батареи. Инспекторомъ классовъ былъ ген.-м. **Гродскій** или Жоржъ Гродскій, какъ мы его звали.

Немедленно были выданы учебники и начались занятія. Никто, конечно, вначалѣ и не могъ предположить о длительной войнѣ и и навѣрно точно неизвѣстенъ былъ и срокъ нашего пребыванія, но было очевидно, что значительно меньше трехъ лѣтъ. Поэтому сразу же программа была сокращена, часть предметовъ совсѣмъ вычеркнута: Законъ Божій, всѣ языки, Военная Исторія и географія, черченіе и часть математики. Другая часть — значительно или болѣе-менѣе сокращена и за оба курса намъ читали: артиллерію— академикъ шт.-кап. **Невядомскій**; тактику — ген. шт. полк. **Стойкинъ**, потомъ кап. **Кн. Тумановъ**, позднѣе увлекшійся „великой и безкровной“ и въ 1917 г., кажется погибшій въ чинѣ ген.-маіора; химію — полк, **Солонина** и талантливый кап. **Филипповъ**; механику — кап. **Гуранда**; математику — кап. (не помню); топографію— ген.-м. **Орловъ**; фортификацію—полк. (не помню); законовѣдѣніе — (не помню); администрацію — адъютантъ Училища капитанъ **фонъ Ланге** и Иппологію — нашъ ветеринарный врачъ. Экзамены отмѣнялись и ихъ замѣнила система репетицій послѣ 18 часовъ.

Все строевое обученіе лежало на нашихъ курсовыхъ офицерахъ: всѣ уставы; гимнастика и пѣшій строй; правила стрѣльбы и объяснительная къ нимъ записка; арт. развѣдка; рубка; матеріальная часть и верховая ѣзда. Послѣдняя происходила въ трехъ внутреннихъ манежахъ: смѣнная и уносная. На ѣзду орудійную и стрѣльбу изъ револьверовъ мы ходили, подъ командой своего старшаго, въ Ломанскій манежъ, внѣ Училища, гдѣ были конюшни и помѣщалась команда солдатъ. Кромѣ того, были уроки фехтованія и боя на эспадронахъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что составъ курсовыхъ офицеровъ былъ блестящій, знающій свое дѣло и почти всѣ штабсъ-капитаны — участники Японской войны, съ Владимірами 4-й ст. съ мечами и бантомъ и Анненскимъ темлякомъ, что еще болѣе повышало ихъ авторитетъ. Къ юнкерамъ были заботливы, внимательны и корректны. Правда, среди нихъ было нѣсколько нелюбимыхъ за ихъ усердіе въ ловлѣ юнкеровъ въ ношеніи неприсвоенныхъ шпоръ, что влекло за собою второй разрядъ по поведенію и 30 сутокъ безъ отпуска. Иногда послѣ повѣрки, когда читались выдержки

У „донны Анны". (Альбомъ 1909 г.).

изъ журнала взысканій, имъ устраивались бенефисы. Въ этомъ отношеніи поимки были рѣдки, т. к. у юнкеровъ выработались извѣстные навыки и мы уже знали, что надо было дѣлать при внезапныхъ встрѣчахъ, напримѣръ: увидѣвъ полк. Авринскаго, юнкеръ долженъ былъ смѣло идти, встать лихо во фронтъ, щелкнуть шпорами, командиръ батареи здоровался и проходилъ дальше. Въ лѣтнее время, когда носились шинели въ накидку, при явкѣ въ отпускъ бывали и такіе случаи, что дежурный офицеръ заставлялъ поднимать полы шинели и, обнаруживъ собственные галифэ, записывалъ въ журналъ или посылалъ обратно въ батарею, съ приказаніемъ одѣть рейтузы и снова явиться. Но и здѣсь была контръ мѣра, зная кто дежурный, юнкера закалывали сзади галифэ булавкой и такъ свободно проходили. Въ нашей батареѣ такъ былъ строгъ лишь одинъ шт.-кап. Шкапскій, прекрасный строевикъ,

мрачный и непривѣтливый, носившій синіе очки, придававшіе ему больше таинственности, за это его юнкера прозвали „бандитомъ“.

Съ ранняго утра, сразу же послѣ чая, начинались занятія и лекціи, съ перерывомъ для завтрака, а затѣмъ продолжались до обѣда — 16 часовъ. Послѣ, если не было репетицій, юнкеръ свободно располагалъ своимъ временемъ; часа полтора желающимъ разрѣшалось поспать, для чего въ каморахъ зажигался ночной свѣтъ, должна была соблюдаться тишина, но спать могли только обязательно снявъ сапоги. Конецъ этого отдыха возвѣщался звонкомъ, съ обходомъ батарей дежурнымъ офицеромъ. Затѣмъ можно было оставаться въ каморахъ или идти въ классы для занятій. Послѣ обѣда желающіе могли идти гулять на плацъ передъ подъѣздомъ, гдѣ была училищная лавка или „донна Анна“ — жена запаснаго солдата гв. полка. У нея было абсолютно все и дешево; здѣсь закупалось все необходимое для „собакъ“ или для нуждъ одиночныхъ юнкеровъ. Обычно всегда тамъ стояла очередь и каждый вновь подошедшій юнкеръ, взявъ руку подъ козырекъ, спрашивалъ: *„Разрѣшите узнать, кто послѣдній“*, — послѣдній, отдавъ честь, говорилъ — *„я“*.

Коснувшись этого вопроса, необходимо отмѣтить, что кормили насъ очень хорошо. Утромъ чай съ булочками разнаго сорта; завтракъ — мясной съ гарниромъ, булочками, чернымъ хлѣбомъ и чаемъ, особенно мы любили среду, когда былъ пирогъ, булочки и кофе; обѣдъ — обязательно пирогъ къ супу, мясное съ гарниромъ, всегда кондитерское пирожное и квасъ; наконецъ и ужинъ — чай съ котлетами, сыромъ, сосисками и т. д. Всегда давали добавку, всѣ любили дежурство по кухнѣ, гдѣ повара дежурному и его помощникамъ дѣлали по заказу меню. По очереди каждая батарея вела хозяйство, выбирая артельщика и въ моемъ выпускѣ таковымъ былъ нашей батареи, Сибирскаго кад. корпуса, юнкеръ **Думбадзе.**

Изъ другихъ нарядовъ были дневальные по каморамъ, на обязанности которыхъ было слѣдить за порядкомъ и будить юнкеровъ. Младшій классъ несъ нарядъ у старшаго и по заведенной традиціи „козерогъ“ не имѣлъ права будить „подпоручика“ послѣ второго сигнала, когда начинался обходъ дежурнаго офицера. Для этого существовала слѣдующая процедура: фланговые дневальные въ каморахъ обѣихъ батарей занимали наблюдательные посты: на правомъ флангѣ, т. е, изъ дверей выходящихъ въ корридоръ дежурной комнаты и на лѣвомъ — изъ дверей въ Бѣлый залъ. Какъ только выходилъ дежурный офицеръ, первые дневальные видѣли — куда онъ свернулъ — въ 1-ю или во 2-ю батарею и отбѣжавъ отъ двери, въ случаѣ если онъ шелъ къ нимъ въ батарею, кричали — „пссс... сс...“ Съ этого момента съ него снималась всякая отвѣтственность. Если же дежурный офицеръ шелъ въ другую батарею, то же передавалось по цѣпи дневальныхъ къ лѣвымъ и уже тѣ ожидали, когда появится дежурный офицеръ въ Бѣломъ залѣ. Какъ бы юнкеръ не спалъ, онъ моментально вскакивалъ и начиналъ одѣваться, ну, а если спалъ, то докладывалъ, что его дневальный будилъ.

Отношенія между юнкерами были самыя корректныя и товарищескія, уваженіе къ старшимъ и всегда взаимная поддержка. Нѣкоторая отчужденность между нами, кадетами, и „со стороны", вскорѣ прошла, они въ большинствѣ оказались хорошими друзьями и съ многими мы были на „ты". Въ моемъ отдѣленіи было 14 кадетъ на 19 „со стороны", въ числѣ коихъ два съ высшимъ образованіемъ, при чемъ одинъ инженеръ-химикъ былъ старше 30 лѣтъ, почти совсѣмъ лысый и черезчуръ неповоротливый. Онъ даже остался на старшемъ классѣ и кончилъ со слѣдующимъ выпускомъ. Хоть насъ, кадетъ, было мало, но все было въ нашихъ рукахъ.

Сразу-же, по прибытіи въ городъ, началась пригонка новаго обмундированія: шинелей — на примѣркѣ всѣ старались ихъ словчить подлиннѣе; бушлатовъ — для строевыхъ занятій и прогулокъ; парадныхъ мундировъ съ галунами; рейтузъ, безкозырокъ, сапогъ и киверовъ, которые намъ ни разу и не пришлось носить. Храненіе нашей одежды и ея чистка лежала на обязанности служителей или „дядекъ". Они-же убирали каморы и подавали въ столовой. На отдѣленіе былъ одинъ, обязанности свои несъ отлично и получалъ въ мѣсяцъ отъ каждаго юнкера рубль.

Одновременно съ учебниками, намъ выдали толстую книжку правилъ для юнкера, въ которой были описаны всѣ правила внутренней жизни, съ процедурой закладокъ репетицій и т. д. Вначалѣ сентября младшій курсъ, послѣ строевого экзамена — отданіе чести, выправка и прыжки черезъ „кобылу", получилъ право хожденія въ отпускъ. Каждый имѣлъ право брать отпускъ по выбору въ одинъ изъ любыхъ дней недѣли послѣ обѣда, а затѣмъ въ праздники и наканунѣ ихъ. Отпускъ съ ночевкой получали только къ родителямъ, остальные ходили безъ ночевки до 23 часовъ; въ праздники только послѣ Богослуженія и, кажется, разъ въ двѣ недѣли, до окончанія спектакля, т. е. позднѣе полночи. Лишались права на отпускъ имѣющіе неудовлетворительный баллъ по репетиціямъ, впредь до его исправленія и выписавшіеся изъ лазарета — въ теченіе трехъ дней со дня выписки. Юнкера не имѣли права по вечерамъ ходить по солнечной сторонѣ Невскаго и послѣ 18 час. посѣщать кино, гдѣ просто не продавали билеты.

Традиціи соблюдались свято, одѣвали все собственное: галифэ, сапоги, мятки-безкозырки и въ ближайшемъ удобномъ мѣстѣ одѣвались шпоры и темлякъ. Для этого сразу же, съ первыхъ дней пріѣзда въ городъ, послѣ обѣда наша швейцарская осаждалась поставщиками. Представители шпоръ — Савельева; сапожники: Кищенко и другіе, портные: Павловъ, Капланъ и т. д... Все предлагалось въ разсрочку и даже въ счетъ производства. Хромовые сапоги стоили 15—18 рублей.

Въ концѣ сентября въ Училищѣ открылся лазаретъ для раненыхъ, который обслуживался, главнымъ образомъ, женами курсовыхъ офицеровъ или ихъ знакомыми, среди которыхъ было много барышень, во главѣ съ симпатичной и милой племянницей ген. Карачана. Послѣ обѣда мы частенько посѣщали лазаретъ и проводили время мило въ бесѣдахъ. Племянница ген. Карачана была ярая Михайлонка, знавшая всю жизнь Училища и у нея на квартирѣ

иногда собиралась юнкерская молодежь. Когда открылся лазаретъ, то юнкера рѣшили отказаться отъ сладкаго блюда въ пользу раненыхъ, но начальство это не разрѣшило, считая, что мы обязаны, кромѣ знаній, набраться какъ можно больше силъ для предстоящей боевой службы.

5 октября, въ день Тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, въ большомъ манежѣ Училища, состоялся парадъ, во время котораго младшій классъ, выстроенный въ пѣшемъ строю передъ конным фронтомъ двухъ батарей, принялъ присягу. Затѣмъ все Училище прошло церемоніальнымъ маршемъ передъ Начальникомъ Главнаго Артилл. Управленія ген.-отъ-артиллеріи **Кузьминымъ-Караваевымъ**. Послѣ парада наши отдѣленія въ классахъ подписали текстъ присяги и его сдали своему курсовому. Съ этого дня мы всѣ были переведены въ первый разрядъ по поведенію, т. е. получили унтеръ-офицерское званіе, дающее право на ношеніе шпоръ и темляка.

Старшій классъ усиленно готовился къ производству, которое намѣчалось въ декабрѣ. Начались одна за другой репетиціи, приходилось много къ нимъ готовиться и свободнаго времени стало еще меньше. Послѣ обѣда обыкновенно спѣшили въ читальню узнать новости съ фронта, затѣмъ небольшая прогулка на воздухѣ, а потомъ за ученіе. Иногда собирались компаніей и посѣщали театры и циркъ.

Петроградскій Военный Округъ входилъ въ составъ Дѣйствующей Арміи, составляя ее 6-ю армію, и Училище было всегда въ боевой готовности. Къ началу ноября была отмѣнена зимняя форма, намъ сшили новыя защитныя фуражки и такого же цвѣта суконныя рубашки, кои замѣнили безкозырки и мундиры.

25 ноября — нашъ училищный праздникъ. Послѣ Богослуженія обѣ батареи, въ парадной походной формѣ, со своимъ хоромъ трубачей, выстроились въ Бѣломъ залѣ для парада, который принялъ ген. Кузьминъ-Караваевъ, въ сопровожденіи ген. Чернявскаго. Послѣ церемоніальнаго марша состоялся парадный обѣдъ, съ традиціоннымъ для этого дня меню. На обѣдѣ присутствовало все начальство, много бывшихъ питомцевъ и игралъ оркестръ одного изъ запасныхъ гвардейскихъ полковъ. Балъ по случаю войны былъ отмѣненъ и вмѣсто этого — отпускъ

1-го декабря старшій курсъ былъ произведенъ въ подпоручики и отправленъ на фронтъ. Это были послѣдніе *подпоручики*, которые, вмѣстѣ съ предыдущими, впослѣдствіи получили названіе **выпусковъ военнаго времени** — 1-го и 2-го. Одновременно, наши сверстники по корпусу — изъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ училищъ — были произведены въ *прапорщики*.

Насъ же перевели на старшій курсъ и мы положили основаніе, такъ называемымъ, **ускореннымъ выпускамъ**, получивъ позднѣе названіе *перваго*. Наше отдѣленіе принялъ шт.-кап. фонъ Бадеръ...

(Продолженіе въ слѣдующемъ выпускѣ).

Викт. Павл. Родзянко.
капитанъ, выпуска 1916 г.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ГИМНАЗИСТА.

Съ большимъ интересомъ прочелъ я первый выпускъ сборника „Михайловцы".

Въ отвѣтъ на просьбу о матеріалѣ попробую передать впечатлѣніе, произведенное Училищемъ на 19-тилѣтняго юношу, хотя и принадлежавшаго къ военной семьѣ, но окончившаго гимназію, а до этого воспитывавшагося, главнымъ образомъ, заграницей.

В. П. Родзянко (Уск. вып. въ маѣ 1916 г.). „На одной изъ историческихъ пушекъ".

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Великая война, революція, Добровольческая армія, Константинополь, Америка... и потому многія подробности забыты. Но главныя впечатлѣнія легли неизгладимою печатью.

Въ ноябрѣ или декабрѣ 1915 года я попалъ въ 7-е отдѣленіе 2-й батареи, *пятаго* ускореннаго выпуска.

Начальникомъ Училища былъ ген. **Карачанъ**, командиромъ 1 й батареи — полк. **Невядомскій**, командиромъ же 2-й батареи — полк. **Авринскій**. Кажется, насъ произвели въ прапорщики 1-го мая 1916 г., и приблизительно недѣли черезъ двѣ послѣ этого я сидѣлъ на наблюдательномъ пунктѣ на Двинскомъ фронтѣ.

Все это было продѣлано съ такой головокружительной быстротой, что почти не было времени оглядѣться, и, къ сожалѣнію, очень близкія связи съ товарищами просто не успѣли установиться, какъ это было бы въ мирное время.

Духовная же связь съ Училищемъ даже за это короткое время установилась полная, и я всегда считалъ себя счастливымъ за то, что мнѣ удалось окончить даже ускоренный выпускъ. Въ

подтвержденіе этого скажу, что черезъ годъ послѣ производства, уже будучи подпоручикомъ Л.-Гв. Конной Артиллеріи, я выбралъ вѣнчаться именно въ церкви Училища.

Конечно, что дѣлало такую духовную спайку въ столь короткій срокъ возможной, — это свѣтлыя и глубокія традиціи Русской Арміи. Но это еще не все: надо отдать должное прекрасному офицерскому составу Училища. Нигдѣ я не видѣлъ, наравнѣ съ требовательностью, болѣе справедливаго, ровнаго, привѣтливаго и умнаго отношенія, чѣмъ въ Училищѣ. Это чувствовалось во всемъ и, кажется, что для нѣкоторыхъ бывшихъ штатскихъ являлось до извѣстной степени пріятной неожиданностью.

Близко познакомиться съ личностью отдѣльныхъ офицеровъ, какъ и съ товарищами, не удалось изъ-за недостатка времени. Конечно, лучше всего помню своихъ болѣе непосредственныхъ начальниковъ. Моимъ отдѣленнымъ командиромъ былъ весьма милый и симпатичный шт.-кап. **Братчиковъ**. Полубатарейнымъ командиромъ былъ капитанъ **Поповъ**, котораго прозвали „Поповъ съ хрѣномъ“ за то, что онъ имѣлъ здоровеннѣйшій голосъ и, хотя былъ строгъ, но имѣлъ въ общемъ болѣе внушительный видъ, нежели строгости, и, повидимому, былъ добрѣйшимъ человѣкомъ. Его тоже любили.

Составъ юнкеровъ былъ весьма разношерстный, но очень милый и приличный. Повидимому, несмотря на войну, не всѣхъ принимали. Были всякіе возрасты: отъ 17-ти и до 40. Средній возрастъ былъ около 25—30. Были крупные дѣловые люди, инженеры, кадеты, студенты, гимназисты... Было много отцовъ семействъ.

Всѣ, конечно, подводились подъ одну рамку, и нѣкоторымъ изъ болѣе пожилыхъ и холеныхъ было подчасъ не легко, особенно когда дѣло доходило до гимнастики или вольтижировки. Помню въ особенности одинъ урокъ вольтижировки, когда нѣсколько отцовъ семействъ и другихъ толстяковъ дѣлали большія усилія, чтобы вскочить на коня и исполнить другія приказанія, какъ то: „ножницы“ и т. д. Это было такъ забавно, что все отдѣленіе, несмотря на дисциплину, не могло удержаться отъ смѣха. Улыбался и шт.-кап. Братчиковъ, не смотря на всѣ его старанія сохранить серьезность. Приходится удивляться, какъ нѣкоторые изъ болѣе пожилыхъ справлялись съ затрудненіями. Для многихъ изъ нихъ верховая ѣзда была труднымъ номеромъ, особенно, если конь оказывался трясскимъ. Такъ вотъ, они какъ-то, повидимому, поуспѣвали изучить имена и качества училищныхъ коней, и при началѣ смѣнной ѣзды бросались опрометью къ своимъ любимцамъ. Такимъ образомъ, тѣ изъ насъ, которые не изучили этого вопроса такъ досконально и не были къ сему такъ побуждаемы силой обстоятельствъ, неизбѣжно попадали на какихъ-то безумно трясскихъ звѣрей. Припоминается, какъ однажды къ концу смѣны я еле понималъ, что вокругъ меня происходитъ, и было чувство будто цѣлый часъ меня били дубиной по головѣ.

Но когда дѣло доходило до классовъ, то преимущество часто было на сторонѣ „ученыхъ“, мозги которыхъ были лучше натасканы. Но всѣмъ въ этомъ отношеніи было не легко.

Чтобы показать, какъ молніеносно производился переходъ отъ штатской психологіи къ юнкерской, скажу, что въ исполненіи установленныхъ традицій бывшіе штатскіе старались не отставать. Всѣ, конечно, носили шпоры, когда это не разрѣшалось, а когда, наконецъ, разрѣшили, то было чувство, будто придѣлали крылья. Въ послѣдующіе годы я дослужился до чина капитана, но никогда не испытывалъ такого подъема, какъ — когда меня произвели въ младшіе портупей-юнкера. И этому нисколько не мѣшало то, что мнѣ пѣли: *„нашивки не простыя, изъ мыла сварены“*.

Подп. **Конст. Иван. Некрашевичъ-Покладъ,** к-ръ 3 бат. 8 Сиб. Стр. арт. бр. Выпуска 15-III-1905 г.

Изъ зданія Училища наиболѣе ярко врѣзался въ память Бѣлый залъ, гдѣ строились нѣсколько разъ въ день и гдѣ пѣли молитву. Эта замѣчательная традиція Русской Арміи была въ особенности вдохновительна и сильно помогала всеобщей спайкѣ.

Конечно, самымъ пріятнымъ временемъ въ Училищѣ было, когда мы попали на нѣсколько недѣль въ лагерь въ Дудергофъ. Зубрежки уже тамъ не было и можно было, наконецъ, оглядѣться. Работа въ полѣ была пріятная, интересная и не трудная. Въ особенности сильное впечатлѣніе произвела стрѣльба съ Царскаго Валика, — конечная практическая цѣль всей нашей работы.

Съ тѣхъ поръ ужасныя испытанія выпали на долю нашей дорогой Родины, и иногда кажется, что свѣтлыя традиціи Русской Арміи и Михайловскаго Училища пропали безвозвратно. Но я этому не вѣрю! Русскій народъ сброситъ съ себя звѣря, который его душитъ, и тогда онъ вернется къ старымъ основнымъ традиціямъ, потому что онѣ покоятся на глубочайшемъ фундаментѣ, который не можетъ быть разрушенъ временемъ. Пусть эти традиціи воскреснутъ даже подъ другимъ именемъ, не все ли равно? Дѣло въ ихъ сути. И вотъ, быть можетъ, тѣ изъ насъ, которые понимаютъ и цѣнятъ глубокій смыслъ старыхъ основныхъ традицій, смогутъ тогда помочь русскому народу въ его исканіи путей обратно къ свѣту.

И я вѣрю, что это время можетъ быть не столь отдаленно, какъ это многимъ кажется.

Конст. Воисл. Саватіевичъ
рез. кап. 1 кл. Югослав. арміи
и
Алекс. Иван. Крыловъ
сотникъ Русской арміи.

IX УСКОРЕННЫЙ КУРСЪ.

Вып. 1 іюля 1917 года.

Много уже лѣтъ прошло съ того дня, когда мы оставили и милыя стѣны Михайловскаго Артиллерійскаго Училища и дорогіе намъ предѣлы когда-то Великой матушки Россіи. Вспоминая и перебирая въ памяти прошлое, вспоминая нашихъ друзей-однокашниковъ, наши юнкерскія настроенія и весь укладъ нашей жизни,— мы съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія констатируемъ, что IX уск. курсъ, несмотря на трагизмъ своего положенія, остался достойнымъ имени Училища, въ которомъ онъ воспитывался и учился. Трагизмъ же этого положенія заключался въ томъ, что разразившійся бунтъ, такъ сказать, надломилъ нашъ курсъ: вступивъ въ стѣны славнаго Михайловскаго Артиллерійскаго Училища при Величайшемъ Славянинѣ на Престолѣ, **Царѣ-Мученикѣ Императорѣ Николаѣ II,** IX уск. курсъ вышелъ изъ Училища, по волѣ Всевышняго, при ничтожнѣйшемъ правительствѣ, какое когда-либо знала Россія. Но, оканчивая Училище при обстоятельствахъ необычныхъ, не такихъ, какъ мы всѣ предполагали при поступленіи, юноши IX уск. курса, тѣмъ не менѣе, сохранили чистоту своихъ сердецъ, не принявъ революціи и охарактеризовавъ ее съ первыхъ же дней, по мѣткому выраженію порт.-юнкера 2-й батареи **Бѣляева**, принятому и усвоенному потомъ всей юнкерской массой курса, какъ Россійское „*безобразіе*“ *).

Величайшая благодарность за это принадлежитъ, безусловно, нашему славному и дорогому Училищу, ибо только въ немъ (принимая во вниманіе краткость времени пребыванія въ Училищѣ) могли дать отличные ростки сѣмена любви къ Царю и Родинѣ, заложенныя въ большинство изъ насъ еще въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Весьма показателенъ въ этомъ отношеніи инцидентъ съ юнкеромъ VI отд. 2-й бат. Александромъ Александровичемъ **Гельбке**, имѣвшій мѣсто въ первые же дни петербургскаго хаоса. Дѣло было такъ: нашъ (т. е. 2-й бат.) полубатареѣный — гв. шт.-кап. **Братчиковъ** приказалъ батареѣ построиться въ Бѣломъ залѣ. Поздоровавшись съ юнкерами, онъ приказалъ стать внѣ строя и окру-

*) Конечно, были и исключенія, были и „воспріявшіе“, но это были единицы подтверждавшіе только антиреволюціонное настроеніе юнкеровъ всего курса Такими „воспріявшими“ единицами, прежде всего и главнымъ образомъ, были: отъ юнкеровъ 1 бат. порт.-юнкеръ Павловъ, а отъ офицерскаго состава Училища — командиръ 1 бат. полк. Невядомскій. Это были два наиболѣе одіозныя имени всего курса.

житъ его для собесѣдованія. Нарисовавъ юнкерамъ въ сочувственныхъ краскахъ картину того, что происходило въ городѣ, онъ увѣренно закончилъ: „Я не сомнѣваюсь, господа, что вы, какъ люди штатскіе*), вполнѣ все это понимаете и одобрите!“, на что дорогой Александръ Александровичъ, вспыхнувъ почти до слезъ, рѣзко отвѣтилъ: *„Господинъ капитанъ я все это понимаю, но не одобряю и никогда не одобрю этого безобразія, а Государю Императору не измѣню!“*. Эффектъ былъ потрясающій — раздались одобрительные возгласы... „Господинъ капитанъ“, вздумавшій въ лучшемъ случаѣ полиберальничать и получивъ неожиданный урокъ отъ „штатскаго“ А. А. Гельбке, смѣшался и какъ-то буквально растаялъ, исчезъ изъ нашей средины. Гдѣ-то теперь этотъ чистый сердцемъ юноша-юнкеръ, дорогой намъ А. А. Гельбке?

Ген.-лейт. **Влад. Андреев. Леховичъ**, послѣдній Начальникъ Глав. Артил. Управленія — 1917 г.

Такимъ образомъ, IX уск. курсъ за свой короткій періодъ еще Императорской Россіи получилъ уже отъ Училища прививку противъ той болѣзни, которая разразилась въ странѣ съ конца февраля мѣсяца 1917 года.

Юнкера IX уск. курса, охарактеризовавъ революцію „безобразіемъ“, продолжали свою жизнь и работу по прежнему, старому руслу. Мы считали все происходящее плохимъ сномъ, который не продолжится долго. Мы вѣрили почему-то, вѣроятно, по юношескому легкомыслію, что мрачныя тучи быстро разсѣются и ко времени нашего производства жизнь опять пойдетъ по своему налаженному историческому пути, а мы еще послужимъ матушкѣ Россіи подъ ея священнымъ лозунгомъ: „За Вѣру, Царя и Отечество!“, съ которымъ служили и умирали наши предки. Увы, чуда, котораго мы ждали, не случилось. Съ тѣхъ поръ прошло вотъ уже 20 лѣтъ, и наши мечты еще не сбылись. Въ жизни за это время произошло много и большихъ и малыхъ перемѣнъ и измѣненій, но вѣра наша— вѣра воспитанниковъ IX уск. курса Мих. Арт. Учил. осталась та-же.

Теперь, оглядываясь все чаще и чаще назадъ, вспоминая наше пребываніе въ Училищѣ, намъ, „молодымъ“ Михайловцамъ, пріятно

*) Курсъ былъ „штатскій“, ибо, за исключеніемъ максимально 10 юнкеровъ изъ кадетскихъ корпусовъ, вся остальная масса юнкеровъ была изъ гражданскихъ учебныхъ заведеній.

сознавать, что шли мы по тому же „Михайловскому“ пути, по которому передъ нами прошли наши старшіе коллеги, учителя и начальники. Намъ пріятно сознавать, что между нами и ими нѣтъ духовнаго разрыва, а въ этомъ залогъ нашего воскресенія. Также, какъ и наши старшія поколѣнія, мы прежде всего гордились и гордимся, что мы Михайловцы, а гордясь этимъ именемъ, мы заботились (и тогда и теперь), чтобы престижъ намъ дорогого Училища стоялъ на недосягаемой высотѣ, — отсюда наша любовь къ Училищу, отсюда прилежное и серьезное отношеніе юнкеровъ ко всему намъ преподаваемому и къ своимъ обязанностямъ.

Ген.-лейт. **Алекс. Ив. Постовскій** — 1915 г. (Вып. Уч.—1880 г.).

Товарищество и спайка, несмотря на краткость курса, были такія, какія едва ли могутъ быть гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Ускор. курсъ, и серба Коку Саватіевича, и великоросса А. Крылова, и сибиряка Л. Яблокова, и южанина Н. Бабіева, и кавказца Ильяса Хана Талышинскаго, — всѣхъ насъ сдѣлалъ Михайловцами до скончанія дней нашихъ. Типичнѣйшій примѣръ такой „Михайловской“ спайки и товарищества представляютъ, хотя бы, вотъ, наши отношенія: въ стѣнахъ Мих. Арт. Училища на IX уск. курсѣ оказались два юнкера — одинъ сербъ — К. Саватіевичъ, юнкеръ VIII отд., а другой русскій — А. Крыловъ, юнкеръ VI отд. Окончили Училище и разошлись, чтобы черезъ 15—16 лѣтъ случайно встрѣтиться въ Югославіи и притомъ встрѣтиться такъ, какъ встрѣчаются братья, прожившіе цѣлый рядъ лѣтъ подъ одной родительской кровлей. Развѣ не заслуга это Мих. Артил. Училища и развѣ можно не любить и не гордиться такимъ Училищемъ?

Хочется вѣрить, а мы и вѣримъ, что у насъ у всѣхъ Михайловцевъ, какъ птенцовъ одного гнѣзда, — одно желанье:

„Скорѣй добраться до Москвы,
Увидѣть тамъ коронованье
И спѣть Царю — Аллаверды!“.

Ибо съ возрожденіемъ Царской Россіи, съ возстановленіемъ этого общаго Великаго Славянскаго Дома — возродится и тотъ маленькій уголокъ его, наше разрушенное гнѣздо — **Михайловское Артиллерійское Училище**, которому мы теперь съ любовью посвящаемъ наши мысли и воспоминанія.

♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦

Радивой Фед. Бойовичъ
полков. Югосл. арміи въ пенсіи.
Вып. Академіи — 1892 г.

ВЪ АКАДЕМІИ.

(1889—1892 гг.).

Полк. Лашковъ попросилъ меня, какъ „Михайловца", написать мои воспоминанія о Мих. Арт. Академіи, на что я съ радостью отзываюсь, ибо время проведенное въ Артил. Академіи, какъ и вообще въ Россіи, съ 1889 по 1892 годъ, считаю — лучшими днями моей жизни; если прибавить, что тогда на престолѣ мощной и могучей Россіи сидѣлъ Царь Александръ III, то я увѣренъ, что всякій Михайловецъ того времени легко пойметъ, почему я говорю, что тогда были наилучшіе дни моей жизни.

Радивой Федор. Бойовичъ,
подпоручикъ Сербской артил. —1892 г.

Сербское Военное Министерство, желая имѣть извѣстное число офицеровъ съ высшей артиллерійской подготовкой, раньше посылали нашихъ офицеровъ въ Австрію и Францію, и только въ 1889 г. Сербскій Военный Министръ рѣшилъ послать трехъ артилл. офицеровъ въ Русскую Михайловскую Артил. Академію. Выборъ палъ на артиллер. поручика Георгія Петровича **Анастасіевича** и Гойко Афанасьевича **Джурича**, окончившихъ низшій курсъ Сербской военной Академіи*) въ 1885 г. и меня, подпоручика Радивоя Федоровича **Бойовича**, вып. 1887 года.

4 января 1889 г. мы отправились въ Россію и, черезъ Вѣну, Варшаву и Вильну, прибыли въ Петербургъ 13 января, при морозѣ въ 15° С.

На слѣдующій день мы явились нашему посланнику, а черезъ день представились Военному Министру ген. Ванновскому.

---

*) По нашему — „Военное Училище" *(Прим. Ред.)*

Ген. Ванновскій былъ небольшого роста, съ сѣдой бородой, въ золотыхъ очкахъ, черезъ которые виднѣлись сѣро стальные проницательные глаза. Онъ насъ принялъ очень любезно, говорилъ о томъ, какъ полезно будетъ для Сербской артиллеріи и Сербской арміи полученное нами высшее техническое артиллерійское образованіе, а въ концѣ добавилъ, что такъ какъ мы не владѣемъ настолько русскимъ языкомъ, чтобы могли слѣдить за лекціями въ Михайловской Академіи, то предварительно мы будемъ прикомандированы къ войскамъ для изученія русскаго языка, а чтобы для насъ было больше пользы, онъ насъ пошлетъ въ разные роды артиллеріи, а именно: пор. Джуричъ назначенъ въ Крѣпостную артиллерію — въ Кронштадтъ, пор. Анастасіевичъ — въ 22 арт. бригаду, въ Новгородъ, а я — въ 5-ю батарею Гвард. Конной Артиллеріи, которой командовалъ полк. Фанъ-дер-Флитъ.

Прослуживъ 6 мѣсяцевъ въ строю и пробывъ 2 мѣсяца въ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, я въ сентябрѣ 1889 г. явился Начальнику Мих. Артил. Акад. ген.-лейт. Ник. Афанас. Демяненкову.

Ген. **Демяненковъ**, выше средняго роста, въ очкахъ, съ острымъ взглядомъ, принялъ насъ серьезно и съ достоинствомъ, сказалъ нѣсколько поучительныхъ словъ о томъ, что мы, поступая въ Мих. Арт. Академію, должны придерживаться всѣхъ тѣхъ законовъ и правилъ, которые существуютъ для русскихъ офицеровъ и что онъ надѣется, что мы исполнимъ свои обязанности до конца.

Ген. Демяненковъ показался мнѣ съ перваго взгляда строгимъ и недоступнымъ, но позднѣе я увидѣлъ, что онъ человѣкъ добрый, всегда заботившійся объ Академіи и Училищѣ, неустанно работавшій надъ ихъ усовершенствованіемъ, влагая въ это большой трудъ, энергію и талантъ, благодаря чему Мих. Артил. Академія заняла завидное мѣсто не только между Академіями въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, давши немалое число ученыхъ, знаменитыхъ не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ: имена Маевскаго, Н. Забудскаго, Ипатьева и др. извѣстны всему научному міру...

Инспекторомъ классовъ былъ полк. Карлъ Егор. **Гукъ**, очень симпатичный и доступный. Не знаю по какимъ причинамъ, но я пользовался его особой симпатіей и онъ часто приглашалъ меня на чай и тогда, когда не было гостей, а только супруга и дѣти. При моемъ отъѣздѣ они мнѣ дали свои фотографіи, которыя и сейчасъ напоминаютъ мнѣ о тѣхъ прекрасныхъ часахъ, которыя я провелъ въ семьѣ Гука.

Помощникомъ инсп. классовъ былъ кап. Петръ Алекс. Шифъ, высокій блондинъ, съ длинной бородой; всегда серьезный; сильный математикъ. Онъ читалъ „Теорію упругости“, которая была настолько сложна, что позже ему было запрещено передавать ее въ такомъ объемѣ и изложеніи.

Считаю своимъ долгомъ вспомнить и о всѣхъ почтенныхъ профессорахъ, которымъ я весьма благодаренъ за полученныя знанія, принесшія мнѣ впослѣдствіи такъ много пользы въ жизни.

Въ младшемъ классѣ Внѣшнюю Балистику и Теорію наименьшихъ квадратовъ преподавалъ знаменитый міровой ученый ген. отъ арт. Ник. Влад. **Маевскій**; въ свои лекціи вносилъ немного и юмора;

вслѣдствіе глубокой старости, онъ не довелъ своихъ лекцій до конца года и его замѣнилъ кап. Ник. Алекс. **Забудскій**, небольшого роста и очень живого темперамента; онъ уже и тогда былъ извѣстной личностью, а его курсъ „Внѣшняя баллистика“ былъ оцѣненъ по достоинству не только въ Россіи, но и заграницей.

Ружейное и патронное дѣло читалъ заслуж. проф ген.-лейт. Влад. Львов. **Чебышевъ**, довольно уже старый; очень красиво и ясно вычерчивалъ на доскѣ части винтовокъ и патроновъ.

Лекціи по „Исторіи Артиллеріи“ началъ читать проф. Левъ Львов. **Кирпичевъ**, но прочиталъ только одну, послѣ которой умеръ отъ удара. Однако, эта одна лекція глубоко врѣзалась въ моей памяти. На ней присутствовалъ самъ Начальникъ Академіи ген. Демяненковъ, большинство профессоровъ Академіи и много офицеровъ генеральнаго штаба.

Когда ген. Кирпичевъ поднялся на кафедру, то былъ привѣтствованъ апплодисментами. Затѣмъ ген. Кирпичевъ сказалъ примѣрно такъ: „Чтобы было извѣстно, что это лекція по Исторіи Артиллеріи, я прикрѣпляю на доскѣ вотъ этотъ чертежъ“, который изображалъ 12-ти фунтовую бронзовую пушку. Затѣмъ онъ началъ свою лекцію, но она не имѣла никакой связи съ Исторіей Артиллеріи, а была чисто политической.

Далеко бы я отошелъ, если бы привелъ ее даже въ самомъ краткомъ видѣ, посему я скажу только о концѣ ея, гдѣ онъ говорилъ, что Россія имѣетъ свой „*Влади-Востокъ*“, свой „*Влади-Сѣверъ*“*), но на югѣ она имѣетъ Черное море, которое есть закрытая лужа. Поэтому Россія должна имѣть выходъ на открытое море, которое не замерзаетъ; она должна имѣть свой „*Влади-Югъ*“, а именно Персидскій заливъ; „между нимъ и нами находится Персія, какъ упругій буферъ, на который съ одной стороны нажимаетъ Россія, а съ другой — Англія; придетъ день, когда давленіе перейдетъ предѣлъ упругости, буферъ треснетъ, ...но Россія должна имѣть свой „*Влади-Югъ*“...“. Конецъ лекціи сопровождался апплодисментами всѣхъ присутствующихъ...

Ген. Кирпичева очень любили, что особенно подчеркнули его похороны. Его гробъ отъ Сергіевскаго всей Артиллеріи собора до Новодѣвичьяго монастыря несли на плечахъ слушатели Академіи.

Инженеръ-технологъ ст. сов. Дмит. Конст. **Черновъ** читалъ лекціи по „Сталелитейному дѣлу“. Знаменитый ученый въ Россіи и заграницей, онъ былъ влюбленъ въ свое дѣло и читалъ лекціи съ большимъ воодушевленіемъ, влагая въ нихъ всю свою душу.

Шт.-кап. Григ. Алекс. **Забудскій**. Очень скромный, но зато и очень цѣнный; его лекціи были очень хорошо разработаны. Онъ преподавалъ „Порохъ“, а послѣ смерти кап. Панпушко и „Взрывч. вещества“ по лекціямъ, составленнымъ кап. Панпушко.

Проф. ген.-м. Мих. Конст. **Тахтаревъ** читалъ „Паровыя и подъемныя машины“. Не вступалъ въ разговоры: войдя въ классъ, подходилъ къ доскѣ, бралъ мѣлъ, писалъ, чертилъ, говорилъ, объяснялъ и, закончивъ лекцію, тихо уходилъ.

Полк. Мих. Ник. **Барановскій** былъ шт.-оф. завѣд. обуч. въ

*) См. статью г.-л. Милодановича (*Прим. Ред.*).

Академіи, и кромѣ того читалъ: Механическую технологію (по курсу А. В. Гадолина), Графическую статику и Прикладную механику. Средняго роста, съ небольшой рыжей бородой; по внѣшности производилъ впечатлѣніе человѣка злого, непріятнаго, строгаго, въ дѣйствительности же былъ добраго сердца, съ широкой русской душой.

Стратегію читалъ проф. Ник. Акад. ген. штаба ген.-м. Ник. Ник. **Сухотинъ**. Средняго роста, темпераментный, всегда прекрасно одѣтый. Читалъ свой предметъ съ одушевленіемъ, отлично его зная, и былъ, такъ сказать, мастеромъ своего дѣла.

Долговременную фортификацію читалъ ген.-м. Цезарь Антон. **Кюи** по своему курсу, хорошо и ясно излагая свои лекціи и поясняя ихъ прекрасными чертежами на доскѣ. Но, кромѣ того, онъ былъ прекрасный піанистъ, а какъ композиторъ былъ извѣстенъ и въ Россіи и заграницей.

Математику читалъ Петръ Емельянов. **Рощинъ**. Его лекціи были ясны, математическіе выводы доводилъ до мелочей и за нимъ было легко слѣдить. Всѣ его любили, никого онъ не провалилъ на экзаменѣ.

„Теоретическую механику", которую читалъ **Н. С. Будаевъ**, большинство офицеровъ не любили, такъ-какъ не могли ее хорошо понимать, тѣмъ болѣе, что Будаевъ не доводилъ математическіе выводы до мелочей и за нимъ слѣдить было не легко.

Лекціи по Электротехникѣ читалъ кап. Фед. Петр. **Введенскій** по курсу Вл. Як. Флоренсова. Очень мягкаго характера, симпатичный; читалъ хорошо, ясно и понятно.

Нѣсколько лекцій по „Взрывчатымъ веществамъ" прочиталъ шт.-кап. Сем. Вас. **Панпушко**, высокаго роста, рыжій, сильнаго сложенія; очень доступный, держалъ себя, какъ другъ. Погибъ отъ взрыва мелинитовой бомбы на Охтенскомъ порох. заводѣ. Въ немъ мы потеряли цѣннаго и талантливаго профессора и всѣ его очень жалѣли.

Франц. яз. преподавалъ Людв. Ив. **Гіонне**, хорошаго характера. Обыкновенно нѣсколько офицеровъ собирались около него, читали, разговаривали съ нимъ, а остальные занимались, чѣмъ хотѣли.

Совсѣмъ инымъ былъ преподаватель нѣмец. языка, Адольфъ Март. **Шмидтъ**. На его лекціяхъ каждый долженъ былъ слѣдить за чтеніемъ, такъ какъ онъ часто прерывалъ: „господинъ Х. Х. продолжите чтеніе"... Особенно насѣдалъ Шмидтъ на поручика фонъ Грота, который, хотя носилъ нѣмецкую фамилію, не зналъ, такъ сказать, ни одного слова по-нѣмецки, что Шмидта страшно злило...

За недостаткомъ мѣста, упомяну только о нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей.

Пор. Вас. Мих. **Трофимовъ**, талантливый, хорошій математикъ; окончилъ Академію *первымъ*; съ нимъ я встрѣтился въ 1911 г. на заводѣ Крезо, когда большая русская комиссія осматривала этотъ заводъ, а я былъ предсѣдателемъ комиссіи по пріему 75 мм. скорострѣльныхъ пушекъ и 100 мм. гаубицъ для сербской артиллеріи.

Пор. Влад. Конст. **Бодиско**, всегда безукоризненно одѣтый, симпатичный; съ нимъ встрѣтился въ Югославіи въ 1923 или 24 г.

Выпускъ 1892 года изъ Михайловской Артиллерійской Академіи.

Стоятъ, 2-й рядъ: Г. П. Анастасіевичъ, А. М. Герасимовъ, В. М. Трофимовъ, И. А. Крыловъ, Д. А. Скрябинъ, В. К. Бодиско, А. Н. Офросимовъ, И. В. Казначеевъ.

Стоятъ, 1-й рядъ: А. А. Михайловъ, кап. Эрисъ-Ханъ Аліевъ, (офиц. Учил.), Н. П. Демидовъ, С. М. Барановичъ, Р. Ф. Бойовичъ, Ф. А. Берсеневъ, Г. А. Джуричъ, В. Н. Ипатьевъ, М. К. Соколовскій.

Сидятъ (профессора): Л. И. Гіонне кап. Г. А. Забудскій, кап. П. А Шиффъ, полк. К. Е. Гукъ, кап. А М. Головинъ, А. М. Шмидтъ, кап. Ф. П. Введенскій.

Не снимались (слушатели): А. И. Даниловъ, К. Ф. Максимовъ, А. Н. Холкинъ, А. Г. Дубницкій, А. И. Залѣсскій, Н. Г. Павловскій, А. Ю. фонъ-Гротъ, Ф. Ф. Старкъ, Н. В. Загряцкій, Ф. Д. Ремесниковъ.

Пор. Влад. Ник. **Ипатьевъ**; еще въ Академіи обратилъ на себя вниманіе работами по химіи и составилъ для старшаго класса курсъ — *„Количественный анализъ“*, по которому мы и работали въ лабораторіи; у себя въ квартирѣ имѣлъ лабораторію. Сейчасъ находится въ Чикаго профессоромъ университета.

Пор. Серг. Мих. **Барановичъ**, прекрасно воспитанъ; очень хорошо рисовалъ сепіей по фарфору; онь былъ однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей.

Мичм. Алекс. Мих. **Герасимовъ** — окончилъ *вторымъ*.

Жизнь въ Академіи. Жизнь въ Академіи протекала однообразно. Лекціи начинались въ 9 ч. утра, но прежде, чѣмъ войти въ классъ, каждый долженъ былъ расписаться въ книгѣ, которая лежала въ комнатѣ дежурнаго офицера; это служило контролемъ своевременнаго прихода въ Академію. Передъ входомъ въ классъ мы ставили сабли (шашки) и вѣшали шапки (фуражки) въ особыя стойки въ классномъ корридорѣ, надъ которыми были написаны фамиліи офицеровъ; это тоже былъ способъ контроля — всѣ ли находятся въ классѣ — всѣ ли мѣста заняты шашками и фуражками.

Съ офицерами обращались по джентльмэнски, но слѣдили за порядкомъ и дисциплиной и за аккуратнымъ посѣщеніемъ лекцій.

Если какой-нибудь офицеръ сообщалъ о болѣзни, къ нему немедленно командировался академическій докторъ для лѣченія или для установленія, что здоровъ.

Лекціи продолжались отъ 9 ч. утра до 3 ч. дня, что очень удобно и практично, такъ какъ послѣ 3 ч. дня каждый былъ свободенъ и это время могъ использовать какъ хотѣлъ.

Завтракали мы въ 11 час., спускаясь въ столовую, гдѣ за малыя деньги, насколько помню за 3 рубля въ мѣсяцъ, имѣли одно горячее блюдо (мясо съ гарниромъ), чашку чая и булку каждый день Ѣли мы наскоро и возвращались въ классъ.

И такъ шло изо дня въ день; только репетиціи, два раза въ годъ, вносили нервность, но, все-таки, все заканчивалось хорошо.

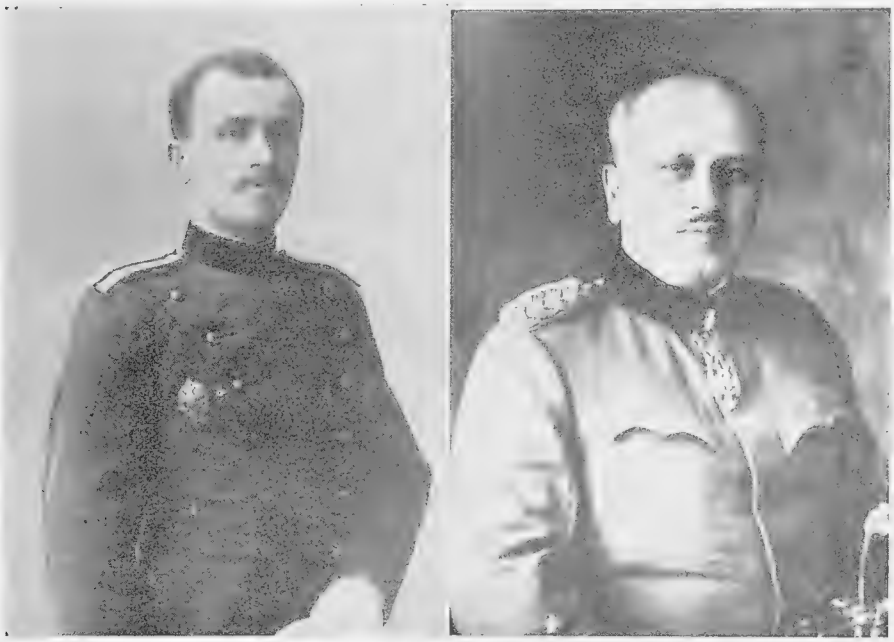
Въ Академіи мы выполняли и практическія работы и чертежи по „деталямъ машинъ“, „начертательной геометріи“, „подъемнымъ машинамъ“, „проектированію орудій“ и т. д., оставаясь по окончаніи лекцій. Особенно для этого мы использовывали недѣлю говѣнія, когда ходили въ училищную церковь для подготовки къ причастію.

Русскіе офицеры много богомольнѣе, чѣмъ мы. Во время службы они, вдругъ, всѣ одновременно опускались на колѣни; у насъ, сербовъ, это не было въ обычаѣ и въ первый моментъ я не зналъ — что дѣлать, но быстро нашелся и сталъ на колѣни, чтобы не бросаться въ глаза; но въ одинъ изъ моментовъ нѣкоторые офицеры стали дѣлать земные поклоны и я опять былъ въ недоумѣніи, но быстро рѣшилъ этого не дѣлать, такъ какъ и нѣкоторые русскіе офицеры земныхъ поклоновъ не дѣлали.

Передъ причастіемъ мы должны были исповѣдываться у стараго протоіерея; когда я вошелъ въ алтарь, протоіерей что-то мнѣ говорилъ и я ему что-то отвѣчалъ, но ни я его не понималъ, ни онъ меня, только я вошелъ въ списокъ исповѣдывавшихся и могъ причаститься.

Въ Мих. Академіи и Училищѣ каждый годъ давались балы, на которыхъ главную роль играли юнкера и посѣтители въ большинствѣ были молодежь. Но былъ еще балъ, который давали офицеры гвардейской артиллеріи; этотъ балъ, можно сказать, являлся наиболѣе блестящимъ въ Петроградѣ; на немъ, кромѣ офицеровъ, присутствовали: все высшее общество, а также дипломатическій корпусъ.

Я также бывалъ на этихъ балахъ и прекрасно проводилъ время, да и какъ могло быть иначе, когда я тогда имѣлъ неполныхъ



Миливой Федоровичъ Іоксимовичъ
(поручикъ Сербской артиллеріи, въ Академіи — 1904 г.). (Артил.-Технич. генералъ Югословен. арміи — 1937 г.).

25 лѣтъ, хорошо танцевалъ вальсъ, а въ Петербургѣ научился танцевать и мазурку. На балахъ я пріобрѣлъ много знакомыхъ и получилъ приглашенія отъ отдѣльныхъ семействъ на чай и домашнія развлеченія, такъ что создалась возможность хорошо проводить время, но, къ сожалѣнію, репетиціи, практическія работы и экзамены этого не позволяли, я долженъ былъ серьезно работать и о веселомъ времяпрепровожденіи не могло быть и рѣчи.

Воспоминанія о первомъ балѣ еще свѣжи въ моей памяти, какъ будто сейчасъ все вижу. Особенно мнѣ понравилась одна сцена: стоятъ два уже старыхъ генерала и о чемъ-то серьезно разговариваютъ; какъ вдругъ къ нимъ подходитъ стройная, молоденькая и интересная барышня, дѣлаетъ реверансъ и приглашаетъ одного

изъ генераловъ на танецъ; генералъ ни мало не смутился, снялъ шашку, передалъ одному изъ офицеровъ и сталъ скользить съ барышней по паркету, подъ звуки вальса. Этотъ поступокъ генерала тогда мнѣ сильно понравился, такъ какъ у насъ такой случай не могъ бы произойти, у насъ уже капитаны, конечно въ то время, переставали танцевать на балахъ, считая себя уже старыми, что я нахожу весьма ошибочнымъ...

Въ первые два года, послѣ экзаменовъ мы отправлялись на практическія работы на заводы — Колпинскій, Охтенскій пороховой, Трубочный, на Главный артиллерійскій полигонъ и т. д., вездѣ получали опредѣленныя заданія и нужно было серьезно работать; но понемногу развлекались, бывали тутъ и маленькіе романы, обѣщанія и слезы при разставаніи. Въ Колпинѣ одинъ изъ нашихъ товарищей (Ремесниковъ) и женился...

Многое бы могъ еще написать, но это было бы слишкомъ много для Сборника, поэтому я приведу еще только описаніе того, какъ я, будучи слушателемъ Академіи, присутствовалъ 26 ноября 1889 г. въ Зимнемъ Дворцѣ на праздникѣ кавалеровъ ордена св. Георгія.

Во всѣхъ залахъ Дворца были выстроены офицеры разныхъ родовъ оружія; мы, артиллеристы, стояли въ большомъ бѣломъ залѣ, стѣны и потолокъ котораго были покрыты лѣпными украшеніями съ золотомъ, а вдоль стѣнъ стояли золоченыя стулья. Вездѣ лакеи въ ливреяхъ, украшенныхъ золотомъ и царскими орлами. Караулы отъ кавалергардовъ и конногвардейцевъ въ бѣлой парадной формѣ, въ высокихъ сапогахъ и бѣлыхъ рыцарскихъ перчаткахъ; на головѣ каска съ двуглавымъ орломъ, а на груди на красномъ супервестѣ (одѣтомъ поверхъ бѣлаго мундира): у кавалергардовъ большая серебряная звѣзда, а у конногвардейцевъ большой золотой двуглавый орелъ; если прибавить, что солдаты были ростомъ около 190 сантим., то понятно, что получалась красивая и импозантная картина. А если принять во вниманіе массу офицеровъ въ парадной формѣ, въ лентахъ и орденахъ, то создавалось впечатлѣніе, которое нельзя забыть...

Всѣ ожидали шествія Царя, Царской Фамиліи и георгіевскихъ кавалеровъ, которые должны были пройти черезъ всѣ залы въ Дворцовую церковь.

И вотъ, черезъ нѣкоторое время появилась величественная фигура Царя Александра III съ Царицей, которая, будучи небольшого роста, казалась еще меньше рядомъ съ колоссомъ — Царемъ.

Царь былъ въ генеральской формѣ, а Царица въ русскомъ народномъ одѣяніи (бѣломъ сарафанѣ) съ кокошникомъ на головѣ, богато украшенныхъ драгоцѣнными камнями.

За Царемъ шли всѣ Великіе Князья и Великія Княгини, также въ русскихъ платьяхъ, дальше генералитетъ, высшіе чины, всѣ въ формахъ съ золотымъ шитьемъ, а за ними — георгіевскіе кавалеры, что создавало импозантную картину. Первыми шли генералы, награжденные орденомъ св. Георгія, за ними офицеры по чинамъ, потомъ унтеръ-офицеры и простые солдаты; были здѣсь георгіевскіе кавалеры и безъ руки, и безъ ноги, на костыляхъ или опиравшіеся на палку, что также произвело на меня очень сильное

впечатлѣніе и вызвало удивленіе, когда я увидѣлъ — какая великая честь оказывается этимъ храбрымъ людямъ, которые части своего тѣла жертвовали за Царя и Отечество.

Когда шествіе прошло, мы оставались въ ожиданіи окончанія церковной службы и возвращенія шествія, послѣ чего разошлись...

Всѣмъ георгіевскимъ кавалерамъ Царь давалъ обѣдъ. Мнѣ говорили, что унтеръ-офицеры и солдаты имѣли право, какъ память объ этомъ днѣ, уносить съ собой весь обѣденный приборъ...

Когда мы окончили „Дополнительный курсъ", мы обмѣнялись фотографіями и собрались на прощальный обѣдъ, который организовалъ поруч. Д. А. Скрябинъ, въ ресторанѣ, названіе котораго не помню, но знаю, что находился на Б. Морской, вблизи зданія Главнаго штаба. За обѣдомъ мы прекрасно провели время до глубокой ночи, простились другъ съ другомъ и разошлись, чтобы, такъ сказать, никогда больше не встрѣчаться.

Наше поколѣніе пережило много тяжелыхъ дней въ своей жизни. Моя малая Сербія пережила свою Голгофу, но и дождалась своего Воскресенія. Такъ точно великая и мощная Россія сейчасъ переживаетъ свою Голгофу, послѣ которой должно придти Воскресеніе, и оно придетъ, а тогда появится Россія еще болѣе мощная и болѣе сильная, во славу и величіе своего народа и всего Славянства, и на страхъ врагамъ...

****

Приложеніе 1-е.

Выписки изъ краткихъ записокъ о службѣ:

I. Ген.-лейт. **Владиміръ Андреевичъ Леховичъ** (фотографія стр. 135). 1) По окончаніи Мих. Арт. Учил. произведенъ въ подпоручики 3-й Гв. и Гренад. арт. бриг., съ прикомандированіемъ къ л.-гв. 2-й арт. бр.—8 авг. 1880 г. Переведенъ въ гвардію—1881 г. 2) Окончилъ Офиц. Артил. Школу—1898 г. 3) К-ръ 3-й бат. л.-гв. 1 арт. бр.—1898 г. 4) К-ръ 1-й Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Павловича 6-еи л.-гв. 1 арт. бр.—1902 г. 5) К-ръ Гв. Стр. арт. дивиз.—1904 г. 6) Командующій 22 арт. бр.—1904 г.; ген.-м. 1906 г. 7) К-ръ л.-гв. 2-й арт .бр.—1907 г. 8) Помощникъ Нач-ка Главнаго Артил. Управленія, съ зачисленіемъ въ списки л.-гв. 2-й арт. бр.—1909 г. 9) Ген.-лейт. 6 дек. 1910 г. 10) Назначенъ Помощн. Военнаго Министра—25 февр. 1917 г., но въ должность не вступалъ изъ-за развернувшихся событій. 11) Назначенъ Начальникомъ Главн. Артил. Управленія и въ этой должности послѣдняго Начальника Г. А. У. оставался до прихода къ власти большевиковъ, когда, подавъ въ отставку 2 дек. 1917 г., покинулъ С.-Петербургъ.

II. Ген.-лейт. **Александръ Ивановичъ Постовскій** (фотографія стр. 136). 1. По окончаніи Мих. Арт. Уч. произведенъ въ подпоручики 3-й Гв. и Гренад. артил. бриг.—8 авг. 1880 г. 2) Переведенъ въ гвардію—1881 г. 3) Окончилъ Ник. Акад. Генер. Штаба—1888 г. 4) Подполковникъ—1892 г.. полков.—1896 г., ген.-маіоръ—1904 г. 5) Ген.-лейт.—1912 г., съ назначеніемъ Начальникомъ 1-й Гренадерской дивизіи.

Награжденъ: за Китайскую войну—орд. св. Анны 3-й степ. и св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ; за Японскую войну—орд. Анны 2 ст. и Владиміра 3-й ст. съ мечами, Золотымъ оружіемъ съ надписью „За храбрость" и чиномъ ген.-маіора; за Великую войну—орд. Владиміра 2-й ст. и Бѣлаго Орла съ мечами, и мечами къ орд. Станислава и Анны 1-й ст.

Выпускъ 1900 года изъ Михайловской Артиллерійской Академіи

(см. статью С. И. Лашкова въ 1-мъ выпускѣ).

Стоятъ: В. Г. Федоровъ, В. Н. Лахтіоновъ, С. И Лашковъ, К. А. Евреиновъ, Л. Д. Гольмъ, В. А. Свидерскій, В. Э. Макаровичъ, В А. Платоновъ, В. Ф. Склифасовскій.

Сидятъ: С. В. Агокасъ, Н. С. Хватовъ, Н. А. Щербинскій, И. П. Граве, А. А. Дзержковичъ, М Г. Тидеманъ, М. Н. Добророльскій, Н. Г. Высочанскій, В. С. Михайловъ.

Не снятъ: П. И. Ивановъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ КО 2-му ВЫПУСКУ.

		Стр.
I.	*Отъ Правленія.*	5
II.	*К. В. Снигиревскій* — „Воспоминанія старѣйшаго“.	6
III.	*А. А. Нилусъ* — Училище и Академія	14
IV.	*Л. Я. Симоновъ* — Воспоминанія объ „Alma Mater“	30
V.	*Е. А. Милодановичъ* — Полъ-вѣка назадъ	34
VI.	*Н. М. Храбровъ* — Воспоминанія о Великомъ Князѣ Сергіи Михаиловичѣ	47
VII.	*В. П. Никольскій* — Счастливые годы	52
VIII.	*В. Д. Нарбутъ* — Мои воспоминанія	59
IX.	*С. И. Лашковъ* — Михайловцы подъ Дашичао . .	63
X.	*Н. А. Герцо-Виноградскій* — Воспоминанія „Михайловца“ выпуска 1897 г, ...	69
XI.	*В. К. Чернявскій* — Н. С. Будаевъ	74
XII.	*Н. Т. Бѣляевъ* — Изъ семейной хроники	76
XIII.	*А. Н. Ефремовъ* — Корпусъ—Училище	82
XIV.	*А. Н. Потаповъ* — „*М*“ съ короной	85
XV.	*Б. А. Долгово-Сабуровъ* — Привѣтъ къ 110-й годовщинѣ	97
	Къ 25 ноября 1937 г.	100
XVI.	*А. Н. Щербининъ* — Нашъ балъ	101
XVII.	*В. Е. Милодановичъ*—Ген. С. Л. Марковъ въ М. А. У.	108
XVIII.	*Свящ. П. Туруханскій* — Ген.-м. П. Е. Глудкинъ .	113
XIX.	*В. В. Щавинскій* — Первые прапорщики . . , .	119
XX.	*В. П. Родзянко* — Впечатлѣнія гимназиста . . .	131
XXI.	*К. В. Саватіевичъ* и *А. И. Крыловъ* — IX ускоренный курсъ	134
XXII.	*Р. Ф. Бойовичъ* — Въ Академіи	137
	Приложеніе 1. Выписки изъ краткихъ записокъ о службѣ	145

СТОИМОСТЬ 2-го ВЫПУСКА:

Югославія — безъ пересылки — 35 динаръ.
Югославія и Франція, съ пересылкой — 40 динаръ.
Болгарія, съ пересылкой — 60 лева.
Остальныя страны — 1 американскій долларъ.

ТРЕБОВАНІЯ НАПРАВЛЯТЬ:

I. I. Сахновски, ул. Кр. Милана 12, Belgrade, Jougoslavie.
С. И. Лашков, Четничка 12, Belgrade, Jougoslavie.